

O P I U M

Он называл её «Опиум», потому что его любовь к ней была похожа на одержимость.

Он нарисовал на своей груди татуировку мака, идеальную копию её цветка - символ бессмертия их чувства.

Он обещал ей дом на берегу реки, детей, процветание и высокие стены его защиты и заботы.

И он всё это дал... но не ей.

Семейная тайна разбила все их надежды и мечты, открыв непреодолимое препятствие - им НЕЛЬЗЯ.

Пути Господни неисповедимы, однако счастье каждого человека – в его собственных руках, и только в них.

Ограничение: 18+

#драма #ХЭ не инцест #запретная любовь #разлука и второй шанс

- [Опиум. Вечность после...#2](#)
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Эпилог](#)
-

Опиум. Вечность после...#2

Виктория Мальцева

ПРОЛОГ

Дамиен

В тот день мы оба постарели лет на десять. Но далеко не сразу поняли, что уже никогда не станем прежними.

- Помнишь ту женщину, которой ты в четыре года заявил, что твоя мать шлюха? – спрашивает отец.

Чёрт... Да, я это помню. Один из самых больших конфузов в детстве: бабушка часто повторяла своим соседкам, что её сыну не повезло – он нарвался на шлюху. Шлюха бросила ребёнка – меня, и уехала в неизвестном направлении. Точнее, направление было известно: к другому кобелю. Надо сказать, бабка моя была довольно авторитарным и безапелляционным человеком: всю жизнь проработала на стройке прорабом, фактически под её началом возведена едва ли не половина Ванкувера. Ну, если верить тому, что она говорила.

- Помню, - отвечаю ему, - это была Энни. И ты посадил меня в чулан на три часа, а Энни плакала и уговаривала выпустить, - делюсь с отцом своими самыми ранними воспоминаниями.

Всё это вышло из-за игрушечной машины – модели чёрного Мустанга. Энни, приехавшая в очередной раз к отцу, спросила, нравится ли мне моя игрушка, и я ответил ей, что мне её подарила шлюха. На самом деле, я даже не знал значения этого слова, однако догадывался, что это нечто нехорошее. Энни хлопала глазами, как кукла, потом спросила:

- Как ты сказал?

И я ответил:

- Это подарок на Рождество от моей матери.

И добавил:

- Шлюхи!

Энни буквально взорвалась рыданиями и выскочила в ванную, отец взбесился, а я был горд собой - Энни мне не нравилась. А бабушка, с которой я проводил большую часть своей жизни, считала, что все женщины – «хитрые твари, ищущие выгоды и приключений». Собственно, эту мысль она и вбивала в мою голову примерно до моих полных восьми лет, пока скоропостижно не умерла от рака. В том же году, только двумя месяцами позднее, Энни и её дочь Ева поселились в нашем доме. Я очень жалел, что бабушка умерла – такие перемены могли бы стать крайне весёлым событием, будь она жива! Бабуля могла кого угодно сжить со свету, будь это соседка-кошатница или новая жена её сына.

Поднимаю глаза на отца, совершенно не понимая, к чему он ведёт, но уже ощущая каждой фиброй своей души близость катастрофы. Она уже струится по моим венам, уже разгоняет сердце, уже затмевает разум эмоциями.

Наконец, он это произносит:

- Ты сказал это своей матери, Дамиен. Женщине, с таким трудом выносившей тебя, и давшей жизнь вопреки всем сложностям!

- ЧТО?

- Энни – твоя мать. Твоя биологическая мать. Твоя родная мать.

Шок мешает мне осознать главное:

- Если Энни моя мать, то кто тогда родители Евы?

- Ева... твоя сестра-близнец, Дамиен. У неё те же родители, что и у тебя.

Слова, которые навсегда изменят мою жизнь. Перевернут её с ног на голову, схватят меня за горло и долгие годы станут душить. Слова, которые расчленят мою душу, заставив выбирать между долгом, моралью и чувствами. Слова, из-за которых я наделаю массу ошибок, и многие из них окажутся непоправимыми.

В моих глазах темнеет. Отец продолжает говорить, но я едва осознаю смысл произносимых им слов:

- У нас с Энни родилась двойня. Ева появилась на свет первой и весила почти на килограмм больше тебя. Ты был вторым и... мёртвым. Ты родился мёртвым, Дамиен.

Мне плевать каким я родился. В данный момент я ничего не вижу, и мне тяжело дышать. Я, чёрт возьми, не могу сделать вдох: какое мне дело до того, кто был первым, а кто вторым?

- Энни только исполнилось девятнадцать, и она была худой, слабой, тело словно просвечивалось. Эти её запястья в тонких синих прожилках, живот, грудь я до сих пор забыть не могу и не понимаю, как она вообще смогла пройти через всё это до конца! Она едва не умерла в родах, а ты назвал её шлюхой, Дамиен!

После этой фразы шум, резонирующий в моей голове, наконец, создаёт взрыв. Боль вырывается наружу. Я вскакиваю на ноги, хватаю отца, протирающего салфеткой красные глаза, за дорогую рубашку и среди всей какофонии своих беспорядочных мыслей отчётливо слышу, как трещит и разрывается её ткань, как лопаются нитки:

- Что ты сказал? Повтори ещё раз: Ева мне кто?

- Сестра! Твоя сестра-близнец...

Он произносит это таким спокойным тоном, как нечто обыденное, обыкновенное. Как нечто само собой разумеющееся и не требующее осмысления.

- Отпусти мою рубашку, Дамиен! – его голос грудной, мощный.

Но Дамиена больше нет. Дамиен уничтожен. Есть только безумец, растерянно пытающийся найти выход из окружающего его хаоса. Уцепиться за нить, ведущую в адекватную реальность.

Девушка, которую я люблю больше жизни, женщина, с которой столько раз занимался сексом и видел женой и матерью наших детей, душа, от которой я вот уже год не могу оторваться – моя родная сестра-близнец?

Ева

- У вас одни родители, одна кровь, одинаковый ДНК! Я не знаю, как ещё тебе объяснить это, Ева! – мать почти орёт. Визжит, как белка.

Мгновения мы смотрим друг на друга в упор. Мне кажется, что в моих венах лёд: часть меня уже всё поняла, но другая отказывается верить, принимать.

- Вы с Дамиеном родные брат и сестра! – повторяет.

А для меня эти слова всё равно, что нож гильотины. Ещё раз голова с плеч, и только звон в ушах. Странно, что я всё ещё могу жить.

Мир остановился. Время впервые в истории Вселенной прекратило свой ход, сделав это исключение для одной очень маленькой девочки, почти микроскопической, чтобы дать возможность её огромному, переполненному чувственной привязанностью сердцу осознать невероятное.

Невозможное.

Недопустимое.

То, что разрушит её мир, разобьёт все до единой мечты и на долгие годы повергнет в глубочайшую яму депрессии.

Перед глазами Дамиен, крушащий кухню, разбивающий посуду, технику, ломающий мебель. Фатальные удары металлического барного стула о гранит стойки и белые дверцы шкафчиков. Посудомоечная машина помята, холодильник открылся, не выдержав побоев, и растерял содержимое, тонкий экран телевизора – вдребезги.

Но главное – взгляд: затравленный, болезненный, не взгляд – крик. Отчаянный душевный вопль. Блеск влаги в глазах.

И его слова родителям:

- Я ненавижу вас обоих! ОБОИХ!

Сказал, будто проклял их.

Проклял.

И боль, моя ни с чем не сравнимая боль в тот момент, когда он шарахнулся от меня, отступал, пятился к двери, глядя в глаза. В последний раз глядя.

Мой Дамиен. Мой мужчина. Мой родной брат.

Есть в человеческой способности мыслить такое явление, как логика, и вот, моё стремительно тонущее в боли сознание пытается за неё цепляться, стараясь найти отдушину, лазейку, нечто, хоть что-то, дающее надежду:

- Это невозможно! Мы рождены в разные дни, ты не могла родить одновременно от разных мужчин... если бы у нас была разница в возрасте, то тогда... а так... Ты всё это выдумала! Я знаю, вы не хотите, чтобы мы были вместе, только я не понимаю почему!!! За что вы нас так ненавидите?

Я рыдаю, у меня истерика. Мать пытается обнять, утешить, её ладони на моих руках, голове, спине - они повсюду, их цель - создать для меня спасительный кокон, который пусть не уберезёт от боли, но, по крайней мере, поможет её пережить:

- Ева, вы близнецы... Ты родилась первой, а Дамиен - всего на двадцать три минуты позднее, но уже в другой календарный день, понимаешь?

Понимаю ли я?

Не знаю, сколько времени прошло, но тогда мне казалось, это была вечность. Впадина безвременья, разделяющая настоящее и прошлое, любовь и бесконечную бездну потрясения. Голос матери, нежный и, как никогда, спокойный, вынимает меня из забвения:

- Мне было шестнадцать, когда я впервые встретила Дэвида, в семнадцать мы стали парой, а в девятнадцать, порушив все наши планы, у нас родилась двойня. Спустя ещё год, в двадцать, мы поженились, хотя фактически уже были семьей. Нам обоим было нелегко: слишком рано появились дети, слишком много ответственности и слишком мало опыта. Дэвид устроился работать на фабрику картонных коробок, после на завод индейки... Он возвращался поздно, и я называла его «куриным папой», но он никогда на меня не обижался. Всегда был рядом, всегда на моей стороне.

Со вздохом:

- А потом появился Лео. Как тайфун, как отпуск, как освежающий мохито. Это было одно из моих первых прослушиваний: вам с Дамиеном исполнилось уже около года, и мне удалось пристроить вас в дотируемый провинцией детский сад. Я знала, что эти чувства неправильны, ненавидела себя, страдала, мучилась, но ничего не могла с собой поделать! Он

не был похож ни на кого вокруг: красивый, статный, воспитанный, умный. Мы подолгу смотрели друг на друга, подолгу не могли оторвать глаз, это была магия, самая настоящая непреодолимая сила, и ни один из нас не был способен ей противостоять! Мы пытались, Ева, мы пытались. Рвали отношения, но не выдерживали больше недели. В итоге, Лео выдвинул ультиматум: если не уйду от мужа, вашего с Дамиеном отца, он покончит с собой. И это было похоже на правду, потому что в его взгляде было безумие, страсть, боль и страх потерять навсегда. Дэвид не устраивал сцен, не грозился никого убить, тем более себя. Он поставил только одно условие: полнейшее моё исчезновение из его жизни, и один из детей остаётся с ним. Мы решили вас разделить, и проще было сделать это по половому признаку. Рассудили, что мальчику будет лучше с отцом, а девочке – с матерью. Дэвид был... морально уничтожен и молод. Он попросил меня не рвать ему душу и не общаться, решил разделить семью и поставить точку.

Мать снова вздыхает, и по дрожи в её вдохе я осознаю, что она плачет, рассказывая всё это.

- Мы оба были слишком молоды, слишком, Ева. Мы не просто ошибались, а валяли дурака. Конечно, план был изначально провальным, потому что уже через пару месяцев я взвыла от тоски по второму ребёнку, по сыну. Но Дэвид был категоричен и требовал дистанции.

Она не выдерживает и срывается в рыдания. Несмотря на весь мой транс и ощущение гадкого сна, который вот-вот рассеется, уступив место ясному дню, я слышу, чувствую те особенно трепетные эмоции матери, когда она произносит слово «сын». Мне и раньше было очевидно, что я не имею веса в нашей пришибленной семейке, но теперь всё становилось на свои места.

Перед глазами снова Дамиен и его экспрессивное «НЕНАВИЖУ».

Кажется, я тоже ненавижу. Обоих.

Но мать слишком занята своими воспоминаниями и переживанием давно ушедших событий:

- Только спустя два года твой родной отец сдался и позволил мне видеться с Дамиеном. Тебе исполнилось четыре, когда он приехал в Брисбен, чтобы навестить тебя, но... но ты была так привязана к Лео! Ты боялась мужчин и признавала только отца. Неродного! - всхлипывает. - А родного не приняла, не согласилась даже подойти к нему, не захотела подарков, смотрела исподлобья и требовала уйти.

Снова всхлипывает:

- Сердце Дэвида разбилось в тот день, Ева. Мы оба поняли, какую глупость совершили. Я была виновата больше, конечно, но вся эта идея разойтись и никогда не встречаться целиком принадлежала ему! И он понял, что натворил, но уже было поздно.

Внезапно мать хватает меня за плечи и разворачивает к себе:

- Ева, Дэвид безумно любил тебя, когда ты была совсем крошкой! Он не отказывался от тебя, он просто... просто мстил мне, наверное, потому что самому было очень больно! Молодость не дала ему возможности избежать ошибки, страшной ошибки! В тот момент я возненавидела его за такое решение, и только годы спустя смогла понять: он пытался защититься от боли. Ему было очень больно, хоть я и не видела этого в момент нашего расставания, потому что он был слишком горд, не показывал, как внутри у него всё горело. И в этом пылу он принимал не слишком мудрые решения.

Со вздохом:

- После смерти Лео, как ты знаешь, на нас обрушились чудовищные финансовые проблемы, и когда Дэвид предложил помощь, у меня не было выбора. Просто не имелось никакого другого выхода, кроме как согласиться. И мы с тобой вернулись в Ванкувер, в дом Дэвида. Он очень много работал, Ева, и сейчас продолжает это делать, чтобы дать своим детям – вам с Дамиеном, всё лучшее, что может. Потому что он ваш отец и любит обоих. А перед тобой у него чувство вины за то, что не справился со своими эмоциями, что отвернулся от тебя, что не был рядом, что вовремя не придал должного значения проблеме, когда вы с Дамиеном едва не поубивали друг друга, что ты жила вдали от семьи столько лет. У нас сложилась очень непростая ситуация, но он пытается найти выход. Мы с ним вместе решили, что лучшее, что можем сделать, это помочь вам принять друг друга. Ведь то, что вы творили, было каким-то сумасшествием, Ева! Но ни Дэвид, ни я и подумать не могли, что вы можете... могли бы понравиться друг другу не как брат и сестра, а как...

- Мужчина и женщина, - завершаю за неё и сама не узнаю свой голос.

Я онемела: мёртвое тело, пустая душа. Во мне нет жизни. Больше нет. И, кажется, уже никогда и не будет.

Когда твой мужчина уходит к другой, ты страдаешь от предательства.

Когда он умирает, ты винишь в своём горе злой рок.

Но когда вы оба падаете в колодец чувства, у которого нет дна, и успеваете познать абсолют в близости, а ОН вдруг оказывается не просто родственником, а родным по крови братом, ты просто немеешь. Твои мысли, ячейки в сером веществе не способны уместить, обработать и выдать соответствующую эмоцию. Вместо этого ты получишь всё сразу, как только отпустит шок.

И вот тогда ты захлебнёшься болью, от которой уворачиваться бесполезно - она ползёт отовсюду, из каждой щели.

Глава 1. Первая встреча «после»

Сегодня мы увидимся впервые.

Три года прошло. Три.

Тысяча дней осознания, отрицания и попыток «принять».

Мать, наконец, решила собрать всю семью за ужином: великий семейный обед с традиционным барбекю, печёной кукурузой и десятком иных заумных блюд, потому что теперь у неё новое увлечение – кухня.

Я ненавижу готовку, и так было всю мою жизнь. Всё, что от меня требуется – это пара лишних рук, способных помыть, почистить, нарезать. Это не сложно и вполне доступно для меня, только вот руки с самого утра трясутся.

На самом деле, сегодня не первая наша встреча. Была ещё одна, почти сразу после разрыва, но встречей её вряд ли можно считать, потому что мы не встречались.

Три года назад

Первые дни я живу в тумане. Странное состояние отупения, приглушённости чувств и эмоций, отсутствие желаний, включая базовые – мой новый мир. Человек, успевший стать не просто частью моей жизни, нет, он стал ею целиком – мой родной брат. Больше того, мы близнецы, а это означает, что наши крохотные клетки начали расти бок о бок: день за днём, неделю за неделей мы были рядом и превращались из зародышей в детей. Не удивительно, что меня всегда так сильно тянуло к нему, ведь с момента появления моего первого атома в этой Вселенной, я была не одна, нас было двое.

Братья и сёстры не могут создавать пары, между ними не возникает чувств, любовь невозможна, секс запрещён, и даже мысли о нём развратны.

Существуют препятствия и преграды, которые можно научиться преодолевать, а есть данность, не оставляющая вариантов.

Мы никогда не сможем быть вместе. НИКОГДА.

Моя мораль сдала позиции на шестой день после дня X. Точнее, это произошло сразу же, как родные отец и мать улетели обратно в Бостон, клятвенно пообещав вернуться в самое ближайшее время и уже насовсем. Я мысленно пожелала им навсегда оставаться в Бостоне и никогда не возвращаться.

Разум проиграл решающую битву сердцу, и мой коллапс случился в комнате Дамиена, на нашем... его матрасе. Я сидела, обнимаясь с его подушкой, жадно вдыхая запах, и выла в голос. Эта подушка была спрятана в шкафу мною же накануне в день большой стирки, затеянной матерью, чтобы уничтожить запахи и следы наших тел на простынях и наволочках, футболках и прочем белье, но не наши воспоминания.

За дни душевных мук, терзаний и попыток осознать наше «родство», я так и не смогла увидеть в нём брата. Дамиен остался для меня желанным мужчиной, о котором теперь я знала, что у нас один ДНК.

За три дня до этого матери потребовалась уборка в его комнате.

Корзина с бельём Дамиена, приготовленная для стирки, вызвала очередной приступ истеричного, но беззвучного рыдания. В тот же день, в тот самый раз, из той самой

ненавистной корзины я украла его футболку: обычную белую из плотного трикотажа – именно такие мать покупала для своего родного сына в Костко. Мне всё равно, где её приобрели, и сколько она стоила, какого качества ткань и насколько моден крой, главное, чего искала моя истерзанная душа – утешения. И в этом клочке однажды ношенной мужчиной ткани, сохранился его запах.

Но не только: Дамиен серьёзно порезался накануне приезда родителей, мы обрабатывали и перевязывали рану, но кровотечение было настолько сильным, что он испачкал футболку. Именно её я и выбрала из кучи нестиранного белья, хорошо помня о том, что именно мой Дамиен оставил на ней.

Как будто специально для меня.

Вначале я только смотрю на пятно, давно ставшее коричневым, осознавая, что это не просто его кровь, а такая же точно как моя. И только неделю спустя решаюсь коротко прикоснуться указательным пальцем. Настанет день, когда мои губы впервые поцелуют его медленно и нежно, и будут дни, когда я повторю это снова.

Мне придётся прятать эту футболку много лет: вначале от матери, после – от себя и, в конце концов, от собственного законного мужа. В минуты невыносимой тоски и отчаяния она неизменно станет спасать мою слабую волю и истерзанную душу от дурных мыслей. Я буду спать в ней в пору одиночества, нюхать и обниматься тайком от осуждающих глаз людей, являющихся близкими, но, по сути, всегда остававшимися чужими.

И я всегда буду помнить о нём. О наших днях, ночах, закатах и рассветах, прочтённых вместе книгах, взаимных ласках и эротических забегах, о сотнях выпитых вместе чашек кофе, съеденных за одним столом обедах, ужинах и завтраках. Я буду годы напролёт засыпать, закрыв глаза и слишком хорошо представляя улыбающееся лицо на соседней подушке, взгляд с прищуром, обещающий жаркую ночь или захватывающую идею о том, как вместе провести уикэнд. Я тысячи раз переберу в голове все наши планы, нарисованные картины общего дома, его обустройства и придуманного вместе дизайна комнат и душевых, заднего двора с детской площадкой, большой, потому что детей мы хотели много...

Лишившись Дамиена, я потеряла гораздо больше, чем парня, друга, любовника, мужчину. Нет, всё оказалось гораздо хуже: я утратила единственный ориентир.

У меня никогда не было целей, я ни о чём не мечтала, проживая каждый новый день своей жизни ради самого этого дня. Я шла в школу для того, чтобы встретить друзей, послушать длинные увлекательные истории мисс Брукфилд о беспокойных днях её далёкой молодости, упущенных возможностях и встреченных людях, преимущественно мужского пола, узнать немного полезной информации по географии Австралии, о физической природе метеорита и способе вскармливания детёнышей кита. Мне и в голову не приходило учиться для того, чтобы стать образованной, добиться признания и уважения в обществе или получить более широкие возможности в выборе профессии.

Я никогда не знала, кем хочу стать, какому делу себя посвятить, и даже более того, подобные вопросы не имели обыкновения появляться в моей голове.

Каждый новый день начинался с чашки травяного чая, сдобной булки, испечённой Агатой накануне, короткой, но тёплой утренней беседы с ней же и долгого, но такого любимого мною пути вдоль тёплого океана в школу, когда тебе не нужно нестись, сломя голову, чтобы успеть на пришедший раньше графика автобус, или, дрожа от страха и потя не только ладонями, но и теми местами, которыми в принципе невозможно потеть, вести личное авто до платной школьной парковки.

Я просыпалась, чтобы прожить свой день. О дне завтрашнем думать обычно случалось не раньше, чем завтрашним же утром.

А вот неутомимый Дамиен всегда был одержим идеями, мечтами, которые все до единой перевоплощались в чёткие и вполне достижимые цели. Он хотел чёрный, как ворон, Мустанг – получил его. Задумал стать лучшим гонщиком – стал. А идея ресторана с простым, но эффектным названием «Fog you only», воплотилась в популярное и, что самое главное, финансово успешное заведение. И девятнадцать неопытных юных лет не стали в этом помехой.

Если бы жизнь не отняла Дамиена, у меня была бы семья, и обязательно родились бы красивые и умные дети. Если бы он был рядом, я бы окончила колледж и стала адвокатом. Если бы Дамиен оставался моим на протяжении всей последующей жизни, я прожила бы её личностью с целями, мечтами и достижениями.

Я прожила бы её.

Если бы...

Спустя месяц не выдерживаю и пишу ему первой:

«Дамиен, привет. Надеюсь, у тебя всё хорошо? Я думаю, нам нужно поговорить».

Ответ получаю только сутки спустя:

«Прости меня. Я не могу. Мне нужно время».

Сутки ушли у него на то, чтобы написать мне 8 слов. Сутки, в которых 24 часа, то есть, это по слову даже не в час, а каждые три.

Всё это время он думал, что мне ответить. Он борется с собой, ему больно, ему тяжело, он страдает в одиночку, вдали от всех.

Или его настолько тошнит от мысли, что мы не просто совершили инцест, мы жили как муж и жена, будучи самыми родными на свете людьми? Роднее не бывает.

Может поэтому он не может видеть меня? По этой причине сбежал? Из отвращения? Омерзения? Стыда и сожалений?

Ещё через месяц получаю от него сообщение:

«В нашем кафе? В аэропорту?»

Мне не нужны сутки, чтобы ответить. Даже час не нужен: я отвечаю сразу:

«Хорошо, я приеду. Когда?»

«Завтра в час?»

«В семь».

«Хорошо».

Его взгляд прикован к одной точке – прозрачному стакану с содовой, в который он, по своему обыкновению, конечно же, добавил лимон. Он ждёт, но не оглядывается по сторонам, будто боится увидеть меня, столкнуться взглядом и лишиться себя последнего шанса остановить ЭТО.

Я смотрю на его согбенную широкую спину, плечи, склонённую над стаканом воды голову и вижу моего Дамиена. Вон там, над правым ухом, на три сантиметра выше, у него есть кривой шрам – моя отметина. А на лопатке его скорпионье «Д» окутано моим атласным алым «Е», олицетворяющим мою нежную любовь к нему. И на груди его, так близко к сердцу – наш «опиум», оставленный там в знак силы его чувств ко мне. Он весь в моих отметинах, целиком мой. И не мой. Никогда уже не будет моим.

В тот день я так и не смогла к нему подойти, совершив свою самую первую, но ещё не фатальную ошибку.

Глава 2. Любовь

Мать нарезает овощи для салата, ловко орудуя специальным ножом из набора, подаренного Дамиеном. Он же научил её, как правильно работать с инструментами на кухне.

- Я была в прошлом месяце в Сиэтле по делам... ладно, не по делам, - улыбается, - а по делу: сына навестить. И застала в квартире девушку, красивую. Очень.

В сердце вонзаются шипы.

- Я было обрадовалась, пора уже ему пару себе найти, женщину. Давно пора... Ох! - вздыхает. - Он заплатил ей прямо при мне, не постеснялся.

Странное чувство – боль и облегчение. Хочется плакать и хочется смеяться. Нахожу на ладони точку и с силой вдавливаю большой палец, чтобы не рыдать. Чтобы сдержаться.

- Проститутка? – выдыхаю.

- Да. Но, видно, из дорогих. Он работает, хорошо зарабатывает. Открыл второй ресторан в этом году. Квартира большая, просторная, с модными сейчас прозрачными стенами. Знаешь, такими, через которые видно весь город, как на ладони, - восхищается.

- Панорамные...

- Да-да! Точно! Панорамные. Замечательный вид открывается на Сиэтл...

Её голос внезапно обрывается на моменте, где обычно следует нечто вроде «тебе обязательно стоит взглянуть!» Материнская рука нежно поглаживает моё плечо:

- Всё образуется, Ева, вот увидишь. Всё наладится и встанет на свои места.

Я усиленно делаю вид, что давно уже пережила этот вопрос: всё в прошлом, всё позади.

- Вы общаетесь? – спрашиваю, хотя знаю, что да.

- Да. Часто. Он матерью меня назвал, Ева. Не так давно это случилось – полгода назад примерно. И дважды повторил! – расплывается в улыбке.

- Простил?

- Скорее, провёл переоценку ценностей и воспоминаний. Я ведь рядом всегда была. Почти всегда. Как и положено матери, - вздыхает.

Мы затихаем на время, каждая пытается справиться со своей собственной болью.

- Слушай, а он такой, оказывается, ласковый! – на её глаза наворачиваются слёзы. – Даже не верится... Никогда не видела его таким, никогда... даже с Меланией.

Удар под дых.

- Ты его больше любила и любишь, я знаю, - выдвигаю претензию, чтобы скрыть свои истинные эмоции.

Мне больно. Мне со всех сторон больно!

- Нет, Ева. Не больше. Никогда не больше, но перед ним чувствовала вину, и она заставляла меня совершать, порой, жестокие по отношению к тебе поступки. Если приходилось делать выбор, то он заведомо был в пользу сына, потому что однажды я его бросила. Нет более страшного преступления в жизни женщины, чем бросить своё дитя! – слёзы скатываются с её щёк одна за другой. – Мужчины – они другие, хотя Дэвид выпил своей горечи, но мы, женщины, привязаны к детям пуповиной. Страсть прошла, а боль и ужас содеянного остались.

- Я так любила отца, мам...

Мать обнимает, целует в лоб, чего не делала никогда раньше.

- Я знаю! Знаю! Жизнь полна парадоксов и странностей. Она жестока и многогранна, непредсказуема. Дэвид сдержанный, с виду холодный человек, но такие, как он, способны любить ещё сильнее. И он тебя любит, как и я. Мы оба любим, Ева!

И я вонзаю в её сердце нож справедливости:

- А ты его любишь, мам? Дэвида?

Но она с достоинством держит удар:

- Любовь бывает разной и по-разному рождается, дочь. Чаще её появление спонтанно, пронизано страстью и сумасшествием, даже одержимостью, но иногда она приходит тихо, возникает из, например, благодарности, как это вышло у меня. И она совсем не слабее, нет, она просто... другая! Не горячая, но глубокая, не страстная, но пронизанная взаимным уважением и доверием, не дикая-сумасшедшая, а мудрая, светлая, настоящая.

- Настоящая?

- Да, дочь. Настоящая. Много всего произошло в нашей жизни, прежде чем я сама это поняла. Дэвид - лучший мужчина, лучший человек, опора, которая всегда рядом. Он отец моих любимых детей и всегда был им, всегда оставался, что бы ни произошло! Именно это в мужчине главное - его надёжность!

Год назад

Моя жизнь утекала сквозь пальцы, пролетала мимо, не оставляя отметин. Как бы банально это ни звучало, но да: я не жила, я существовала, даже не заметив, как в моих никчёмных буднях появился мужчина.

- Ева, я думаю, нам нужно пожениться, - вкрадчиво ставит меня в известность Вейран о своём желании, будучи на пике душевного подъёма после очередного секса, который никогда не бывает таким, какой был с ним... с братом.

Так давно это было. Два года прошло, а кажется, будто целая вечность. Бесконечная, вялая, унылая вечность.

Это был скоропостижный брак, почти дикий в обществе, где теперь женятся одни только китайцы. Потому что в Канаде в случае развода всё имущество подлежит справедливому разделу, даже если вы просто жили вместе. Парни стали требовать от девушек расписки об отсутствии претензий на жилплощадь и счета в банке. Честь, галантность и щедрость больше не в моде и заменены брачными контрактами. Или договорами о сожительстве.

Мир сходит с ума, подавившись собственной материальностью.

Да, мой муж китаец. И мне это нравится. Никаких взрывных эмоций, стресса и мозгополосканий. Он не засматривается на других, другие не смотрят на него. Мир, покой, тишина. И общая квартира-кондо в новой высотке с видом на город.

Глава 3. Состоявшаяся первая встреча «после»

Стрелки часов неумолимо двигаются к страшной цифре «5».

Первым появляется Вейран и с перекошенным озадаченным лицом сообщает мне на ухо:

- У меня проблемы с животом, где можно уединиться?

- Что случилось?

- Попробовал новый японский ресторан во время ланча, - кривится.

Да-да, конечно. Японская кухня никогда не сравнится с китайской, где уж ей тягаться с 4000 лет теории и практики. Эта песня мне давно известна.

- Поднимись наверх в мою комнату, помнишь, где она?

- Нееет, - стонет, прижимая ладонь к животу.

- Первая дверь слева. Синие стены только в ней, не ошибёшься. Может, тебе принести чего-нибудь? Воды? Коньяка?

Я иногда подтруниваю над ним: «Добродушное чудовище» – так называю собственного мужа. Вейран – программист в крупной компании, занимающейся созданием компьютерных игр. Когда-то он только тестировал работу других, но уже при мне получил повышение, а с ним и достойную зарплату. Благодаря ей я могу не работать и тянуть с грехом пополам вторую часть своего юридического образования, которое, чувствую, скорее добьёт меня, чем я его. Учусь я из рук вон плохо, наука мне не даётся.

Не успевает Вейран исчезнуть на втором этаже, как входная дверь являет нам родню: сестру Дэвида, а значит, мою родную тётку Грэйс с дочерью Триш семнадцати лет и пузатым, облысевшим мужем в вечно поношенной одежде, хотя они никогда не бедствовали. Тётка холодно приветствует мою матушку, затем удостаивает вниманием и меня:

- О, Ева! Ты похорошела! Располнела немного, но тебе это к лицу, детка. В женщине должна быть женщина! Ха-ха! Мужики не волки, на кости не бросаются! Хе-хе!

- Гм-гм, - прочищает горло её супруг Джеймс. – Энни, пока суд да дело до стола дойдёт... в горле совсем пересохло... - намекает.

Мать молча открывает бар, вынимает бутылку виски.

- Энни, голубушка, глянь внимательнее, там, кажется, должен быть коньяк – мы в прошлый раз не допили.

Мать покорно отыскивает нужную бутылку, наливает в полнейшей тишине, пока Грэйс нагло усаживается в гостиной перед телевизором, включает его, перебирая каналы и охая, что пропустит вечерний выпуск своего любимого ток-шоу.

- Одержимая женщина! – комментирует это представление Джеймс, слащаво улыбаясь моей матери.

Да, теперь мать много мне рассказывает: они не приняли её, ни свекровь, ни сестра мужа. Никто из семьи. Ни в юности, полной ошибок, глупости и эгоизма, ни в зрелости, когда пришла пора пожинать плоды. «Дэвиду всегда было наплевать на их мнение, и это – главное!» - с гордостью подытожила мать свой рассказ о семейных перипетиях.

Дверь снова открывается, и я вижу Дэвида, его лицо озабочено, но при виде меня губы растягиваются в улыбке:

- Здравствуй, Ева, - негромко приветствует. – А где Вейран?

- Эм... он занят по срочному делу... ненадолго. А что такое?

- Там Дамиен приехал, и мы с твоим мужем хотели расспросить его кое о чём. Это по поводу машины.

Я ощущаю биение своего сердца везде – в мозгу, ушах, висках, даже во рту.

- Позови его, пожалуйста. Лучше решить этот вопрос пока не стемнело.

Да, Дэвид и Вейран водят одну и ту же модель, и теперь это - главная тема их общения и обсуждений.

Подрываюсь наверх, чтобы поторопить мужа, мысленно благодаря Дэвида за мудрость: лучше познакомить этих двоих вдали от любопытных глаз. Проблемы с машиной, конечно, всего лишь предлог, повод сгладить эту встречу.

Мне везёт: Вейран уже моет руки.

- Вейран, отец ждёт тебя снаружи: Дамиен приехал. Сказал, вы хотели спросить его о чём-то?

- А да: долбаная японка жрёт слишком много масла!

«Ну ещё бы! Купи китайскую и забудь о неприятностях!» - хмурюсь.

- Я собирался в автосервисе решить эту проблему, но Дэвид настаивает, что твой брат разбирается в Хондах лучше.

Что и требовалось доказать.

- Может, он и прав. Эти индийские автомастера... те ещё мастера! – сплёвывает воду.

Интересно, думаю, зачем он вечно полощет свой рот?

Мужской разговор длится так долго, что я напрочь извожусь. С утра руки просто тряслись, теперь их бьёт припадочный тремор. Мать это замечает:

- Ева, всё будет хорошо. Успокойся! – кладёт тёплую ладонь на мои ледяные сцепленные руки.

- У тебя есть что-нибудь от нервов? – спрашиваю.

Она задумывается на мгновение.

- Да, есть. Пойдём.

В их с Дэвидом спальне достаёт из ящика комода далеко спрятанный пакет, вынимает банку с незнакомой надписью.

- В Европе купила, там получилось без рецепта, - сознаётся, вынимая для меня одну капсулу.

- Давай две! – требую.

- Их по одной принимают, - сообщает нерешительно, но посмотрев ещё разок на мои руки, меняет мнение. – Возьми ещё одну, они всё равно не настолько сильнодействующие.

Я проглатываю, запивая водой из крана в ванной.

- Ева! – морщится мать. – Могла бы и на кухне!

Да уж, конечно, повеселить тётку и её муженька. Зачем вообще было их приглашать? Но тут палка о двух концах: с одной стороны, посторонние, а с другой, в массовке неловкость всегда сглаживается.

Мы возвращаемся в гостиную, но мужчин всё ещё нет.

- Уже половина шестого! – сообщает Грейс с недовольством. – Вот и шоу моё закончилось. Будем садиться за стол?

- Да, конечно, Грейс, - отвечает ей мать с натянутой улыбкой. – Вот только хозяина дождёмся.

Не успеваешь она договорить, как дверь открывается и входит Дамиен, за ним Дэвид и Вейран.

У меня предынфарктное состояние. Я знала, что будет тяжело, но не думала, что настолько. Смотреть страшно, но и в то же время дико тянет. Мой взгляд мечется: с Дэвида на Дамиена и обратно. Я стараюсь дышать спокойно и сфокусироваться на ком-нибудь одном. На Дэвиде? Нет. На Дамиене? Нет... Но... на Дэвиде?

- Дамиен, руки можешь на кухне помыть или в гостевой внизу, в прошлом году мы сделали и в ней небольшую ванную.

Да, точно. Только теперь замечаю: руки Дамиена испачканы в чём-то чёрном. Наверное, автомобильное масло или что-нибудь вроде этого. Какая-то техническая хрень, в которой он пачкался и раньше, когда мы встречались. А запах бензина - один из вечных ароматов моего Дамиена.

Моего? Давно уже нет.

Наконец, мать приглашает всех ужинать. Не успев сесть, я роняю вилку и, вынырнув из-под стола, чувствую на себе взгляд. Но смелости ответить не хватает, поэтому бросаюсь усердно протирать её салфеткой.

- Если хочешь, возьми новую, - комментирует меня мать.

Могла бы и не заметить! Чёрт.

Я бросаю один несмелый взгляд в ЕГО сторону и одно короткое, буквально микроскопическое мгновение мы смотрим друг на друга. Он сразу отводит глаза, но сердце успеваешь воткнуться мне в горло. Никаких шуток, я не могу дышать. Хватаю стакан с водой и пью большими глотками, надеясь протолкнуть это глупое сердце обратно, на своё место.

Дальше мы просто ужинаем. Мать нахваливает свои блюда, то и дело, вставляя реплики о замечательном сыне, который научил её вот тому и вот этому, а ещё досрочно закончил учёбу в Университете и уже получил диплом по специальности «Режиссура».

- А что, ты теперь будешь фильмы снимать? – интересуется тётка.

- Посмотрим, - коротко отвечает Дамиен.

Он изменился. Его и не узнаёшь, и узнаёшь одновременно, и это так болезненно!

Он больше не молодой горячий парень с дерзким беспокойным взглядом. Теперь он – смелый, знающий себе цену мужчина. Мужчина, научившийся скрывать свои чувства: его лицо не выражает ни единой эмоции. Его позвали на ужин, и он ест, ему задают вопросы, и он отвечает, не давая при этом ответов.

- У тебя уже есть задумки по поводу первого фильма? – интересуется Вейран.

- У любого человека есть планы в деле, которым он занимается.

- А как с работой? Киностудии набирают молодых режиссёров? – не унимается тётка.

- Я над этим работаю, Грэйс, - отвечает, холодно улыбаясь, но даже от его неестественной улыбки тётка тает.

Я замечаю, что Триш разглядывает Дамиена слишком внимательно. Даже вызывающе. Браки между кузенами тоже запрещены, неужели она не знает?

Мой взгляд снова скользит в том самом направлении, и я вижу, что он смотрит на мою руку, сжимающую ножку бокала.

На моем пальце кольцо. Мы купили его на мосту Понте-Веккьо во Флоренции, по обеим сторонам которого расположены старинные ювелирные лавки. Не планировали, просто мимо шли, и Дамиен, заметив мой истинно женский заинтересованный взгляд, предложил зайти.

- Неет! - был мой нервный ответ.

Денег-то у самой не было, я и без того в том путешествии развлекалась целиком за его счёт.

- Ну же! - подталкивает меня к первой попавшейся двери. - Я же вижу, что хочешь!

И мой взгляд почти сразу находит его - кольцо с рубинами и чёрными бриллиантами, искусно изображающими цветок мака.

- Опиум, - кивает продавец, одобрительно улыбаясь моему вкусу. - Цветок сна и смерти. Но у него есть и другой смысл - одержимость, страсть.

Корявый английский итальянца действует как заклинание:

- Попробуем? - заглядывает в мои глаза.

- Нет! - отрезаю. - Мы только посмотреть!

- Да! - а вот Дамиен настроен серьёзно.

В тот день он сам надел это кольцо на мой безымянный палец. И когда я попыталась снять, остановил:

- Не снимай!

Затем, оторвав взгляд от действительно необычного украшения, добавил:

- Это моя предварительная заявка. Чтобы место застолбить, - криво улыбается, а в глазах странная тень.

Кажется, он чувствовал. Так сильно любил, дышал любовью, нами, что предвидел, знал, чем всё закончится.

Предварительная заявка стоила состояние: Дамиен расплачивался всеми своими картами и кредитной в том числе. Я вогнала его в долги, но выглядел он счастливым, как никогда. Потом, вечером из-за разницы во времени, ему звонил Роялбанк, чтобы подтвердить покупку: слишком внушительной оказалась сумма.

Я возмущалась, не могла успокоиться до самого конца нашего отпуска, утомляя Дамиена своими причитаниями, пока он, наконец, не объяснил себя:

- Ты не понимаешь! Это как занять первое место в очереди, где тебе почти гарантированно достанется то, о чём ты всегда мечтал! Все вокруг завидуют твоему счастью и заглядывают через плечо, чтобы раздосадоваться ещё сильнее в собственной неудаче, а ты подпрыгиваешь на месте от нетерпения и даже встаёшь на носки, стараясь дотянуться и потрогать, пока не появился продавец. И тебе снова все завидуют! - морщит нос.

После этого разъяснения я умолкла раз и навсегда.

А кольцо с тех пор никогда не снималось с моего пальца - он надел, и никогда уже этого не повторит. Я почти не готовлю, а если случается - надеваю перчатки, чтобы не повредить и не испачкать. Кручу его вокруг своей оси, когда нервничаю, и это часто помогает совладать с собой. Или нежно поглаживаю подушечкой большого пальца, когда вспоминаю о Дамиене. Никто не знает, откуда у меня это кольцо, даже мать. Ни одной живой душе не известна тайна предварительной заявки, кроме того, кто сейчас на неё смотрит.

Смотрит и нервно сглатывает, если до этого держался, прятался за взрослым фасадом, то теперь почти обнажился. Медленно поднимает глаза, боясь смотреть в мои, но и одновременно нуждаясь хотя бы в одном искреннем взгляде. Так же как и я, очевидно. И мы оба получаем то, чего так желали, потому что никто кроме нас не может нам это дать - Понимание.

Настоящее понимание боли и жестокости жизни, потому что тот второй единственный

способен до конца её прочувствовать. Отражение твоего непотопляемого чувства в другом, таком же непотопляемом. Утешение, потому что ему так же плохо, как и тебе, так же тоскливо, так же одиноко и холодно.

И он так же, как и ты, тайно мечтает оказаться на необитаемом острове. На затерянной планете. В самом отдалённом и беспризорном уголке Вселенной, если только с ним будешь ты. Это - единственное условие.

Глава 4. Кто мы?

Ужин заканчивается, гости разбредаются по гостиной в ожидании чая и сладкого, мужчины с мужчинами, женщины на кухне.

После кольца Дамиен ни разу на меня не взглянул, ни разу. И если опустить наши «отношения», то я просто как человек даже нуждаюсь в уважении. Выбираю момент, когда мой муж отвлечён, а родителей и вовсе рядом нет, набираюсь смелости и подхожу к нему.

- Привет!

- Привет, - отвечает, не отрывая взгляда от бокала в своих руках.

- Я как будто невидимка для тебя! - упрекаю.

Наверное, в этих словах должно было быть возмущение и даже негодование, но я их буквально прошептала, произнесла так тихо, чтобы только он услышал.

Дамиен поднимает свой взгляд не сразу, ему, очевидно, потребовалось время, чтобы собрать свои силы и посмотреть мне в глаза:

- Мне так легче...

Чёрт, возьми... чёрт, чёрт...

Зачем я тронула его? Зачем?

Это не взгляд, нет - это океан сожалений. Это не душа, это рваная рана. Я всё это время, все эти дни, недели, месяцы, годы думала о себе, о нас, но ни единой секунды о нём.

А он тоже несёт этот груз, эту невероятную боль, и его ноша, похоже, в разы тяжелее моей.

Я помню, как он любил меня. Помню, как менялся, как его жёсткость перерождалась в манящую мягкость, грубость в нежность, а ненависть в любовь. Как трогательно все это было...

Я просто стою рядом, я просто... сестра? Член семьи? Близкий человек? Родственник?

Кто я ему, если он сотни раз был во мне? Кто он, если я до сих пор помню вкус его губ, их мягкость, и те поцелуи мне снятся? Кто он, если после однообразного рутинного секса с мужем, мне снится близость с ним и во сне я всё чаще испытываю оргазмы, а просыпаясь, плачу, потому что в реальной жизни у меня их нет! Теперь совсем уже нет.

Мои вспотевшие ладони дрожат, и я с трудом сдерживаю слёзы. Как всегда, как и бывало раньше, он оказался прав: нам обоим было бы легче без глаз друг друга. И теперь, когда он смотрит своими, переполненными всё той же любовью, но теперь уже смешанной с горечью, в мои, я едва сдерживаюсь, чтобы не взвыть.

Каменная улыбка - моё спасение. И пусть в этот момент я похожа на робота Си-Три-Пи-О, пусть! Главное, не рыдаю...

Дамиен поднимается, и рядом с ним я чувствую себя букашкой. Маленькой-маленькой.

- Давай выйдем на воздух?

Его голос так мягок...

Я помню этот тон и эту мягкость в моменты, когда на него волнами накатывала нежность, и он целовал меня, называя своим «Опиумом». Но ещё чаще этот бесподобно бархатный голос шептал мне нежности или непристойности во время...

- Хорошо, давай выйдем.

В саду тепло, невзирая на поздний вечер, и пахнет сиренью и дикими гиацинтами, посаженными матерью стайками то тут, то там по периметру двора.

Мы садимся в садовые кресла друг напротив друга, и Дамиен улыбается, глядя мне в глаза:

- Я рад, что у тебя всё хорошо. Искренне!

- Спасибо...

- Важно, что ты справилась.

- С чем?

- Нашла своего человека, счастлива с ним... это... очень хорошо!

- Эмм, да, наверное.

- Не обижает тебя?

- Нет! - смеюсь. - А что, если бы я сказала «Да»?

- Оторвал бы ему руки и... ещё кое-что, - тоже смеётся. - Очень хочется, а так - был бы повод!

Моё чувство юмора всегда ценило шутки Дамиена - мы смеёмся, и натянутость между нами потихоньку рассасывается.

- А как у тебя? Дела с...

- Не так успешно, как твои, но могло быть и хуже!

Дамиен смотрит в мои глаза, и во взгляде бездна. Кажется, я могу читать его мысли, и сейчас он хочет меня обнять. Не как брат сестру нет... совсем иначе.

Он смотрит на мои губы... Боже, как же знаком этот взгляд, и как предательски жестока память, храня все до единого воспоминания. После таких взглядов бывали поцелуи: долгие, страстные, перерастающие в ласки, и если позволяли условия, то всегда в секс. И у меня каждый раз бывали оргазмы, похожие на Европейские фейерверки.

Я чувствую себя грязной, помня об этом. Мы делали то, что под запретом, будучи в неведении, но теперь, когда оба знаем, обязаны всё это забыть. Помнить неправильно, а помнить так, как помню я, греховно.

Дамиен опускает глаза, разглядывая собственные туфли. Дорогие туфли.

- Чем ты занимаешься? - интересуюсь.

- Работаю, - вздыхает.

- Я знаю. По туфлям вижу.

- Что с ними не так? - знакомая резкость приходит на смену мягкости.

- Всё так: хорошие, дорогие туфли. Они практически кричат об успехе, и я рада, что у тебя получается всё, что задумал.

И снова глаза в глаза, но в них больше нет любви, в них злость:

- У меня никогда не получится всё, что задумал!

- Упорство, ум, таланты у тебя есть, и если верить в себя... - спорю.

- То я смогу изменить этот мир? Или его отношение к отдельным вопросам? Или свой ДНК? Может быть, историю своего появления на свет?

- Мы говорили об успехе, - почти шепчу, задыхаясь от его внезапного напора.

- Успех - ничто, если ты не с тем, для кого хочешь быть успешным!

Дамиен импульсивно отворачивается, но уже спустя пару мгновений, словно опомнившись, вновь смотрит на меня с мягкостью:

- Прости! Не знаю, что на меня нашло! Прости...

- Это ты прости, что не пришла тогда! - наконец, мне хватило мужества это произнести.

Дамиен снова поднимает глаза и, странно сощурившись, улыбается:

- Просто... не получилось со временем, - выдыхаю. – И я слишком поздно спохватилась, чтобы предупредить, - оправдываюсь.

- Я понимаю, - он улыбается какой-то вымученной улыбкой. – Забудь. Я тоже забыл, - отрезает.

- Хорошо, - так же насильно растягиваю свои губы, чтобы улыбнуться в ответ.

Глава 5. Табу

Дамиен

Всемирная сеть - она всегда готова предоставить ответы на Ваши вопросы. Любые.

Запрос:

«Я люблю родную сестру»

Результаты поиска:

«Испытываю чувства к сестре»

«Меня вот уже три года сильно тянет к родной сестре. Я имею в виду, физически тянет и не только...»

«Подскажите, как справиться с проблемой: переспал с родной сестрой. Мы не предохранялись»

«Мой муж любит сестру...»

«У меня «было» 7-8 раз с сестрой. Сейчас нам обоим за 20, но отношения с девушками не получаются – не могу выкинуть её из головы. Помогите!»

«Мы расстались... Вот уже прошло полгода, а я люблю до сих пор... и он тоже... мы не жалеем о том что мы сделали... ведь это были самые лучшие моменты нашей жизни... и я хочу сказать, что в этой любви нет ничего плохого, просто если бы люди понимали и дали бы нам шанс, мы были бы счастливы... желаю всем такой сильной любви, не обязательно между братом и сестрой... будьте любимы, кто бы вас ни любил и кого бы вы ни любили...»

«Я уже давно влюблена в своего брата. Родного брата! Мне скоро 17, ему 19. Первый раз я поняла, что испытываю к нему нечто большее, чем просто родственную любовь лет в 14. Чего я только ни делала! И к психологу ходила, и старалась отвлечься, пыталась найти кого-нибудь, но это бесполезно. Понимаю, что у меня обречённая любовь...»

«... это чувство я храню только в себе, никому не говорю о нём. Да! О том, что я полюбила родного брата, известно только мне. Подругам или ещё кому-то мне стыдно рассказывать об этом. Когда вспоминаю, что это считается грехом, тяжелее становится в миллионы раз. Но что мне делать с этими «миллионами», если чувство – самое настоящее?!»

Общество:

«Фу-у-у, это же инцест >< Жесть...»

«Я считаю это умственным отклонением, простите, если кого-то обидела»

«В истории мира, зачастую представители королевского рода имели право жениться исключительно на родственниках, не допускалась примесь посторонней крови в роду. И да, скорее всего, именно это приводило к последствиям в виде синдрома Дауна и прочего у их потомков, но не всегда. Позже православная церковь запретила браки между близкими родственниками. Если говорить о мире современном, то извините, сексуальная революция сделала своё дело. Если уж разрешено в некоторых странах жениться парам нетрадиционной ориентации, да даже на своих домашних животных уже женятся, то, что уж тут говорить о родственниках? Хотя я это считаю как минимум аморальным»

«Дурак ты, если не знаешь о детях в родственных браках. Каждый человек несёт в своих генах около 4-х генетических заболеваний. При браке с родственником увеличивается риск повторения, то есть, встречи двух генов с одинаковым отклонением, что и выразится в

ребёнке!»

«Кстати. В списке смертных грехов инцеста нет!»

«Я не против. Но дети ваши будут больными. Надо и о будущем подумать. Имейте в виду!»

«Это вас Сатана уговаривал, и вы, дебилы, даже не заметили!»

Пресса:

«Узнав, что я беременна от родного брата, наш папа сказал, что у него больше нет детей. Мне очень обидно, что мама не возразила ему»

«Родные брат и сестра рассказали «ФАКТАМ», как полюбили друг друга и стали мужем и женой. Их дочурке исполнился годик. Симпатичная пара, но фотографироваться отказались. И так, говорят, натерпелись. Сначала — от родителей, потом — от соседей и знакомых. Узнав, что О. «обрюхатил» сестру, благонравные сограждане поломали ему ребра. И супругам пришлось переехать из маленького города в другой, где никто не знает их тайну и не будет мешать спокойно жить и растить малышку».

«... Любовь между родными братом и сестрой не такая уж и редкость в этом мире. Её не избежали даже известные люди. В XIX веке знаменитый поэт и лорд Джон Гордон Байрон, настрадавшийся от неудачной личной жизни, не устоял перед красотой, умом и обаянием своей сестры Августы. Женщина ответила взаимностью скорее из доброты и жалости. От этого романа у них родилась дочь. В чопорной Англии поэта подвергли общественному порицанию, и он уехал воевать в Италию и Грецию. Внебрачный ребёнок был отдан в монастырь, находившийся в местности с сырым климатом. Как свидетельствует писатель Андре Моруа, девочка тосковала по отцу, просила его приехать. Байрон не приехал, о чем очень сожалел, особенно когда узнал, что в возрасте пяти лет она умерла. О конкретном диагнозе сведений нет».

В моей голове тысячи идиотских мыслей. Ощущения от искреннего недоумения до откровенного отвращения. Иногда я испытываю жалость ко всем этим людям и к себе. Но очевидно одно: я в этой проблеме не одинок.

Собираю себя по кусочкам, составляю заново по частям, принуждаю справиться, пережить. Переворачиваю страницы событий, проживаю один за другим серые дни, стараясь не оглядываться назад. Чувства запечатаны, эмоции тоже.

Думать нельзя, задавать вопрос «А что, если бы?» тоже.

Но иногда накатывает. Накрывает с головой так, что сопротивление бесполезно. И тогда ты просто заливаешь пожар виски, ромом, коньяком или водкой - что первое попадётся, хотя знаешь, что потушить не получится. Никогда не удастся. Ты навсегда обречён нести в себе «это».

Сейчас у меня хорошая квартира и дорогие туфли, как верно подметила глазастая Ева. А ещё любовница по четвергам, вдвое старше меня, и платная девушка по имени Симона, готовая откликнуться на мой зов в любое другое время.

Мона... Шатенка, как Ева, кареглазая, как Ева, невысокая, как Ева, но не Ева.

Я решил для себя, что метод лечения не имеет значения, если он даёт результаты. Поэтому Мона. Хотя милый голос в агентстве всякий раз предлагает мне познакомиться с «остальными». Но я отвечаю, что «пока буду придерживаться своего обычного заказа». Пока.

А ещё я пытаюсь «искать», и это стремление каким-то образом приняло странные извращённые формы: я сплю с замужней женщиной. Это началось ещё в ту пору, когда у меня не было своего жилья, и я был вынужден снимать квартиру в старом трехэтажном

билдинге. С моего балкона открывался вид на небольшой сквер и балконы стоящего напротив чуть более нового, но, тем не менее, кардинально не отличающегося от моего апартмент-билдинга. Я заметил её первым - женщину с волосами, собранными на макушке в растрёпанный пучок. Такой же точно соорудила на своей голове девушка, которую я имел шанс полноценно любить в течение одного года своей странной жизни.

В следующий раз они были распущены и лежали на её плечах скромными унылыми прядями. Она курила, устремив свой взгляд вдаль - на «мой» сквер. А я смотрел на неё. И так повторялось раз за разом, пока она не заметила меня. Вернее, не меня, если уж быть до конца откровенным, а мой голый торс, болтающийся на перекладине: физические нагрузки - лучшее средство от головной и душевной боли.

Мы стали здороваться улыбками, пока однажды в четверг она не появилась в моей квартире. Обоим было ясно, зачем.

Как оказалось, мы нуждались в этом оба - и я, немного «двинутый» на почве произошедших событий, и она, страдающая депрессией в виду их полнейшего отсутствия. Кэрл восемь лет в браке, неофициальном, правда, детей нет, любимого занятия тоже. Муж, о существовании которого мы поговорили лишь однажды, не был, по её словам, способен на «интим, нужный женщине».

- И это подразумевает... что? - задаю свой праведный вопрос, лёжа с чужой женой в постели.

- Всё то, что умеешь и делаешь ты! - отвечает, растягивая рот в довольной улыбке.

«Вот те раз...» - думаю. Никогда не представлял себя в роли героя-любовника. И уж точно не рассчитывал стать чьим-то сексуальным спасением. И чтобы не заикливаться на этом своём новом «амплуа», с головой ухажу в работу и учёбу, поставив себе целью получить диплом досрочно.

Дни летят, недели, месяцы, сменяются времена года, а я стараюсь «не думать». Не размышлять и не взвешивать всю тяжесть своей ситуации, но ключевым во всём этом экскурсе было слово «результаты». Потому что, несмотря на используемые разнообразные методы, методики и практики, имя которым Мона и Кэрл, результатов нет.

Три года усилий, и всё бесполезно.

Они есть, но совсем не те, каких я ожидал, и всё ещё жду.

Я знал, что живу среди собственноручно воздвигнутых декораций, но то, насколько безуспешными были все до единой попытки «пережить» и двигаться дальше, стало ясным в вечер нашей первой встречи.

Она вышла замуж ещё год назад. Энни... моя мать, не посмела рассказать мне о предстоящей свадьбе, хотя пыталась, я узнал от отца, он был лаконичен:

- Дамиен, Ева выходит замуж.

Это как волна, девятый вал, неожиданно ударяющий со всей своей мощью в лицо. И тебе расплющивает физиономию, сотрясает мозг, бросает твоё тряпичное тельце из стороны в сторону, тянет туда, откуда возврата нет - в безысходность.

- Мы с матерью не знаем, как поступить правильно... - мнётся. - Твоё приглашение у нас, но... свадьбы в традиционном понимании не планируется, только ужин для близких. Для самых близких, - добавляет почти сразу. - В ресторане... - зачем-то уточняет.

Если не я самый близкий, то кто? Знаю, именно этот вопрос их мучает, и они ждут моего решения. А я на него не способен, потому что два года усилий встали поперёк горла, так что мне ни глотнуть, ни двинуться.

Чувствую, как рука отца ложится на моё плечо, и собираю все душевные силы в одном только слове:

- Когда?

И он не сразу, но отвечает:

- Через неделю, сын.

- Что за срочность? Она... в положении? - последнее не сказал, вымучил.

- Нет-нет! Дело не в этом, - снова вздыхает, и я отчётливо слышу в его голосе нервную дрожь. – Они всё решили и запланировали давно, но никто... мы никак не решались тебе об этом сказать.

Проклятый ком из горла перекатился в черепную коробку и давит на слёзные железы. Я запрещаю себе: только не при отце.

Но он, конечно, всё равно замечает моё «особое» состояние: встаёт, направляется к «святая святых» - своему бару, и через минуту приносит мне пару глотков одного из коллекционных коньяков.

- У тебя всё ещё... - он не решается договорить, но я не стремлюсь облегчать его миссию, молчу.

Отец ждёт, пока выпью, затем, не выдержав, наливает себе:

- Всё ещё есть ТЕ чувства? – добивает.

Вот оно! То, о чём я столько раз читал в сети и ещё больше размышлял длинными бессонными ночами: порочность, аморальность того, что родной отец не решается назвать даже по имени.

Не может быть «Любви» между Евой и мной, если речь не о братской, а только «ТЕ» чувства.

Под кратким словом «ТЕ» подразумевается: грязные, извращённые, запрещённые или просто неправильные.

Только я стадию «грязи» давно уже пережил. Оставил в прошлом.

Сложно осознавать себя порочным, но ещё сложнее принять. Твой мозг, не спрашивая разрешения, начинает размышлять, задавая самому себе вопросы:

«Почему так?»

«Как вообще такое возможно? Если это недопустимо?»

И ответ «мы просто не знали, я не знал» тебя не устраивает, потому что ты вот уже дни, недели, месяцы «знаешь», но ни черта не меняется! В груди как саднило, так и саднит! То острая, волнообразная боль, то тупая, растянутая.

Ты каждое утро соскребаешь себя с постели, формируешь более-менее дееспособное тело и идёшь жить. Но с приходом ночи всякий раз наблюдаешь коллапс, протрацию и всё те же вопросы по кругу:

«Почему я не могу перестать «это» чувствовать?»

«Если «оно» неправильное и порочное, то почему существует? Ведь теперь «я знаю!»»

И ты снова в сотый уже, наверное, раз лезешь в сеть, чтобы почитать откровения таких же, как ты «неправильных». «Отклоненцев» от нормы. Возмутителей стройного порядка в безупречном мироздании. Злостных попираателей морали и нравственности.

Она повзрослела. Не изменилась слишком сильно, но, всё же, стала другой, а я бы, как и прежде, узнал её из тысяч. По взгляду.

Мне больно, дико больно от того, что моя Ева боится даже взглянуть на меня. Неужели настолько стал омерзителен? Неужели «табу» так прочно въелось в твой мозг, Ева?

Я сам удивлён тому, что могу дышать. Знал, что будет не просто, но не представлял насколько. Настраивал себя, готовил, внушал «правильные мысли», глядя на собственное отражение в зеркале просторной ванной моей новой квартиры.

Боль. Адская, душераздирающая: видишь, слышишь, можешь дотронуться и не можешь. Не твоя это больше Ева, Дамиен, и твоей уже не будет никогда».

Вышла замуж за китайца... Что это? Шутка? За кого угодно, только бы отмыться от меня? Избавиться от воспоминаний, от рвущих душу событий и прожитых вместе дней, когда мы были счастливы, ночей, когда были близки?

Близость...

Что мне делать с влечением? Что мне, чёрт возьми, делать с этим адским желанием любить её тело?

Я запрещаю себе даже думать об этом, пресекаю все до единой фантазии и, вернувшись домой, переживаю очередной эпизод интима с куклой из моего театра, в котором чувствую себя высохшим.

Кэрол и Мона остались в прошлом, ушли так же незаметно, как и появились.

Теперь же редкими вечерами меня посещает миссис Сэлдом. Мы идеально подходим друг другу: у неё такое же точно имя, как у моей матери – Энни, унылый брак и трое детей. Энни определённее старше меня, хотя это не имеет никакого значения, ни большого, ни маленького, поскольку моя подруга обладает главным, редчайшим достоинством – не требует моего эмоционального участия. Мне официально разрешено не проявлять чувств, сентиментальности, не изображать фальшивых эмоций и быть вне «отношений». Мы просто удовлетворяем физиологические потребности друг друга. Я никогда не интересовался, чем именно муж не устраивает Энни, ведь, судя по наличию троих детей, с половой функцией у него всё в порядке, а Энни не спрашивала, почему я живу один, почти не целую её во время секса и никак не демонстрирую эмоциональной связи с партнёршей. Мы не задавали вопросов, почти не обменивались словами, как и объятиями, мы просто встречались дважды в неделю, чтобы получить то, что единственное желали – секс.

После её ухода я часто лежу в темноте, отпустив поводья собственной жизни и позволяя мыслям самостоятельно выбирать русло в своём течении. И они всегда стремительно летят к НЕЙ. Каждый мой день заканчивается молчаливым вопросом: «Как ты? Что происходит в твоей жизни? Справляешься ли с трудностями? Не обижает ли китаец мою девочку?». Я закрываю глаза и вижу сны: зелёную траву выбритой работниками лужайки Бёрнабийской горы, стены нашей спальни, худой живот и не тонкие запястья, каштановые с медными прядями волосы, собранные в растрёпанный небрежный узел на макушке, нашу постель...

Я вижу школьный класс, где нам обоим по восемнадцать. Ева сидит рядом, нахохленная, напряжённая, ждущая моих действий, а я... А я люблю всё, что любит она: маки, которые рисует и даже оттенок красного фломастера, тонким грифелем которого её рука так старательно заштриховывает лепестки. Я люблю её маленький нос и огромные, цвета горького шоколада глаза: бездонные, наивные, чрезмерно осторожные. Я люблю её чуть вьющиеся волосы и то, как назойливо они спадают на лицо, мешая видеть, люблю кисть её небольшой руки, рваным детским жестом заправляющую их обратно. Я люблю смотреть на неё, и мог бы делать это часами, если б мне только позволили. Но в голову мою никто не влезет, и именно поэтому я думаю о ней, сколько хочу, то есть, почти постоянно...

Глава 6. Есть ли ответы у сложных вопросов?

Ева

Вейран не чистокровный китаец, в нём есть примесь корейской крови, отвесившая важный жизненный бонус – яркую, привлекательную внешность. Вейран, помимо своего основного рабочего места в ИТ-компании, подрабатывает ещё и мужской моделью. Его фото можно найти на стоках в сети, в журналах и каталогах одежды, и, наверное, по этой причине он такой надменный и самоуверенный.

С каждым днём нашей совместной жизни его характер становится жёстче и категоричнее. Я с самого начала запретила себе сравнивать супруга с Дамиеном, иначе мой муж не выдержал бы сравнения ни в одной категории, начиная с его полного игнорирования бытовой рутины и заканчивая полнейшим фиаско в постели. К концу первого года брака я обнаруживаю, что погрязла в домашних делах и симуляции оргазмов.

Конечно, я не ждала, что в браке мне будет так же хорошо, как с Дамиеном, но и не ожидала настолько полного разочарования в мужчине.

Дамиен объективно не был мечтой - случались и у него затмения, недостойные поступки, нехорошие жесты. Он даже не был первым красавцем, мне случалось встречать парней намного красивее и мужественнее. Его не назовёшь самым комфортным человеком: хоть мы и не ссорились, живя вместе, его резкие перемены в настроении или манера планировать не только свою, но и мою жизнь, порой, пугали, выбивали из колеи. Он мог под влиянием магнитных бурь решить проиграть гонку и проигрывал её. А я, наблюдая за тем, как «звезда» заедает попкорном свой заранее известный проигрыш и смотрит спортивный канал, иногда спрашивала себя: что если однажды он вот так же решит проиграть нашу гонку? Откажется от меня?

Но он не отказывался. Это сделала я.

Впервые Дамиен написал мне шесть месяцев спустя после встречи в родительском доме – в день своего рождения.

Он явно был не трезв, и в состоянии крайне угнетённого сознания прислал сообщение, послужившее началом нашей переписки:

Dam: «Ева... Ева, Ева, Ева... Я когда-нибудь говорил тебе, дорогая сестрёнка, что именно делал со мной твой голос? Особенно если он произносил моё имя?»

Dam: «Голос сестры не должен быть таким, разве нет? Почему ОНИ наградили этим голосом тебя, мою кровную сестру? Почему не отдали его одной из тысяч всех прочих, почему тебе?»

Dam: «Я всё время об этом думаю. Постоянно. Эта мысль разъедает мой мозг...»

Ева: «Дамиен, ты пьян?»

Dam: «Почему сразу пьян?! Выпил немного с другом, у меня сегодня праздник!!!!!! Праздник!!!! Событие всей моей грёбаной жизни! Ладно, ты права, я пьян и с трудом попадаю на нужные кнопки. Мне тут предлагают помощь, но я отказываюсь. Как упёртый идиот всё ещё продолжаю на что-то надеяться и игнорировать главное: вопрос «На что?».

Dam: «Ева, я ублюдок. Всегда им был. Помнишь, как часто в детстве ты называла меня ублюдком? Ты почти никогда не произносила моё имя... странно, да? Никогда не называла

по имени... но знаешь, ты была права! Ты была совершенно права: я - ублюдок!»

Eva: «Почему?»

Dam: «Потому что искренне не желаю тебе счастья с твоим этим... пффффф!!!»

Eva: «Он настолько тебе не понравился? С тобой, таким мачо, конечно, никто не сравнится, но всё же, неужели он настолько плох?»

Dam: «Eva, для тебя любой будет недостаточно хорош. И мне больно от того, что ты его защищаешь»

Eva: «Я не хотела делать тебе больно»

Через несколько часов:

Dam: «Я снова о тебе думаю. Да я всё время о тебе думаю! Думаю утром, думаю днём, думаю вечером. А ночью ты мне снишься. Каждую ночь! Стоит закрыть глаза, и ты тут, как тут...»

Dam: «Ты сказала, у меня успехи... это от того, что я слишком много работаю, Eva. Не только днём, но и вечером, и ночью. Это не от трудолюбия, поверь! Мне просто необходимо забивать голову текущими проблемами, заставляя мозг искать решения, чтобы он не думал о тебе и не пытался разобраться в том, в чём разобраться невозможно»

Dam: «Почему я не могу перестать думать о тебе?»

Eva: «Я не знаю»

Dam: «Знаешь, я завидую тебе. Хотя мне и больно это признавать, но ты оказалась живучее меня, нашла свой выход. А у меня ничего не выходит. С женщинами, Eva. Ничего! Я не вижу их, не воспринимаю. Они все - говорящие куклы, ты понимаешь меня, Eva? Хотя, наверное, не понимаешь. У тебя ведь теперь есть ОН. А у меня - мои проститутки»

Dam: «Боже, что я несу... Завтра, наверняка, буду сторать от стыда. Телефонным компаниям стоит ввести услугу блокировки номеров "бывших" на случай пьяного дебоширства. Это была бы отличная услуга, я бы воспользовался! Завидую, Eva, тебе и твоей сдержанности. Ты - сила. Сила! Сила! Сила...»

Dam: «У меня чёрные мысли, Eva. Но страшнее всего то, что они меня больше не пугают. Я говорю себе, что это слабость, но знаешь, мне, кажется, уже и на это наплевать»

Eva: «Дамиен, пожалуйста, перестань! Ты меня пугаешь!»

Dam: «Я не нарочно, честное слово. Мне некому об этом сказать. Ни одной живой души вокруг, ты понимаешь?»

Ох, как же хорошо я его понимаю. Плачу, глядя на голубой экран своего телефона и не зная, как и что правильно отвечать. Ведь ему плохо, это же очевидно: моему Дамиену плохо!

Dam: «Если бы мы могли встретиться... Хотя бы раз, Eva? Помнишь, как раньше? Только ты и я, и никого больше?»

Eva: «Ты не трезв, завтра пожалеешь, о том, чего просишь»

Dam: «Жалеть придётся в любом случае»

Спустя минуту:

Dam: «Давай встретимся?»

Мои руки дрожат. Да что там! Всё во мне, что есть, трясётся в нервном треморе. Он хочет ВСТРЕТИТЬСЯ! Увидеться, поговорить наедине.

И только я успеваю набрать своё почти согласие: «Где?», Вейран входит в спальню и, соблазнительно улыбнувшись, укладывается рядом. Я знаю, чего он хочет, и пока позволяю брать то, что обязана ему давать, думаю о необходимости как можно быстрее ответить Дамиену. Его сообщение о «чёрных мыслях» поселило в душе тревогу. Мне страшно не

потому, что я доверчива, а потому, что слишком хорошо знаю, каково ему. Знаю, потому что сама пережила это раньше. Не так давно.

Глава 7. Давай сбежим на остров?

Это та же кофейня, где мы впервые встретились, будучи взрослыми. Здесь мы играли взглядами в «пинг-понг», здесь впервые почувствовали притяжение. И влечение тоже.

И теперь тоже вечер, как тогда, только более поздний, и вместо запавшего в мою душу лилового зарева – серое небо и извечный дождь. Вдали едва различимый тёмный залив, гор не видно из-за мглы мороси, зато на дороге прямо под нами, на три этажа ниже, мелькают проезжающие авто, и путешественники с чемоданами и раскрытыми зонтами.

Дамиен постарался хорошо выглядеть – на нём красивый модный пиджак тёмно-синего цвета и такая же рубашка. Он встаёт, увидев меня, и я могу сказать, что его тёмные джинсы прекрасно сочетаются с туфлями, как и в прошлый раз непростительно дорогими на вид.

Я тоже сделала сегодня исключение – надела платье, и так совпало, что оно идеально соответствует оттенку его рубашки.

Дамиен легонько приобнимает меня и целует в щёку, как и положено родственникам. Или «бывшим»?

Он гладко выбрит, от него сногшибательно пахнет. И он нервничает, поэтому, очевидно, начал без меня – на столе бокал с алкоголем. Не знала, что его продают в Старбаксе.

- Давай выпьем вина? - предлагает.

- С каких пор здесь водится вино?

- Считай, мы у них – vip-клиенты! – улыбается.

Официант приносит нам вино, бокалы и блюда, каких я сроду не видела в этой кофейне.

- И всё-таки, откуда здесь спиртное и ресторанные блюда?

- Я же уже сказал! – подмигивает.

На моём лице, очевидно, пропечатывается недовольство, потому что Дамиен тут же сдаётся:

- Мы здесь снимали эпизод пару дней назад, ребята меня знают и разрешили заказать еду в другом месте. Я сказал им, что именно этот столик, это окно и этот вид имеют решающее значение в моём сегодняшнем деле, а еда нужна человеческая. Они просто сделали для нас исключение.

Дамиен наполняет наши бокалы, а я считаю нужным заметить:

- Вино я люблю, но тебе, по-моему, уже достаточно.

Он поднимает бровь и с ухмылкой отвечает:

- Тебе не идёт быть строгой мамочкой!

Через секунду, словно его осенила глубокая мысль, добавляет:

- А-а! Я понял! Это ТАК ваши роли распределились? Ты командуешь?

Дамиен пытается «юморить», но у него плохо это выходит: в натянутой усмешке, в сжатых губах слишком отчётливо проявляется напряжение. Так улыбаются люди, которые стараются скрыть, что страдают.

- Ты странный, - признаюсь. – Непривычный.

- Я выпил три литра растворителя морали! – смеётся.

- Ты пьян!

- Я пьян... А мне ничего больше не остаётся, кроме как поливать свою душу спиртом! Дамиен Блэйд в спиртовом растворе! Высшее качество, но товар однажды уже был возвращён продавцу. Хотите скидку?

- Прекрати!

- Почему у меня не получается так же легко, как это вышло у тебя?

- Откуда тебе знать, как было у меня? Как ты вообще можешь обо мне что-либо знать!

Ты не видел меня три года, три! Ты... ты... ты трус!

- Да... я трус... наверное... но я ждал тебя... в этом кафе... в этом чёртовом кафе...

будь оно проклято!

- Так я и думала, что эта тема ещё не закрыта! Не так просто и не так легко! И, прося забыть, ты требуешь, на самом деле, помнить! Как достойно!

- Почему ты не пришла?

- Думаю, по той же причине, что и ты.

- Что я, что? Я был там! Я ждал тебя!

- Ты не хотел меня видеть. Ни сразу, ни спустя день, ни два и ни три! Месяцы прошли!

Месяцы, Дамиен! Что? Чувствовал себя грязным?

- Не смей!

- Ещё как посмею! Я же права, так ведь?

- А ты? Хочешь сказать, у тебя этого не было? Ни о чём не думала?

- Да, Дамиен! Именно это я и хочу сказать! Можешь удивляться и не верить, но я не чувствовала себя грязной или совершившей дикое преступление. Я ждала звонка, но ты не звонил. Ты просто ушёл, хлопнув дверью! Ты первым бросил меня! Не родители, не люди, не общество и не мораль, Дамиен! Ты сделал свой выбор: ты ушёл!

- Мне нужно было подумать!

- Думать очень полезно. Да. Особенно по поводу обещаний, которые раздавал.

Его пьяный расфокусированный взгляд мгновенно трезвеет, делается серьёзным, и я могу наблюдать волны негодования, стыда, сожалений. Да, его тёмные блестящие радужки словно умоляют меня дать ему шанс исправиться, стереть из памяти прошлое, вернее, только ту его часть, где он забыл о том, что обещал. А обещал очень многое, и главное – любить несмотря ни на что. Всегда рядом быть, никогда не бросать. Защищать от всех и вся, но только не от самого себя.

- Прости меня!

«Бог простит» - думаю, но вслух произнести не решаюсь – слишком пугает уязвимость, влажно поблёскивающая в его глазах.

- Дело не в этом, - бормочу, да практически шёпотом сообщаю бессмыслицу, вертящуюся на языке.

Думать сложно, почти невыносимо, когда он сидит вот так, всего в метре. И грудь, к которой так хочется прижаться, нервно вздымается при каждом его вздохе. А если разжать тормоза и дать себе волю, то руки мои сорвали бы с его мышц эту «fancу» рубашку и легли бы ладонями по обеим сторонам того самого символа, идентичная копия которого красуется на моей собственной груди. Я бы показала ему центр всех его обещаний, но сама, втайне от всех и самой себя, наслаждалась бы теплом его кожи под своими пальцами.

За широким окном уже почти стемнело – начался «синий час», время фотографов. Цветные огни проезжающих внизу авто расплываются длинными кометами на мокром стекле витрины Старбакса. Наша любовь похожа на этот след – вспыхнула ярко-красной

вспышкой и пролетела так быстро, что мы едва успели понять, что произошло. И только в памяти остался её исчезающий след.

- Ева... - он почти шепчет. Звучит так, словно потерял голос. – Ева, прости!

Сложно бороться со слезами, когда они нагло прут, сшибая с ног, не ожидая разрешения на пересечение границы. И вдруг я слышу то, что мгновенно приводит меня в чувство:

- Ева! – он резко накрывает мою руку своей, как тогда в юности. – Давай наплюём на правила? Давай забьём на мораль?

- Ты пьян! Опять пьян!

- Ты права. Но пьяный я всего лишь озвучиваю свои трезвые мысли!

- Я замужем, Дамиен! У меня есть муж! И обязательства перед ним!

- Ты скала, Ева, – отпускает мою руку и откидывается на спинку сидения. – Я восхищён: не женщина – камень!

Его глаза неприятно суживаются, и, возможно, будь он трезвым, моя внутренняя рана опалаясь бы только этим вот его обиженно-рассерженным взором, но нет же, он ведь ещё и пьёт один бокал за другим:

- Меня удивляет та решимость, с какой ты вышвырнула меня из своей головы и легла в постель к своему Хуану! Почему я, интересно, не могу так же?

- Он не Хуан, он Вейран!

- Один хрен, чурбан с маленьким членом!

- Откуда тебе знать, какой у него член?

- Столкнулись в душевой в джиме, - ржёт.

- И ты пялился на его член?

- Ну, нужно же мне было знать, как теперь развлекается моя Ева!

- Дамиен, ты не можешь думать обо мне в таком контексте!

- Да? И кто же мне запретит?

- Мораль.

- Ах мораль... Чёрта с два твоя мораль заберётся в мои мозги!

- Почему моя?

- Потому что не моя. Ты когда-нибудь задавалась вопросом, а что, в сущности, есть мораль?

- Мораль – это базовые основы человеческого поведения. Устои, основанные на... многовековом опыте и практике.

- Мораль – это свод придуманных кем-то правил. Правил, установленных чьей-то ограниченной мудростью. Люди веками считали, что Земля – центр мира, пока Джордано Бруно не вышел за рамки и не объяснил им реальное положение вещей.

- Я помню его статую на площади цветов в Риме. Мы переводили надпись под ней, и, кажется, там было сказано: «Джордано Бруно — от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжён костёр». Ты же помнишь, что с ним случилось?

- Сейчас не шестнадцатый век, мы не в Риме, и у нас нет инквизиции!

- Она есть, Дамиен. Она заложена в нас самих и наших близких. Мы сами сожжём себя, сами. И это будет куда дольше и мучительнее, чем у Бруно.

Где Дамиен-лидер? Куда делась непоколебимая уверенность в себе и то безразличие к людям и окружающему миру, которые делали его таким привлекательным? Где несгибаемый борец?

- Я знаю, что тебе больно, Дамиен.

- Интересно, откуда?

- Если бы ты не пребывал почти постоянно в пьяном угаре, то, возможно, понял бы, что и мне тоже больно. Что Вейран - это мой способ пережить. Пока ты забываешься с проститутками, я пытаюсь сосредоточиться на человеке, который меня любит!

Дамиен со вздохом накрывает лицо ладонями, с силой прижимая пальцы к глазам, потом, словно стряхнув временное помутнение, резко убирает их и смотрит на меня совершенно трезвым взглядом:

- Что если и мне сосредоточиться на том, кто меня по-настоящему любит?

Я не сразу улавливаю намёк. Сижу некоторое время в полной прострации, взвешивая вероятность любви между покорёженным эмоционально мужчиной и дорогой проституткой, как вдруг на ум внезапной вспышкой молнии, сопровождаемой громом, приходит имя «Мелания».

В это же самое время Дамиен с совершенно серьёзным лицом делает мне предложение:

- Давай уедем на остров? Купить кусок суши в личное пользование я не смогу, но виллу с участком - вполне. Нам ведь всё равно не нужны... школы, будем жить на острове и говорить туристам, что муж и жена.

- Если бы не количество тобой выпитого, увиденное сегодня моими глазами, я бы подумала, что ты серьёзно.

- Рискни предположить, что серьёзно. И ответь.

Он держит меня взглядом с такой интенсивностью, будто распял, а у самого в глазах страх. Панический страх.

- Дамиен, это грех, то, что ты предлагаешь. Это страшный грех. И позор для родителей, для всей семьи!

Я как будто впервые всерьёз задумываюсь, взвешивая весь вес аморальности не только этого предложения, но и допустимость мыслей о нём.

Конечно, я лгу ему и лгу себе, отгораживаюсь пристойностью, но ведь в полной тишине своего одиночества, даже невзирая на храпящего рядом мужа, сколько раз мой извращённый мозг мечтал о таком же уединении, которое Дамиен набрался мужества предложить?

- Родители никогда этого не примут, они не примут нас! - ищу оправдания своей трусости.

- Мне плевать на родителей! Особенно после того, что они с нами сделали! - вспыхивает.

- Но они не перестали быть нашими самыми близкими и родными людьми. Они совершили ошибку... несколько ошибок, Дамиен. Разве ты не ошибался?

Он не отвечает.

- И потом, я думала, у тебя наладились отношения с матерью. Это, наверное, важно для тебя?

- Энни всегда выдаёт желаемое за действительное.

- Правда? Ты не называл её матерью?

- Называл. Когда был в стельку пьян и не стеснялся открыто стебаться. Или стёб тоже считается? Знаешь, очень странно никогда не иметь матери и вдруг внезапно начать её «иметь». Это вызывает в моём воспалённом мозгу когнитивный диссонанс! Я и выгнать её из своей жизни не имею права, она ведь всё-таки мать, но и принять никогда не смогу тоже. Особенно, помня о том, во что она превратила твою жизнь, Ева.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Только то, что она, похоже, так и не поняла за все годы после случившегося в роддоме, что у неё родился не только мёртвый сын, но и живая дочь! Кошки, Ева, лучшие матери, чем наша по отношению к тебе! Это просто режет глаза, выворачивает душу! Она будто отказалась от тебя, но при этом официально не бросила. И знаешь, может приёмная мать любила бы тебя больше.

- Она любит меня. В своём специфическом стиле, правда, но любит. И не говори ерунды! Ни одна приёмная мать не лучше родной!

- Не знаю, - поджимает губы. - Не знаю.

Спустя время, неожиданно добавляет:

- Мне бы побольше ума в детстве...

- Что было бы?

- Меньше тупых поступков с моей стороны, Ева! Стыд - жалкое чувство в сравнении с тем, что я теперь испытываю. После всего.

- И что же ты испытываешь? - надавливаю.

Дамиен поворачивает голову к окну, стискивает зубы и после недолгой паузы признаётся:

- Я должен был любить тебя... а не ненавидеть. Ты - мой единственный по-настоящему близкий, родной человек. Из-за их ошибок мы наделали своих.

- Не все братья и сёстры любят друг друга, Дамиен. Ты идеализируешь то, чего у нас не было, но на деле дети ссорятся и враждуют независимо от родства.

- Я бы любил тебя... и защищал.

- Что мешало тебе если не любить, то хотя бы не третировать Еву сводную сестру?

- Глупость, недостаток жизненного опыта, детский максимализм и заложенная в генах жестокость. И отсутствие любви. Да, не удивляйся, мне тоже её не хватало!

- А между тем, мать души в тебе не чаяла и вечно лезла с нежностями, заботой и советами. И отец любил, пусть и своей сдержанной любовью, но любил и любит сейчас. Не жалуйся! - делаю глоток из своего стакана с соком, потому что в горле пересохло от этого странного разговора. - Я помню, ты однажды рассказывал, как сильно тебе не хватало матери, а ведь она почти всё время была рядом! Она всегда любила тебя.

- Именно поэтому теперь я не хочу даже пытаться заменить реальность иллюзией. Они не понимают нас? Пусть! Не принимают? Пусть! Мне плевать на всех! Важно только то, чего мы двое хотим. А я хочу просыпаться с ТОБОЙ, заниматься любовью с ТОБОЙ. Жизнь свою прожить хочу с ТОБОЙ! Мы мечтали о наших детях, семье, но если это невозможно, я согласен на всё, что могут дать нам альтернативы: приёмный ребёнок или банк спермы – как ты скажешь, так и будет. Я знаю одно: последние четыре года были для меня невыносимы в своей бессмысленности, и я чувствую, что и для тебя тоже. Тогда ответь мне: что в этом правильного? В каком именно месте всё это – правильно?

Его взгляд тяжёлый, жёсткий, металлический. Так смотрит только сильный мужчина, загнанный в угол обстоятельствами, доведённый до отчаяния своей беспомощностью что-либо изменить. Нет такого решения, шага, действия, которое он мог бы совершить, чтобы вырвать нас из этой безысходности.

И, тем не менее, я отчётливо вижу в его зелёных, но так умело выдающих себя за карие радужках дерзость.словно он всем бросает вызов: мне, родителям, фальшивым и бессмысленным партнёрам, обществу, всему миру. И если этот мир одобряет и принимает людей, искажающих базовые понятия морали и допустимости, почему он не может принять

нас?

Я знала, чувствовала, что он дошёл до точки, потому и начал мне писать, потому и позвал на эту встречу. Но молчу, потому что ответов на его вопросы нет. Смотрю на его руки, и вспоминаю, какие они на ощупь, как ласкали меня, какими нежными были. Его пальцы, запястья и та часть руки, которая видна под часами и рукавом дорогого пиджака, кажутся мне необыкновенно красивыми. Наверное, так всегда и бывает: когда человек настолько сильно желанен, всё в нём кажется особенным.

- Ответь, Ева, - требует.

- Я не знаю, что отвечать, - честно признаюсь.

Дамиен отрывает от меня свои пронзительные глаза и смотрит на залив. А я – снова на его руки. Потом шею, ключицы, видимые в раскрытом вороте рубашки. Хочется прижаться к ним губами, помня, как именно он реагирует на подобное. Постыдно, запретно хочется.

Мне нельзя об этом думать, нельзя! Отрываюсь от него и тоже смотрю на серый залив.

- Они назвали нас Адамом и Евой, - сообщает тихим прохладным тоном.

- Что?

- Дамиен - моё второе имя. Первое - Адам. В школе смеялись, спрашивали, где моя Ева...

- И что ты отвечал?

- Ничего. Я думал, нет никакой Евы, и никогда не было. А она была. Жила себе в далёкой Австралии и ждала своего часа, чтобы вернуться, - его лицо внезапно становится мягче, губы растягиваются в искренней нежной улыбке.

- Почему я никогда не слышала твоего первого имени?

- Ну... однажды мне надоело быть Адамом, и я решил стать Дамиеном.

- А у меня тоже есть второе имя, - признаюсь.

- Я знаю.

- Откуда?

Поднимает брови, но взгляд сосредоточен на бокале с белым вином:

- Ева-Мария, так ведь?

- Да...

- Красота во всём, даже в имени, - задумчиво констатирует. - Знаешь, как тяжело искать тебе замену?

Дамиен поднимает глаза, и смотреть в них тяжело. Невыносимо.

- Знаю. Так же нелегко, как и тебе, - признаюсь.

- И, тем не менее, ты её нашла.

Решаю молчать о своих отношениях с Вейраном: это наше с ним грязное бельё, и демонстрировать его Дамиену неразумно. Да и гадко, честно говоря.

- Мы могли тысячу раз догадаться, маяки были повсюду: имена, общая фамилия, близкие даты рождения, сходство во внешности, эта тяга друг к другу... Ты знаешь, после первой же нашей ночи вместе я понял, что так, как с тобой, не будет ни с кем. Странное, почти непреодолимое притяжение, а ведь мы просто спали...

- В этом нет ничего странного - девять месяцев бок о бок в одном тесном, очень ограниченном пространстве. Мама ведь сказала, что мы близнецы: места было мало, и мы вынуждены были обниматься, - улыбаюсь.

Я очень хорошо понимаю, что он имеет в виду, потому что помню то состояние неожиданного комфорта и покоя, когда его руки впервые меня обняли. Потом они же

обнимали во сне, и это был самый сладкий и самый полноценный сон в моей жизни. И все последующие наши ночи мы всегда спали в обнимку, даже если было жарко, даже если у меня были критические дни, и мне не хотелось его объятий - его руки всегда были на мне.

Страшно теперь осознавать причину, по которой те объятия были особенными и отличались от всех других в моей и, наверное, его жизни тоже.

- Я хотел сказать, - продолжает свою мысль, глядя вначале в окно, затем вновь на меня, - что мы не хотели знать правды. Поэтому слепо не замечали подсказок.

- Возможно, - соглашаюсь.

- Зачем замуж так быстро выскочила? – внезапно меняет тему.

- Он предложил, я согласилась.

- А любовь?

- Она есть, - утвердительно киваю головой, будто сама себя убеждаю.

Или я думаю, что она есть.

- Хорошо, - Дамиен криво улыбается, затем прячет губы в своём бокале.

Спустя минуту, справившись с первыми эмоциями, неожиданно громко и уверенно добавляет:

- Передай своему китайцу, что если посмеет обидеть мою сестру, я ему сперва рёбра переломаю, потом голову оторву! - скалится, довольный собой.

- Ты всё такой же агрессор!

- А ты всё такая же девчонка!

В его глазах столько всего: умиление, нежность, грусть, сломленность. Тяжело видеть его таким. Непривычно и больно.

- Дамиен, - набираюсь решимости. – Я хочу детей. Своих, а не приёмных. Сама хочу быть матерью и иметь полноценную семью.

Он согласно кивает и уже не смотрит в глаза.

Мы расстались очень скоро, каждый поехал проживать свою жизнь правильно, с достоинством и по отдельности.

Глава 8. Disappointments

Я не замечаю, как становлюсь жалкой. Люди встречаются, влюбляются и расстаются, если вдруг что-то пошло не так: не сошлись характеры, один из пары охладел, влюблённых разделили расстояния или препятствия, которые ни один из них не смог преодолеть. Учёба в разных колледжах, например, как у Либби и её бойфренда: они просто завершили свою «любовь» мирным совместным завтраком в Denny's в тот самый день, когда Патрик улетал на четыре года в Швейцарию изучать инженерное дело в судостроении. Уже через месяц Либби повстречала Куина и снова влюбилась, хотя до этого клялась, что Патрик был любовью всей её жизни.

Из сотен вопросов, непрошено возникающих в моей голове, самым главным остаётся глубина и степень моей депрессии. Почему я не могу с ней справиться? Почему никак не получается перешагнуть эту неудачу в жизни, признать ошибкой и двигаться дальше, просто жить и строить своё будущее? Почему я не воспринимаю мужчин? Отчего не могу принять новые отношения ни в теории, ни на практике?

Спустя ещё год Ева Блэйд живёт странной унылой жизнью, будто не проживает дни, а отрабатывает. Я бросила колледж и часто ловлю себя на том, что просто смотрю на белый ровный потолок и ничего не чувствую. Ничего кроме апатии: нет мыслей, нет желаний, только одно сплошное безразличие.

От мужа меня воротит. Я уже давно пережила стадию раздражения и осознание того, что приняла новизну за чувства. Теперь мне ясно одно - этот человек никогда не должен был становиться частью моей жизни. Он мне чужой, как и его манеры, узкие глаза, культура питания и бескультурье в некоторых иных вопросах. Я устала от него, а копящееся раздражение стало перерастать в злость.

Потребность уйти превратилась в навязчивую идею, и для её воплощения пришлось искать работу. Для девушки без образования, связей и друзей работа находится только в барах и магазинах, но поскольку в первых платят куда как больше, приходится освоить нелёгкое ремесло бармена. Бар «Шестидесятые» в Даунтауне станет моим местом работы, а значит и жизни ещё на целый год. За это время я сильно изменюсь. Настолько, что с трудом узнаю себя сама.

Моя проблема пришла незаметно. Всё началось с бесконечных историй посетителей, жаждущих поделиться своей личной трагедией или радостью. Многие из них настойчиво уговаривали «разделить» с ними их скорбь или успех парочкой шотов. Я даже помню, как в первый раз согласилась: это был молодой парень, убивающийся по поводу измены. Его история, в которой он любил свою Кару с пятнадцати лет и мечтал на ней жениться, меня тронула. Вернее, не сама его история, а то, как глубоко и надрывно он страдал, переживая предательство: его «любимая», накурившись на вечеринке травы, переспала с лучшим другом. Это больно, но предельно просто и предсказуемо, когда вы курите в компании, что сложнее - попытка найти в себе силы пережить это, ведь чувства у обоих настоящие, а случившееся - лишь эпизод не первой и не последней глупости.

- Понимаешь, - объяснял мне Дерек, - я точно знаю, что так, как с ней, уже не будет. Такое даётся только раз. Потом, позже, конечно, найдётся подходящая девушка, и мы даже

сможем неплохо поладить, как мой старший брат со своей женой, к примеру, но этих безбашенных чувств уже никогда не случится! - и он пропускает очередной шот виски, наливая и мне из своей бутылки.

Хочу заметить, бутылками клиенты заказывают напитки только в случае крайней степени трагизма произошедших с ними событий.

В общем, разделив в тот вечер с Дерекком его боль, я вдруг обнаружила, что жить стало легче. В голове временно померкли картинки с изображением одного единственного человека, в теле притупилась потребность в нём. Я, наконец, отвлеклась и почувствовала облегчение. Затем, пару недель спустя, отвлеклась снова, уже с Сильвой, девушкой из Польши, безответно и тайно влюблённой в свою лучшую подругу. Потом это случилось снова. И снова. А когда вместо «терапевтических забегов» с клиентами я стала уединяться с коньяком в своей крошечной квартирке-студии, мне стало ясно, что обработка спиртосодержащими продуктами шрамов на моей душе приняла системный характер. И не испугалась, не огорчилась, не попыталась остановиться.

Мне было наплевать на последствия своих поступков, и как я сама уже стала подозревать, на собственное будущее тоже.

Я ни с кем не встречалась, всё ещё помня «прелести» совместной жизни с Вейраном, который почти сразу же после нашего развода стал публиковать в социальных сетях снимки со своей новой девушкой-китайкой. Я бы даже не обратила на него внимания, если бы не подозрительно «скорое» объявление о предстоящей свадьбе и приписка «я ждал этого события почти всю свою жизнь!». Вейран получил канадский вид на жительство только по той причине, что стал моим мужем. Инициатором развода была я, но, вспоминая некоторые особо выдающиеся моменты нашего «брака», я с горечью понимаю, что мой так называемый муж так усердно старался от меня избавиться, что даже переигрывал. Гадко. Невыносимо гадко, но совсем не больно, потому что я была для Вейрана таким же точно проектом, как и он для меня. Я ничем не лучше. Стремление использовать мужчину в своих попытках пережить связь с другим не более достойно, чем его планы получить вид на жительство, женившись на слегка пришибленной белой девушке с канадским паспортом и многоговорящей фамилией Блэйд. И что хуже всего, Вейран ещё и взял себе мою фамилию!

Я перестала есть. Длинный список «любимой еды» сократился до нуля позиций. Странно, но пропавший к еде интерес совершенно меня не беспокоил, как и выпирающие бедренные кости и обнажившиеся ключицы. В другое время я бы обрадовалась подвернувшейся возможности похудеть, но на данном этапе мне было и на это наплевать.

Уж на что мой работодатель был безразличным к проблемам своих рабов, увлекаясь неоплачиваемым овертаймом, но даже он озаботился состоянием моего здоровья, строго поинтересовавшись, не принимаю ли я «вещества». Получив отрицательный ответ, заглянул в мои зрачки и, удовлетворившись увиденным, напомнил, что по пятницам мы работаем до последнего клиента, и что мне нужно взять дополнительную смену.

Дробление рабочего дня на четырехчасовые смены - его персональное ноу-хау, изобретение, помогающее не платить положенные законом 50% за каждый отработанный сверх нормы трудового дня час. Хочешь, бери дополнительную смену, не хочешь, не бери, но, в таком случае, назавтра увольняйся.

Поэтому я беру и пропадаю на работе, проживая свои дни в тёмном баре и людских страстях.

Свой двадцать пятый День Рождения отмечаю с родителями в их доме – рестораны и

всё, что на них похоже, до одури надоели на работе.

Мать приготовила хороший ужин, Дэвид запасся вином и улыбками. Мне удалось прожить целый час в относительном благополучии, пока они не сообщили ЭТО – свою грандиозную новость.

- Ева... у нас в семье намечается важное событие... - мать мнётся и словно никак не может решиться.

- Да, мам. Говори уже!

- Дамиен женится в декабре.

Мир рухнул. Пыль и пепел пожаров заполнили атмосферу, навсегда скрыв солнце. В моей душе теперь навеки поселилась ядерная ночь. Краски плывут, стекают обильными подтёками, смешиваясь в серую жижу и не позволяя видеть.

- Венчание запланировано сразу после Рождества в Риме, никак не запомню название Собора... Так что нас на Рождество не будет, если только ты не захочешь поехать с нами, - мягко и как-то надрывно продолжает вместо матери Дэвид.

Пауза. В родительском доме виснет долгая непреодолимая пауза. Ни у кого нет слов или же просто сил их произнести. Я решаю быть круче всех:

- Меня не приглашали.

Первая же мысль, которая приходит в голову: «Вот, что он чувствовал».

Боже, ему было больно. Нет, это не боль, это мука, отключающая сознание.

Но лицо нужно держать, пусть каменное, но чтобы без слёз и признаков душевного упадка. Хотя, поздно – они уже на глазах.

Как женится?

Как?

Уже?

Так скоро?

Он же не собирался!

Считал, что рано!

Да, женится. А как же иначе? Люди женятся, Ева. Они не живут в отчаянии вечно и не обрекают себя на одиночество ради твоего душевного комфорта.

На ком он женится? На ком?

- Ты видела его невесту? – спрашиваю мать, потому что в эту секунду моей жизни мне плевать на Дэвида. В этой своей трагедии мне необходима поддержка матери, женское понимание и участие.

- Конечно...

С лицом матери творится нечто невообразимое, Дэвид прячется за очками и усердным переливанием коньяка в свой бокал.

- Какая она?

Мой голос твёрдый или жалкий? Сложно понять и услышать себя со стороны.

Мать набирает в грудь воздуха, чтобы выдать:

- Ты её знаешь, Ева.

- Да?! – удивляюсь.

Я бы не хотела её знать. Никогда. И всё же знаю. Кто бы это мог быть? Догадка выпивает душу. С силой затягивает её в узкую трубочку, не позволяя дышать.

Не может быть.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Так нельзя!

Так нечестно!

Это неправда! Я не верю...

- Мы с Меланией вместе выбирали платье, - мать пытается вернуть радость в это событие. – Кольца они заказывали в Италии, какие-то эксклюзивные с камнями. Новая мода! – закатывает глаза. – У нас были обычные. Да, Дэвид?

- Кольца не имеют значения. Как и всё прочее, - сухо отзывается мой биологический отец.

- Всё имеет значение, Дэвид, - тихонько не соглашается мать. - В свадебное путешествие решили ехать не сразу, а в апреле, как потеплеет. Да и зимой Дамиену не вырваться – заканчивает съёмки второго фильма. Начинается самое сложное – монтаж. А дети хотят провести хотя бы месяц-два в Европе, погостить у мамы Мелании. Нас тоже приглашали! – в её голосе воодушевление. – Мел планирует зачать там первого ребёнка, смешная!

Я чувствую слёзы. Проклятые слёзы и душераздирающую боль. Стол, тарелка, бокал, салатница с зелёной бурдой – всё плывёт перед глазами.

- Ну что ты, что ты, милая! – мать вскакивает со стула, подбегает и обнимает мои плечи.

Дэвид трёт под очками глаза.

Глава 9. Упасть и не подняться

На Рождество в «Шестидесятых» сумасшествие. Тёмный бар набивается обездоленными, брошенными, отвергнутыми, не нашедшими своей пары, чтобы одиночество ненароком не убило их в самую святую и «семейную» ночь в году. Ну и, конечно, вся эта публика так же отчаянно пьёт, как и страдает.

В последующие после праздника дни наплыв не стихает – Рождество слишком болезненное явление, чтобы пережить его за одну ночь. Я добровольно вызываюсь работать во все три смены и каждый день, что несказанно радует моего начальника, однако заставляет думать, что у меня не всё в порядке с головой:

- В чём твой секрет? – интересуется причинами моего неадекватного трудолюбия.

- Деньги нужны.

Я не вру, они всегда нужны.

- Ну-ну, - не верит.

А я просто помню о ТОМ дне. Двадцать седьмое декабря – день, когда он навеки отдаёт ей себя.

И этот день, вернее, ночь (потому что в Риме – утро двадцать седьмого декабря, а у нас – вечер двадцать шестого) проходит в рабочем угаре. Я не пью, держусь, потому что знаю – в любой момент может позвонить мать или Дэвид. Но никто из них не звонит, очевидно, из-за насыщенности их свадебного графика. Я только получаю утреннее сообщение о том, что перелёт прошёл «без сюрпризов и эксцессов».

Домой приволакиваю ноги к пяти утра, стараясь ни о чём не думать. Заваливаюсь спать, не принимая душ – сил нет. Мгновенно проваливаюсь в сон, пока едва не подскакиваю от щелчка пришедшего сообщения.

Смахиваю, открываю послание и вижу то, отчего моё сердце перестаёт биться. Оно не выдерживает и трескается, кровоточит.

На экране смартфона светится счастьем и благополучием знакомая пара в свадебных нарядах: мой родной брат и его прекрасная, почти неотразимая супруга Мелания. Дамиен в тёмном костюме, странным образом подчёркивающим глубину его глаз, в руках невесты букет белых лилий. Свадебное фото в полный рост на фоне алтаря и пышного цветочного убранства церкви, а под ногами молодожёнов почти незаметно для незнающего взгляда растоптаны алые цветы. Маки.

Спустя мгновение ещё сообщение:

Mel: «Помнишь, я говорила, что буду его женой? Запомни: я всегда держу слово и никогда не изменяю своих планов!».

Eva: «Иди к чёрту!»

И получаю смеющийся смайлик. Хохочущий, мать его, до слёз.

- Суууууукаааа!

Это слово слышали все соседи, и те, которые на дальних улицах, тоже. Но ругательств, очевидно, мне показалось мало, и я совершила кармическую ошибку, набрав в смартфоне судьбоносное пожелание:

«Желаю вам бесплодного брака. Пусть каждая ваша попытка будет такой же пустой и

бесполезной, как ты сама!»

Я не отправила это сообщение, хватило ума вовремя остановиться. Однако послание, сделанное в сердцах, всё-таки улетело в Космос, и было услышано там, где принимаются решения и вершатся судьбы.

Горькие, солёные, слишком обильные, чтобы назвать их слезами, реки бегут по моим щекам, сползая к горлу и за шиворот. Я растираю их ладонями, тщетно стараясь избавиться – это практически невозможно, их слишком много, и слишком активно производят их мои глаза.

Нет, мы с Дамиеном не родственные души, а гораздо больше – между нами связь. Наверное, именно та необъяснимая взаимная тяга и умение чувствовать другую душу, какие и бывают у близнецов. И эта связь приняла необычные формы: мы даже ненавидели друг друга не так как все, а с особой силой. И полюбили точно так же – до боли в костях, в каждой клетке, в каждой мысли в разлуке, вдали друг от друга.

Как часто мы лжём себе! И я лгала. Сколько раз думала о ненавистном Дамиене, живя в изгнании? Нет, не тысячи! Я думала о нём каждый день, я засыпала с мыслями о нём. И это не были воспоминания о наших военных действиях и взаимных обидах, нет. Я беспокоилась о том, как он там: даст ли отпор придурочному Ли с соседней улицы, как хорошо будет играть на соревнованиях и выбросит ли из своей жизни весь ненужный хлам, чтобы заметить главное – то, что я нуждаюсь в нём. Нуждаюсь в его времени, внимании, улыбке, заботе. Хочу, чтобы защищал меня в школе и никогда не целовал других девчонок. Он всегда был симпатичным, и я всегда боялась и млела от его взглядов. Наверное, именно поэтому так и усердствовала, прикрываясь ненавистью. А ведь он хотел поговорить, выяснить, с чего между нами возникла эта вражда?

Да, где-то в том самом возрасте, лет в одиннадцать, когда мало что понимаешь в собственных чувствах, я и влюбилась в него, моего Дамиена. Моего кровного брата, моего близнеца.

Я иду в церковь. Наши церкви – совсем не то, что в Европе, они – просто дома с просто картонными стенами. Как бы мне сейчас хотелось оказаться в какой-нибудь часовне в Италии, сидеть на дубовой лакированной лавочке с резными перилами, разглядывать золотую деву Марию в специальной нише и других святых, нарисованных на стенах и потолке, слушать тихую органную музыку и думать о жестокости жизни.

Смотрю на унылое, серое помещение, угрюмый алтарь и прошу у Бога прощения за слова, написанные в сердцах:

Боже, пусть он будет счастлив! Даже если с ней... пусть он будет счастлив. Дай ему сына, Господи! Он ведь так хотел сына... Пусть они оба будут счастливы...

И уже на пути домой вспоминаю, что ничего не попросила у Бога для себя.

Глава 10. Четыре месяца спустя

Дамиен обожал мороженое. Он был буквально «мороженовым аддиктом». А любимый его сорт - вообще отдельная история: это магазинная линия РС, выпускающая буквально всё, от носков и гвоздей до самого вкусного, с точки зрения Дамиена, мороженого. Мраморное месиво из ванильного, шоколадного и арахисового слоёв, с вкраплениями уменьшенной копии популярного в Канаде шоколада с арахисовым маслом. Когда я впервые положила кусочек в рот, мне показалось, у меня склеились зубы. Три ложки, и мой желудок возмущённо фыркнул: не ешь этот сахарный жир! Или жирный сахар?

А Дамиен уплетал за обе щёки, сладострастно облизывая губы и икеевскую специальную ложку, которой удобно делать шарики. Только он эти шарики отправлял прямым в рот.

- Как тебя до сих пор не разнесло-то от такого... мороженого?

- Я спортом занимаюсь! И... сексом! Знаешь, сколько калорий сжигается за один сеанс?

- Сколько?

- Много! - отвечает с умным видом. - Это ты лежишь... ну, или стоишь, а я-то... о-го-го!

Мне силы нужны!

Тянется губами, и я не без удовольствия их облизываю, не замечая, как шутливый поцелуй перерождается в глубоко интимный, чувственный. Мой язык нежно поглаживает его сладкий и холодный, затем наоборот. Это даже круче, чем целоваться губами.

- Ты такой сладкий, - признаюсь, улыбаясь в его губы.

- Ну вот, видишь!

- Но к тридцати годам станешь круглым, как бегемот!

- Но ты же всё равно меня не бросишь? Как же ты без меня? - мурлычет, самоуверенно целуя меня в нос.

Тяжело без тебя, Дамиен. Невыносимо. Невозможно. Нечеловечески больно. И я, кажется, не справляюсь: медленно, но уверенно загибаюсь.

Не я бросила тебя, не ты меня. Мы отвергли друг друга, ибо нам сказали, что мы не можем. И мы с тобой, действительно, не могли, причём оба.

Вздыхаю, вытирая губкой пятна с чёрной глянцевой поверхности стойки. В иные времена убила бы дизайнера, придумавшего её: такая поверхность требует отдельной должности пятнотёра в нашем баре! Но за неимением одного данную малопочтенную обязанность приходится выполнять самой. Удивительно, но мне наплевать. Как и на звякнувшую в приветствии нового гостя дверь. Как и на метнувшуюся к столику у окна Шиву. Как и на её совершенно по-особенному учтивый, даже почти заискивающий голос. Эта индианка, впрочем, всегда оближивает клиентов сверх меры, а меня, глядя на её лицо, всегда мучает истошное желание взять самую жёсткую мочалку и попытаться отмыть его добела. Нет, я вовсе не расистка. И африканку Рамину не имею желания отбелить, но вот Шиву почему-то иногда очень хочется.

- Бутылка воды с газом и долька лимона за пятый столик, - сообщает своим невыносимым акцентом прямо около моего уха.

- Бутылка с газом и лимон, - машинально повторяю за ней. И поднимаю глаза...

Конечно, это ОН! Мой любитель самодельного лимонада и мороженого с шоколадными таблетками и арахисовым маслом. Вернее, давно уже не мой. Давно.

Я не могу дышать - забыла как. Не помню, где нахожусь и зачем. Стою неподвижно, вцепившись руками в натёртую до блеска стойку, не в силах отвести от родного лица глаз. А с того, с другого берега, так же неотрывно смотрят на меня, и я вижу, как медленно, неумолимо, почти по-детски радостно самые сексуальные в мире губы растягиваются в улыбке.

Есть нечто особенное в наших взглядах. В том, как фантастически идеально и полно всякий раз происходит их «стыковка». «Клик» - он всегда есть, и ему нужно лишь одно мгновение, одно, пусть даже случайное, касание наших взоров. А сразу за ним - сердцебиение космонавта на старте ракеты: где-то в горле, стремительно удвоив или даже утроив размеры, скорость, силу ударов.

Сколько лет я не вспоминала о нём? Забыла даже, что оно есть у меня...

Дамиен так сильно изменился внешне, что я, скорее, узнаю его сердцем, нежели глазами. Холёный, статный, дорого одетый. Его волосы пострижены и уложены модно, но в то же время в уникальном собственном стиле – всегда длинная вьющаяся чёлка, терзающая женский пол безумным желанием вцепиться в неё...

На нём джинсы и элегантный пиджак, ни к чему не обязывающий, но кричащий об обеспеченности. Я сотни раз видела Дамиена на фото в сети, по телевизору, засмотрела до дыр ролики на YouTube с кинопремьер, интервью и просто эпизоды его личной жизни, подсмотренные папарацци. Последнее - самое болезненное, безжалостный инструмент пытки для мазохиста. Висящая на его руке Мелания в шикарных платьях от самых прославленных кутюрье была не так удушающе болезненна, как их интимные поцелуи и ласки в какой-нибудь затерянной кафешке на малоизвестной улице Парижа, где Дамиен неизменно в бейсболке и тёмных очках, а его спутница в очередном невыносимо дорогом, но теперь уже повседневном костюме.

«Несравненная королева стиля Мелания Блэйд со своим супругом гениальным режиссёром Дамиеном Блэйдом»

«Сладкая парочка замечена в Портофино, но задержалась на несколько дней в маленьком городке Риомаджоре»

«Папарацци поймали Дамиена Блэйда за занятием любовью со своей супругой на частном пляже недалеко от живописного городка Портовенере» - гласили заголовки.

И вот он, прославленный, zalюбленный публикой едва ли не до смерти, явился собственной персоной в мой бар, в старый добрый даунтаун Ванкувера. Сидит за столиком номер пять у окна и смотрит на меня в упор. А я обдумываю одну единственную мысль: «Неужели случайно зашёл?»

Подходить страшно. И больно. Но он пришёл ко мне, мой Дамиен, родной и чужой одновременно. Я делаю шаг в его направлении и предупреждаю Шиву:

- За пятым столиком мой знакомый, я разберусь сама. Я ненадолго, минут на пять. Клиентов всё равно пока нет.

Получается, наконец, дышать. Но руки потрясывает, кожа на шее горит, и я знаю – это алые пятна, моё новое «приобретение». Нервы стали ни к чёрту.

Я иду медленно, всеми силами стараясь если не успокоиться, то хотя бы выглядеть достойно. Дамиен, увидев меня, начинает снимать пиджак и улыбается ещё шире, искренне и довольно сощурив глаза. Не знаю, почему, но этот жест – избавление от пиджака, словно

говорит мне: «Я тут надолго!». И мне мгновенно становится легче, напряжение ослабевает, в висках уже не так шумно пульсирует кровь.

Я тоже улыбаюсь: просто не могу удержать на лице запланированную серьёзность:

- Привет! – ставлю на стол его воду и лимон. – Неожиданно!

- Привееет! – тянет. - Мама сказала, где ты работаешь, - признаётся, улыбаясь.

И во взгляде столько мягкости. Столько до изнеможения знакомой нежности... что мне вдруг становится невыносимо больно. Отворачиваюсь, чтобы он не видел моё перекошенное лицо.

- Интересно, ты сейчас мою мать имел в виду, или...

- Наверное, нашу, - отвечает просто.

- Тебя уже отпустило? – решаюсь, наконец, снова взглянуть в его глаза. И тут же тону в их карей зелени.

- А тебя?

- Я первая спросила.

- Просто стараюсь быть реалистом и идти вперёд, не оглядываясь.

- У тебя получается. Поздравляю!

- Спасибо. Я рад, что... тебе не всё равно! - продолжает с той же ласковостью.

Наши взгляды вновь встречаются, и мы впервые за долгое время находимся настолько близко физически.

Годы прошли, годы. Сколько? Ещё два с половиной. За это время он снял свой нашумевший фильм, прославился, разбогател и женился. А я?

- У тебя всё успешно не только в профессиональном плане, но и в личном. Прогресс, так сказать, налицо! - язвлю.

Но Дамиен словно не замечает:

- Я стараюсь смотреть на жизнь трезво... - осекается.

Меня словно током бьёт от этих слов. Он всё обо мне знает. Всё! Спасибо мамочке.

- Прости, я не это имел в виду! – вскакивает из-за стола.

Он не хочет меня обижать, явно не за этим пришёл.

- Я хочу забрать тебя отсюда прямо сейчас, - сообщает, немного успокоившись.

- Не могу, у меня смена.

- А я договорюсь с твоим начальством!

И в этот момент его рука касается моей руки... Господи, я только теперь вспоминаю, что этот парень, вернее, уже мужчина – мой родной брат.

Глава 11. Что такое забота?

Дамиен

Я разбогател, прославился. Успех избаловал меня, даже развратил, превратив в холёного сноба. Неудачи позволяют сохранять в душе баланс, освобождая место для человечности, но я успешен во всём, к чему не прикоснусь. Будто продал душу дьяволу, словно отказался от неё, променяв на все блага мира. И я даже знаю, когда это произошло: в тот самый день, когда я вычеркнул из жизни девушку по имени Ева.

Я старался проживать каждый свой день так, будто её никогда и не было, женился, путешествовал по тем же местам с женой, занимался с ней любовью в тех же местах, что и с Евой, даже в тех же самых отелях селился. Я сделал всё, что смог придумать, выбросил все до единой вещи, которые о ней напоминали, даже вывел татуировку. Но договориться с собой так и не смог.

Тянет. Тянет прикоснуться, дотронуться пальцами, ладонями ощутить тепло. Тянет подойти, склониться, зарыться носом в её волосы или прижаться губами к коже на изгибе шеи и вдохнуть полной грудью. Я не пробовал кокс, но видел, как это делают другие. Мне не нужен наркотик, чтобы знать, как он действует - у меня есть мой Опиум. Был Опиум.

Господи, как же тяжело...

Её запах... тот самый, который я так старательно пытался забыть, заполняет сейчас мои ноздри и давит на мозг первобытным желанием. Я помню вкус её губ и не только их. Помню, как часто и ускоренно, как у забегавшегося ребёнка, билось её сердце после очередного оргазма. Каждый раз в постели с ней я старался, стремился превзойти самого себя, настолько мне было важно ей нравиться. Наверное, хотелось удержать и не отпускать до самой своей смерти, которая, я был уверен, случится первой. Да, был уверен, потому что представлять свой мир без неё, было страшно. До ужаса, до умопомрачения боязно. И из этого страха родилось стремление на грани потребности её защищать, чтобы сберечь для себя.

И вот уже больше шести лет прошло с той ядерной в моей жизни ночи. Шесть лет без неё.

Волосы спутались и прилипли к потрескавшимся губам. У неё одна из крайних стадий истощения, и я в ужасе от того, что мать ни слова мне не сказала. Её, чёрт возьми, мать! Не моя! Не меня она растила, не меня учила ходить, есть, говорить, читать, петь и танцевать. Она была настоящей матерью только для Евы, хоть и появилась в моей судьбе задолго до той злополучной ночи. И тем сложнее мне понять её сегодняшнее равнодушие к собственной дочери. Иногда мне даже кажется, что Энни лучше относится к Мелании, чем к Еве. Как будто даже любит её больше. Они проводят вместе время, соприкоснувшись в тысяче общих точек, а вот когда мать и родная дочь в последний раз говорили по телефону – вопрос, на который не будет ответа.

И я даже не могу найти объяснения, почему соврал Еве: о её проблемах рассказал мне отец, он же подсказал, как найти и как поговорить самым правильным способом.

Мне удаётся украсть её прямо посередине рабочего дня, сунув пять сотен администратору, чтобы избежать шума и ругани - не хочу, чтобы мои действия травмировали

её. Мы едем в Западный Ванкувер наслаждаться весной, набережной, солнечным днём и скупостью часов, отведённых на эту встречу: вечером у меня рейс в Европу, к жене.

Ева молчалива, больше говорю я, а она только улыбается, выслушивая мои истории. Я вижу в её глазах восхищение и... боль.

Очень хочется вытравить её оттуда, вымести, выжечь, устранить, но как это сделать, я не знаю. И, боюсь, невозможно.

Беру Еву за руку, потому что с самого начала встречи боролся с желанием прикоснуться. Хотя бы раз, хотя бы вот так – подержать её ладонь в своей. Но этот скромный жест даёт мне гораздо больше: Ева внезапно перестаёт сдерживать себя и обнимает: обхватив обеими руками мою спину, уткнувшись лицом в шею, прижавшись к груди.

Она плачет, а я никак не могу найти слов, чтобы утешить её. Мне тяжело справиться со своими собственными эмоциями: они душат, давят, терзают, угрожая стабильности и самоконтролю – так хочется сжать её ещё крепче и спрятаться где-нибудь в укромном месте от всего мира.

Но вместо этого я говорю ей то, что должен сказать:

- Ты никогда не была слабой, Ева. Ты всегда была сильной. Сильнее меня. Умнее. Отважнее. Ты должна справиться. Обязана.

- Кому обязана? – шепчет своими потрескавшимися губами.

- Мне.

Она понимает. Понимает и плачет. А я обнимаю. Обнимаю так же крепко, и так же забывая обо всём, как и тогда, в нашей сладкой юности. Именно сладкой она была, наша молодость, кремово-мраморной с вкраплениями арахисового масла. И повторения этому уже не будет. Никогда не будет, поэтому сейчас, в это мгновение, я прижимаю губы к её виску, вдыхаю запах волос и закрываю глаза, даже сжимаю их, как и своё чокнутое сердце, чтобы не сорваться.

Чтобы не обрушиться со всем своим грузом, со всем законсервированным багажом тоски, сожалений, переосмыслений в сливочные поцелуи с клубничной начинкой и кусочками горького шоколада.

Моего любимого горько-сладкого шоколада.

- Ты должна быть сильной, Ева. Должна.

Она кивает. Соглашается.

- Тебе нужно учиться, получить образование и найти себя. Подняться над тем, что так затягивает, оторваться. Не для успеха, Ева. Для самой себя, чтобы жить.

- Это твои деньги на моём счету?

- Нет, твои. Пообещай, что больше не вернёшься в этот бар, в эту дыру. Тебе в нём не место, Ева! Вспомни, о чём мечтала в юности, что тебя увлекало, просто выбери направление. Тебе всего лишь нужно сделать шаг, а затем просто двигаться. Наступит момент, и ты поймёшь, что жизнь продолжается. Так было со мной, так же точно будет и с тобой. Просто дыши, Ева. Дыши. И ты всегда знаешь, где меня найти.

- Я звонила...

- Когда?

- Не помню уже... но трубку подняла она.

Я закрываю глаза, невольно проклиная супругу: непредусмотрительность, собственная неосторожность губит мою девочку.

- Она больше никогда этого не сделает. Когда в следующий раз ты позвонишь,

услышишь мой голос. Только мой, поняла? Ты знаешь, что можешь просить меня о чём угодно, обо всём. Знаешь ведь?

Снова кивает, крепче прижимаясь щекой к моей шее. И я не смогу оторвать своих рук, если она не сделает этого первой.

Глава 12. Дружба

Ева

Я поступила в Институт Фрайзера на факультет психологии, ведь Дамиен приказал потратить его деньги на что-нибудь не просто полезное, а для души. Но самым большим приобретением, которое довелось моей душеньке получить в этом учебном заведении, оказались вовсе не знания, а дружба. Настоящая, крепкая, жертвенная, отзывчивая, наполненная человеческой любовью женская дружба.

Забавно, но первым, что я заметила в ней, были волосы: эдакая фантастическая грива блестящих каштановых завитушек.

- Мой папа - жгучий брюнет, мама - эфемерная блондинка, а я – каштанка! – смеясь, объяснила мне как-то свой цвет волос Лурдес.

Таких людей как Лурдес обычно называют «зажигалками», но в её случае, даже это определение не имеет достаточно веса, чтобы отразить во всей полноте способность красотки дарить людям свет и радость: «факел» будет более подходяще.

Она всегда приходила позже меня, вернее, влетала в аудиторию после звонка, мгновенно распространяя по небольшой комнате фантастический аромат дорогих духов и одаривая мистера Беннера стоваттной улыбкой и коротким «Sorry». А мы, студенты - будущие психологи, психотерапевты и психиатры, наблюдали за тем, как забавно профессор в области болезней человеческой души не находил в себе сил, чтобы злиться на систематические опоздания мисс Соболевой.

Это облако курчавых волос сбивало с ног не только повидавшего многое на своём веку преподавателя, но и очаровывало всех студентов без исключения в нашей небольшой группе, включая меня.

Лурдес Соболева нарушала правила. Не только институтские запреты, такие как опоздания на лекции и лабораторные, пользование духами в «fragrance free zone» и телефоном в аудитории, но и негласные нормы межличностных отношений. У неё был своего рода «пунктик» на запретном, и я в этом убедилась, подняв тему «запретной любви».

Профессор Беннер любил отклоняться от темы семейной психологии, часто пускаясь в глубоко философские рассуждения. Он легко сбивался сам, поэтому чтобы направить его в нужное русло, почти не требовалось усилий. В тот день, а это было четвёртое октября, Беннер затронул тему любви, отклонившись от изначального предмета нашего обсуждения «дисфункциональной семьи».

И я, конечно, не могла не задать свой «главный» вопрос:

- Профессор, насколько реальны, по-вашему, чувства в необычной... запретной любви?

В этот момент Лурдес, кажется, впервые меня заметила, обернувшись и уставившись во все глаза.

Беннер, несмотря на возраст и практику, тысячи, если не сотни тысяч отвеченных вопросов от любопытных студентов-диверсантов, закашлялся:

- Что вы имеете в виду под запретными чувствами, мисс Блэйд?

- Ситуации, когда люди испытывают их, но социальные и моральные нормы не допускают развития отношений.

- Как, например?..

С людьми, имеющими учёную степень в психологии, говорить очень трудно: каждое твоё слово и даже их порядок в предложении – источник информации о твоей личности.

- Например, любовь между мужчиной и женщиной, братом и сестрой...

Лурдес разворачивается вполоборота, чтобы иметь возможность видеть и меня, и профессора, а я читаю про себя мантру: «Не краснеть! Не краснеть! Не краснеть!».

- Надеюсь, вы имеете в виду не братскую любовь между родственниками? – усмехается Беннер, но увидев перемены в моём лице, мгновенно сменяет улыбку на озадаченность. – Некоторые вещи в нашей жизни происходят независимо от нашего к ним отношения. Войны, например. Каждый отдельный человек убеждён, что война – это чудовищно плохо, но, тем не менее, люди воюют, и воевали на протяжении всей истории человечества. Есть вещи, на которые мы не можем повлиять, независимо от нашего к ним отношения – болезнь и смерть, например. Что именно вы пытаетесь понять, задавая мне этот вопрос, Ева?

- Я пытаюсь понять, почему такие вещи происходят. У любви, как у явления, есть объяснение – запах. Люди находят друг друга по запаху, это, вроде бы, уже доказано. Запах помогает определить идеального или наиболее подходящего партнёра с точки зрения здорового потомства. Но людей часто тянет не к «тем». И я хочу знать, почему так происходит. Что это? Сбой в программе? Нарушения в психике? Химии?

- В последнее время принято спекулировать на химической составляющей романтической любви, точнее «биохимической», - улыбается. – Слишком много значения люди стали уделять гормонам, феромонам, аминокислотам, забывая о главном: любовь слишком сложное и многогранное явление, чтобы упрощать её до химии. Вот Вам простой пример: много лет назад, к своему прискорбию, я отдал свою нежную супругу болезни. Это была та самая болезнь, которая нынче вселяет ужас и в молодых, и в пожилых. И как вы сами понимаете, любовная химия была не на стороне моей умирающей жены, как и вся остальная химия впрочем, - профессор снимает очки и зажимает переносицу, на мгновение умолкнув.

Но почти сразу продолжает:

- Однако, скажу вам по секрету, моему сердцу на эту химию было наплевать. Я никогда не чувствовал всей мощи своей любви к ней так остро как в те месяцы, когда терял её. Ну так и скажите мне: при чём тут аминокислоты? Феромоны? Вы видели когда-нибудь, Лурдес, как выглядит умирающий от рака человек?

- Видела и не раз, как умирают от рака маленькие дети.

- Правда? – профессор как будто удивлён, да честно говоря, и я тоже.

- Чистая. Моя сестра работает в детской онкологии в Сиэтле в больнице при университете Вашингтона. Мне часто приходилось быть волонтером – развлекать детей.

- Это очень достойное времяпровождение, мисс Соболева. Я знал, чувствовал в Вас сюрпризы, но Вы, тем не менее, умудрились меня удивить!

- Это не в последний раз, профессор! - подмигивает ему, жеманно помахивая ножкой в красной туфле.

- Знаете, Ева, - Беннер словно вспоминает обо мне, - то, что я хотел вам сказать, мысль, которая в последнее время так легко ускользает от меня, - смеётся вместе со всей аудиторией, затем внезапно становится серьёзным. – Любовь возникает не в теле. Влечение – да, в нём. Мужчина должен хотеть женщину, женщина мужчину, чтобы их встреча была плодотворной. Но любовь рождается в мозгу, в нашей личности, в психике, ищущей свой

остров безопасности, опору. Мы привязываемся к людям и боеем душой, теряя их. Эта привязанность рождается из взаимного притяжения, психологической и личностной совместимости. Если сюда добавить вашу химию и секс – получится романтическая любовь. И ей подвержено любое существо, независимо от пола и степени родства. Две энергии сошлись в частоте напряжения и бумс! Происходит взрыв. Если бы ваш вопрос заключался в том, позволить ли такой любви жить, мой ответ был бы: а почему нет? Нашему обществу повезло «расти», и мы уже доросли до многих свобод и научных открытий. Это я о том, что, как вы знаете, кровно родные партнёры подвержены значительным рискам в деторождении.

Я киваю головой, что знаю, мол, а Лурдес косит своими карими, почти чёрными глазами на меня.

- Я в этих вопросах не специалист, - продолжает профессор, - но если уж случилась любовь – любите! Только детей не заводите! – смеётся. – Хотя сегодня на помощь и такой любви могут прийти врачи-специалисты в области репродуктивной функции человека. Генная инженерия шагнула далеко вперёд, и эти вопросы сейчас решаемы. РЕШАЕМЫ! Главное, понять для себя, хотите ли вы их решать, и стоит ли то самое чувство таких испытаний, - пожимает плечами. - А это известно только вам. Только вам.

Глава 13. Санта-Барбара

В кафетерии я обращаю внимание на подоконник: на нем лежит дорогой белый лэптоп. Он не мог бы принадлежать кому угодно, а лишь тому, у кого имеется достаточно денег, чтобы раскидываться подобными вещами. Его стоимость - состояние для меня, но не для Лурдес.

Подхожу, беру его в руки и убеждаюсь в своей правоте: внизу, на корпусе, имеется наклейка с именем и номером телефона хозяйки. Очевидно, она теряет его не в первый раз.

Набираю номер:

- Хелоу? - у Лурдес потрясающий голос.

- Привет. Я нашла твой лэптоп в столовой и звоню по номеру на корпусе.

- Оу! Спасибо! Вечно его теряю! Через пару минут буду! - бросает трубку.

Но даже пара минут не успевает пройти, как копна её фантастических волос появляется в кафетерии, заставляя парней сворачивать шеи и давиться своими ланчами.

- Пффф... я такая растеряха! - смеётся. - Это мне нагрузили в довесок к неотразимой красоте и блестящему уму! Ну не может же всё быть идеально в человеке?!

Лурдес звонко хохочет, довольная собственным остроумием, а я наслаждаюсь запахом её духов: действительно, такие редко кто носит.

Лурдес об этом не говорит, но все знают, что у неё очень состоятельные родители, живущие в Сиэтле, откуда и сама она родом. Забавно, но её никогда не обсуждают в курилке, а только восхищаются. Парни мечтают с ней встречаться, девушки дружить, а Лурдес всегда сама по себе, но не пропускает ни одной вечеринки и чаще устраивает их сама.

Уже через несколько часов, покончив с лекциями, мы сидим в милом недешёвом кафе и уплетаем итальянское тирамису из хрустальных стаканчиков - это одно из любимых мест Лурдес в Ванкувере, по её собственному признанию.

- А почему ты здесь, а не дома, в Сиэтле? - спрашиваю. - Вашингтонский Университет один из лучших в мире, не сравнить с нашими!

- Я здесь только на год - ради лекций Беннера, а на остальные таскаюсь просто так и от скуки, - очаровательно улыбается. - Прослушаю его курс и вернусь домой. Хотя к моей специализации он и не сильно относится, но знаешь, я считаю, что психиатрические проблемы берут начало в семье!

- Ты выбрала психиатрию?

- Да! А ты?

- Я больше склоняюсь к семейной терапии. Это интересно, - пожимаю плечами.

- Поверь! - вспыхивает Лурдес, - психиатрия ещё интереснее! Копаться в головах психиков - это же весь кайф! - её глаза горят. - А вот нытьё зажавшихся домохозяек не воодушевляет.

- Ты звучишь убедительно, - соглашаюсь.

- Я уже говорила про свой блестящий ум? - подмигивает.

- О, да! - и я не в силах сдержать улыбку.

- Так вот, он достался мне от несравненной мамочки - она у меня математик. Ну а... - тут она театрально изображает соблазнительный мах головой, тряхнув волосами, - моя

неподражаемая красота унаследована от папочки!

И снова мне смешно. Никто не умеет так непосредственно себя нахваливать, как эта девушка.

- Лурдес...

- Друзья называют меня просто Лу, - она кладёт свою смуглую кисть с большим «А» на запястье мне на руку, и я удивлена заметить, что это прикосновение мне приятно.

- Лу, вон тот парень часто таскается за тобой в Институте, и сейчас он постоянно на нас пялится. Что говорит психиатрия по этому поводу?

Лурдес бросает короткий взгляд на крупного и, надо признать, по-мужски красивого парня:

- А! Это... Ну, психиатрия скажет только то, что сей кудесник - Люк, мой невидимый ангел хранитель! - смеётся. - Наш папа страдает фобией преследования, но, смею заметить, небезосновательно. У Соньки, моей сестры, тоже такой есть. Хочешь, кстати, познакомлю? Говорят, он хорош в постели! - заявляет с набитым ртом.

- Кто говорит?

- Девчонки на курсе, - Лурдес заливает тирамису второй чашкой кофе. - Со мной ему нельзя, я - охраняемый объект, - заявляет с деланной гордостью, чем снова заставляет меня улыбнуться.

Затем начинает издали:

- Знаешь, в какой-то умной книжке было сказано, что человек, перечисляя что-либо, интересующую позицию назовёт последней, и только в том случае, если хочет скрыть свой интерес к ней.

- Ты о чём?

- О твоём вопросе преподу, - поднимает брови, изображая «многозначительность» во взгляде.

И мне не становится не по себе, наоборот: очень хочется «раскрыться».

Лурдес - тонкий психолог, прирождённый манипулятор и мисс Проницательность - бросает мне наживку:

- Знаешь, я влипла. Очень много лет назад. Думала, пройдёт! Но ни фига... который год уже, «а воз и ныне там».

- Какой воз? - уточняю.

- А! Это из басни. Из русской. Ты ж не знаешь, - улыбается. - Короче, люблю я чужого парня. И не просто чужого, а того, с которым встречается моя любимая сестра. И вот будь она хотя бы немного стервой, я бы не запаривалась... и он даавно уже был бы моим!

Тут она самоуверенно морщит брови, давая мне понять, что в её способностях даже сомневаться не стоит.

- Но фортуна не на моей стороне: Соня - добрая ранимая душа. Мало того, ещё и обиженная судьбой. Братец, блин, постарался, - кривится, и за гримасой я успеваю разглядеть искреннюю боль о близком человеке. - У нас ведь как получилось, мой брат Эштон, он только мне брат, а для Соньки - потенциальный партнёр. И он её вроде как... изнасиловал.

- Что? - не успеваю скрыть свой шок.

- Дааа, - тянет, поджимая губы. - Ну, никто доподлинно не знает, что у них там вышло. Но ничего хорошего, это точно.

Лурдес смотрит в окно невидящим, затянутым пеленой воспоминаний взглядом.

Наживка переродилась в потребность излить душу:

- Всё сложно у нас, причём у всех. Соня до сих пор и несмотря ни на что любит его. Эштона, - уточняет, коротко взглянув на меня, словно желая убедиться в том, что я всё ещё здесь. – И живёт с Антоном. А я кроме Антона вот уже семь лет никого больше не вижу. Я – как мой папа, а он у нас - моногам.

- Твой папа кто?

- Однолюб. За всю свою жизнь влюблялся только раз, с первого взгляда и сразу до беспамятства.

- Тогда я тоже - моногам, - признаюсь.

- Оу... - вытягивает лицо. – И в кого же ты так безнадежно втрескалась?

- Не важно. Продолжай! Ты так интересно рассказываешь о своей семье. А главное, столько подробностей знаешь о своих родителях и их личном.

- А, это папа! Он любитель поговорить на эту тему и поведать душещипательную историю своей Большой любви. Правда, рассказывает только нам, детям, а больше никому! А вот маман, мисс «Скрытность», редко говорит, но зато, только не смейся, книгу пишет! Ха-ха! Представляешь? Моя маман – писатель! Обхохочешься!

- Почему? Это же здорово! - я и впрямь так считаю.

- Да потому что мама моя – математик мозговыносоед! Её студенты как чёрта боятся, такая строгая! И тут вдруг взялась писать про свою любовь... смех, да и только!

- Наверное, у неё была особенная любовь?

- Не была, а есть. Обитает по сей день под боком, Алексом звать. Это папенька мой, - сперва смеётся, потом внезапно становится серьёзной. – Ну, ей, на самом деле есть, что рассказать. История у них длинная, необычная и... сильная. Да, именно сильная: о большом и нерушимом чувстве, пронесённом через жизнь, беды и невзгоды, глупости, потери, несчастья и огромное, просто огромное счастье, в котором родилась я. Я – их кульминация! – сообщает с гордостью и звонким смехом.

- Очень достойная кульминация, нужно сказать! - тоже смеюсь. – А почему трудности, если любовь с первого взгляда?

- Ну, маман у меня специфическая личность: в юности она не согласилась стать женой отцу, потому что он не удовлетворял её требованиям безопасности, - подмигивает.

- Это как?

- А так, - Лурдес толкает свой смартфон, он скользит по гладкой поверхности стола и врежется в мою руку.

На экране я вижу фото мужчины, и у меня, надо сказать, несдержанная реакция:

- Кто эта модель?

- Это не модель, это мой отец. Здесь ему тридцать пять, и по моему скромному мнению, именно в этом возрасте он был на пике, так сказать, своей привлекательности, пока не поседел.

- Он сейчас седой?

- Не полностью, но частично да. Возраст, во-первых, а, во-вторых, поседеть ему пришлось вскоре после того, как была сделана эта фотография – маму несколько раз ударили в живот ножом, а она как раз была беременна. Ребёнок погиб и мама почти - отец её вытащил и выходил.

На фото изображён человек не просто безупречной внешности, в нём выдающаяся сексуальность. Причём в таком объёме, что глаза, скользящие по его идеальным чертам,

волосам, плечам, отрываются с трудом. И сложно сказать, что именно имеет такое воздействие: его необыкновенно красивое лицо или взгляд. Лурдес - почти точно скопировала своего отца (в женской вариации) и даже шарм, но не глубину во взгляде. Странно смотреть и поражаться настолько необыкновенной мужской красоте и слушать историю его жизни, узнавать о пережитых бедах и трагедиях.

Лурдес показывает другое фото, где мужчина выглядит уже намного старше, он носит очки и от висков и дальше к затылку у него частично седые волосы. Он улыбается широченной улыбкой и указывает пальцем на нечто, чего не видно в кадре.

- Эту фотку я сняла примерно два года назад, до того, как родители уехали в Израиль. Рожать.

- Рожать? Сколько им лет?

- Матери было сорок девять. Отцу пятьдесят. Сейчас – на два года старше.

Мои глаза округляются, а Лурдес закатывает свои:

- Дааа! Я отношусь к этому точно так же. Мать, блин, на сносях на старости лет! Я сама чуть не ошалела, когда узнала!

Я рассматриваю фотографию внимательнее и вдруг узнаю на ней знакомое лицо – не раз его встречала в журналах и на телевидении.

- Твой отец известная личность?

- Что-то вроде. Эй, красавчик! Можешь уделить мне минуточку? – машет официанту, профессионально «щуря глазки».

Лурдес заказывает себе ещё чашку кофе.

- Ещё по кофе?

- Нет, мне хватит.

- Давай с коньячком!

- А здесь и такое есть?

- Здесь, как и везде, только кофе, а коньячок у меня с собой!

Вынимает из своей студенческой брезентовой сумки крохотную бутылочку:

- Одна ложечка, а вкус с обычного в момент меняется на волшебный!

Я отвечаю улыбкой на изображающее неземное наслаждение лицо моей новой подруги и соглашаюсь на кофе с коньяком. Правда вливала его Лурдес совсем не по ложечке, а от души.

- Ну, так вот, никто кроме меня не догадывался об их «сюрпризе»!

- А ты как узнала?

- Не поверишь, случайно. Говорила с матерью по скайпу и вдруг поняла, что уже несколько месяцев не видела её в полный рост. Звонит и только лицо в экран вставляет. Если кто и ходит, то только папа. Но он, типа, смертельно болен.

- Почему «типа»?

- Да потому что больным он не выглядел, а вот мать располнела. Я сразу просекла: она в положении!

- И как, не ошиблась?

- Нет. Отец хоть и носил всю жизнь мамочку на руках, но не нудел ей в ухо, что пора уже фруктового салатика поесть. Он как это произнёс, я сразу их заподозрила! Мать зашипела на него, а поздно – я догадливая. Он просто не знал, что я в эфире, вот и прокололся. В общем, пришлось собирать делегацию и ехать выводить их на чистую воду.

- Слушай, у тебя прямо не семья, а мексиканский сериал!

- Нееет, - тянет. - Ни разу не сериал, скорее драматическая lovestory со счастливым концом. У родителей только, правда. А у нас... - вздыхает, - всё плохо. Ну вот скажи, какой смысл Соньке жить с Антоном, если она его не любит? А я ну вот прямо сохну! Как в мексиканском сериале, блин!

Лурдес подливает себе коньяка в кофе.

- А Антон кого любит?

- Ну, слушай... - кривится, недовольная вопросом, - он думает, что Софи - его звезда, но это полный бред.

- Почему?

- Ну, видишь ли, Бог парует людей по некоторым ключевым моментам. И вот Сонька с Антоном, они не пара, понимаешь? Софи - одухотворённо-возвышенная мадам, ей нужна драма, если любить, то какую-нибудь придурковато-калеченную личность, типа Эштона! А Антон, он такой прямой и понятный, конкретный и брутальный... в общем, Сонька никогда его не полюбит. Да и он рано или поздно упрётся в её идейность, и она точно начнёт его раздражать. И что важно: когда мне было шестнадцать, Антон меня поцеловал! Они тогда с Соней не встречались ещё, но она ему нравилась.

- И что потом? После поцелуя?

- Позвонил на другой день и извинился, сказал, что был в невменяемом состоянии. Это правда - он был пьян: у Лёхи на вечеринках они вечно в хлам напивались, но сейчас брат уже без пяти минут женатый человек и трезвенник. Так вот, главная моя мысль - Антон в ту ночь, однозначно меня хотел. Причём ооочень хотел, понимаешь, о чём я?

- Да, - признаюсь.

- Ну и вот: счастье было почти в кармане, но... - изображает страдание, - малолетство меня подкачало! Антоша не решился, оправдав своё бегство отговоркой «вовремя опомнился».

- А Лёха это кто?

- Это мой самый старший брат.

- Господи, сколько их у тебя?

- Тааак... ну смотри: моя мама изменила своему первому мужу с моим папой. Но до этого у неё уже был Лёха. Пока они были вместе, мой папа изменил моей маме со случайной девицей (ну, он говорит, что не изменял, мама от него отказалась, и он с горя начал искать, с кем бы ему семью замутить), и родился Эштон - мой второй брат. А у мамы с её первым мужем родилась Сонька. То есть Лёха и Сонька полностью родные, а со мной у них только мама общая. А с Эштоном - только папа. Поняла?

- С трудом.

- Ну вот. Потом папа начал умирать, и мама поехала его лечить, они снова спелись и она, наконец, решилась выйти за него замуж, и почти сразу родилась распрекрасная я! - рисует нимб над своей головой.

Я смеюсь с этого представления, а она продолжает:

- Потом не понятно, что вышло, вроде папа и не изменял маме, а она сама во всём была виновата, короче, тут я сама путаюсь в их Санта-Барбаре, но у папы родилась ещё одна дочь от другой тётки - Аннабель. Поэтому, - вздыхает, - нас много. И ещё один брат - Амаэль, родился полтора года назад. С Лёхой у них разница... в тридцать лет!

Я не знаю, как реагировать на всю эту информацию:

- Слушай, Санта-Барбара отдыхает в сравнении с твоей семьёй!

- По глазам вижу, что ты запуталась, - констатирует. - Но это нормально. Мама пишет роман обо всей этой эпопее, хочет рассказать миру о своей настоящей любви и о папиной моногамной. Так что, если захочешь, когда-нибудь прочитаешь.

- Ты заинтриговала,- соглашаюсь. - Если она решится опубликовать – обязательно прочитаю!

- Я тебе пришлю копию с автографом автора, - одаривает меня широченной улыбкой. - Ну, так ты расскажешь свою lovestory?

- Я?

- Ты, - подмигивает. – Влюбилась в родного брата? Раз и навсегда? Никого кроме него не видишь? Не можешь устроить личную жизнь?

Я согласно киваю. Ну, а что? Смысл скрывать, если она и так всё знает?

- Добро пожаловать в клуб запретно влюблённых! - достаёт ещё одну крохотную бутылочку коньяка и разливает прямо в чашки из-под кофе. – Чин-чин?

- Спасибо за душевный приём, - поднимаю свою чашку. – Членские взносы платить не надо?

- Только откровенничать! – хитро улыбается.- Ну, рассказывай!

Глава 14. Вспышки разума и сияние надежды

Через год

Мне двадцать восемь, а я по-прежнему игнорирую мужчин, избегая не просто отношений, но даже их взглядов: Вейран оставил «в наследство» неискоренимое чувство брезгливости. Стоит только представить любую заинтересованную мужскую особь раздетой, как меня тут же затапливает отвращением. Толкает ко дну.

Лурдес считает это ненормальным. Кажется, она даже использовала слово «отклонение», когда настойчиво советовала не культивировать в себе этот заскок. Но суть в том, что в отличие от Лурдес у меня нет желания ни знакомиться, ни заниматься сексом, ни даже просто общаться с парнями.

Я сорвалась. Устала. Наверное, та часть моей души, которая отвечала за мораль и пристойность, утомилась повторять свои доводы, а та, что все эти годы рвалась к Дамиену, только и ждала повода, чтобы поставить финальную точку в моей внутренней войне.

Этим поводом стал фильм. Кино, снятое Дамиеном годы назад, нашумевшее, но никогда мною не виденное. Я избегала, потому что шедевр, взорвавший общественность задолго до женитьбы мастера, был назван особенным для меня словом «Опиум». Конечно, этот фильм рассказывал драматическую историю любви, но со счастливым концом. Лурдес обливалась слезами, сидя рядом со мной - бедро в пижаме к бедру в пижаме, а я...

А я проклинала собственную упёртость и недоразвитую интуицию.

В ленте, в хронометраже, увиденном миллионами, было спрятано послание лишь для одного человека – для меня. Ну, по сюжету фильма адресовано оно было влюблённым героем героине, страдающей социопатией и неуверенностью в себе. Но из тысяч сценариев Дамиен выбрал именно тот, в котором отчаявшийся мужчина пытался достучаться до своей женщины фразой, написанной неоновыми буквами на стене его ресторана:

Come back to me.

Come to me.

Come...

Вернись ко мне.

Вернись ко мне.

Вернись...

Прочитав эти слова, я пропала. Комната закружилась вокруг моего старенького дивана, перед глазами замелькали бесцельно прожитые дни, бездарно потраченные силы.

Лурдес, громко высморкавшись в ванной, сообщила, что на сегодня с неё хватит драмы, и отправилась спать, оставив мне, как обычно, место у окна. А я, тем временем, полезла в сеть.

Свой фильм Дамиен снял по сценарию, созданному по мотивам романа писательницы южноафриканского происхождения, а ныне жительницы Сиэтла. Согласно «фактам о фильме», сценарий появился раньше выхода книги, изменив обычный закон популярности – вначале книга, за ней фильм. Тут всё вышло наоборот.

В ту же ночь я купила на сайте Amazon книгу и нашла интересующее меня место – надпись. Слова в книге оказались идентичными тем, которые горели гипнотизирующим

неоновым светом на тёмной кирпичной стене ресторана в фильме.

Я уловила сходство почти сразу: отчаявшийся и отвергнутый герой, героиня с предвзятым отношением к жизни, с детства лишённая родительской любви, и рестораны.

Сколько их у него? В Ванкувере, кажется, пять, мама говорила. Я никогда не бывала ни в одном из них.

Следующий мой шаг – поиск адресов и дат открытия каждого заведения под общим брендом «For you only».

Утром растрёпанная и сонная Лурдес пьёт приготовленный мной кофе и в очередной раз демонстрирует свои незаурядные психоаналитические способности и феноменальную проницательность:

- Эти строки на стене, они ведь для тебя, - сообщает осипшим после сна голосом.

- Не знаю.

Я не могу этого знать. Наверняка знает только он.

- Ты нарочно вчера так рано спать ушла? – спрашиваю.

- Угу, - жуёт пончики в белой глазури.

- Зачем?

- Чтобы, - проглатывает, - у тебя была возможность хорошо подумать.

- Я не спала.

Тут она смотрит с удивлением:

- Ну ты, мать, даёшь! Много надумала?

- Нашла адреса его ресторанов.

- Ясно! – её глаза горят как рождественские огни на ёлке. – Значит, сегодня ресторанный рейд, детка!

- Я думала сама... - неуверенно ставлю её в известность.

- Ни в коем случае! Такие проекты в одиночку не выполняются!

- Я бы хотела в этот момент побыть с собой наедине, - не сдаюсь.

- У тебя будет такая возможность! Я умею исчезать, когда нужно. А когда нужно, я всегда знаю!

Это правда. Что и доказал вчерашний вечер и не только он.

Через час мы готовы. Решили начать с ближайших, а они, по стечению обстоятельств, более новые.

Во всех трёх не оказалось никаких надписей на стенах.

Но вот в четвёртом мы нашли то, что искали:

Help me up.

Help me.

Help...

Just call me!

Помоги мне подняться.

Помоги мне.

Помоги...

Просто позвони!

Самая первая мысль - это его крик, его зов, просьба услышать, обращённая ко мне. Сколько раз я проходила мимо этих его ресторанов, горящих неоном «Только для тебя»? Сотни или тысячи раз отказывала себе в желании зайти и прикоснуться к частичке самого далёкого и самого близкого человека на Земле.

Снова незаметно смахиваю свою слабость.

Сижу с лучшей подругой за удобным столиком у окна и перечитываю раз за разом каждое его слово, обращённое ко мне.

Лурдес молча пьёт мартини, закусывая оливками. Она не задаёт вопросов, потому что она – психотерапевт. Пусть будущий, но, тем не менее, человек кое-что понимающий в жизни, людях, а главное, в их эмоциях и чувствах.

Когда я, в конце концов, всё же прихожу в себя, она спрашивает:

- Это для тебя написано?

- Да, - отвечаю.

Мы снова молчим. Долго молчим, и Лурдес вдруг признаётся:

- Всё-таки невероятный он, этот твой Дамиен!

- Не мой он... не мой... - шепчу и сама себе не верю.

- Ты впервые читаешь это?

- Да. Почему спрашиваешь?

- Потому что в Сиэтле штук двадцать таких ресторанов, в каждом пригороде, почти на каждом углу. Странно, что ты не заметила эту надпись раньше.

Я вздыхаю, и Лурдес осеняет догадка:

- Боже мой... - выкатывает свои огромные карие глазищи, - неужели ты ни разу ни в один из них не зашла?

Отрицательно мотаю головой.

- Чёрт меня дери... Ну ты кремень, мать!

Мы снова долго молчим, и я, не без усилий, всё же решаюсь спросить:

- Думаешь, стоило?

- Конечно, - отвечает, не задумываясь.

- Что, прямо в каждом его ресторане есть эта надпись?

Лурдес делает бровями многозначительное движение, раздвигая их ещё больше «в разлёт», нежели они есть от природы:

- В каждом. По крайней мере, они были там раньше, как и в этих, Ванкуверских. Но в трёх из пяти их больше нет. Наверное, после рестайлинга их не вернули.

Или же они потеряли актуальность для владельца.

Мы едем по следующему адресу и едва успеваем войти в заведение, как я вижу на кирпичной стене строки, горящие ярким белым светом:

Don't believe in words.

Don't believe in sounds.

Don't believe in pictures and images

Don't believe people.

Trust you heart! Trust it!

Listen to me!

Find me!

Tear me out...

Save me...

Не верь словам.

Не верь звукам.

Не верь образам

и картинам

Не верь людям.

Верь сердцу! Верь ему!

Услышь меня!

Найди меня!

Вырви меня...

Сохрани...

Мы с Лурдес занимаем столик у окна и заказываем еду. Не могу поверить своим глазам, но она плачет. Беззвучно, почти бесслёзно, но плачет – этого не спрятать, как ни старайся. Возможно, не будь её, я бы тоже рыдала. Но у меня слишком большой опыт в сокрытии своих чувств, слишком много практики.

- Твой Дамиен – нечто! – выплёскивает сквозь слёзы, всхлипывает и, не смущаясь, прочищает нос в кафешную салфетку. – Даже мой папенька-романтик до такого бы не додумался!

- Ну, - сухо возражаю, - Дамиен тоже не сам это придумал – украл идею из собственного фильма.

- Ключевое слово – собственного!

- Но сценарий-то не он писал. Этот жест придуман женщиной.

- Чёрт с ним, с жестом, слова-то – его! И адресованы они только тебе! Боже! - всхлипывает, - это так романтично и болезненно одновременно!

Промокнув салфеткой свои покрасневшие глаза, добавляет:

- Жаль только, что в жизни у запретной любви не бывает таких хэппи-эндгов, как в книгах.

- Ну почему же, ты – пример счастливой развязки.

- Я – исключение! – восклицает. - «Старший» вмешался, а без него, сами мы бы не разрушили!

Лурдес говорит о своём отце. Каким-то чудом ему удалось встряхнуть семейную доску и перебросить фигуры на «правильные» клетки: Софи вышла замуж за Эштона, у них сейчас медовый год, а Лурдес почти месяц встречается с Антоном. И у них уже состоялся важнейший разговор о том, чтобы жить вместе. Она бы совсем растворилась в своей неожиданной счастливой любви, если бы не командировки её возлюбленного – в такие моменты она едет ко мне «болтать по душам, посмотреть кино и пить коньячок».

За этот год мы успели почти сродниться. Как это вышло и почему, я и сама не понимаю. В свой День Рождения Лурдес устроила мега вечеринку, куда буквально заставила прийти и меня, и хотя я не «зажигала» так же отчаянно, как именинница, зато имела шанс познакомиться и узнать её братьев и сестёр. Это стало важным событием в моей жизни: каждый из них – необыкновенная, многогранная личность. Вообще, их семья – новогодняя ёлка, украшенная старинными игрушками ручной работы, где все без исключения – произведения искусства со своей собственной особенной душой. Ты обречён «влюбиться» в эту ёлку «однажды и навсегда».

Вздыхая, Лурдес достаёт сигарету, закуривает.

- Мисс, согласно закону в ресторанах и кафе курить нельзя! – нервно раздаётся прямо у нашего стола.

- У меня стресс, понимаешь? – Лурдес как гипнотизёр таращит на него свои глаза.

Молодой официант столбенеет от тёмного, почти чёрного взгляда моей подруги с горячими, иногда кипящими испанскими генами.

- Боюсь, другим посетителям это не понравится... - вяло тянет вполне себе развитый физически и умственно парень.

Бедолага понятия не имеет, что против Лурдес у него нет шансов, ни единого.

- Объясни им, что если я сейчас не закурю, то, скорее всего, покончу с собой в Вашем туалете. Жизнь придавила, понимаешь? Очередной девятый вал дерьма... Неужели у тебя ещё не было? - и смотрит ему прямо в глаза, совершая лишь один плавный взмах ресниц, и всё, мне и смотреть не нужно, чтобы знать: парниша в плену, окончательном и бесповоротном.

- Окей, ещё пару затяжек и закругляйтесь. Иначе сработает пожарная сигнализация.

- Пару затяжек и точка! – заверяет Лурдес, сексуально выдыхая облако дыма.

Официант удаляется, но та часть его, которая не официант, а просто мужчина, уже прочно прикована всем своим астральным телом к нашему столику.

- Забавный паренёк... - Лурдес выпускает очередную порцию дыма, косясь в сторону барной стойки.

- Угу, - соглашаюсь, - и симпатичный.

Глаза подруги мгновенно загораются идеей:

- Почему бы тебе не рассмотреть возможность... ну, просто как возможность?

- Потому что он уже как муха залип в твоей ядовитой сети, и потому что у меня уже есть планы!

- Неужели?!

- Да.

- И что же ты сделаешь?

- А что бы сделала на моём месте ты?

- Я?!

- Да, ты.

Лурдес театрально откидывается на спинку своего кресла, отбрасывает гриву мелко вьющихся волос за спину и малиновыми губами распинает мою глупость на кресте своей простой мудрости:

- Для начала, я никогда, слышишь? НИКОГДА не отпустила бы его из своей жизни. НИКОГДА не отдала бы его ЕЙ. Ни одна шлюха до самой его старости не прикоснулась бы к нему, ни одна тварь не протянула бы в его сторону руку!

- Он мой брат, Лурдес! У нас одна кровь! Наши дети родились бы больными и неполноценными!

- Когда жизнь дарит ТАКОЙ подарок, любовь и желание ТАКОГО мужчины... - впервые вижу, чтобы всегда и всё контролирующая подруга задыхалась, пытаясь справиться со шквалом нахлынувших эмоций, – мне было бы плевать, кто он, по большому счёту. Да хоть с планеты X в созвездии Альфа Центавра!

- Знаешь, с инопланетянином, пожалуй, было бы проще. Общество готово принять гуманоида, но вот родного брата – нет. Мы обречены быть извращенцами в глазах людей.

- А вот скажи мне сейчас одну вещь, - Лурдес внезапно резко подаётся вперёд, растянувшись животом на нашем столе, так что её лицо оказывается прямо перед моим.

- Какую?

- Вот тебе сейчас, после всего, что с тобой было, после того, как ты узнала, что значит быть овощем, после всех мыслей покончить с собой, не всё ли равно, что скажут и что подумают люди?

Делает паузу, чтобы дать мне возможность осмыслить уже сказанное, затем вбивает гвозди в мою плоть:

- От людей можно скрыться - всегда найдётся место, где никого из вас не знают. Детей можно усыновить, можно зачать, используя ваши клетки и клетки доноров. Один ребёнок твой, один его, а выносит суррогатная мать или даже ты, но проблема изначально яйца выеденного не стоила, ты хоть понимаешь это? Проблема с самого начала была только в твоей голове, и слава Богам, сегодня, прочитав слова, мимо которых ты годами ходила, не решаясь взглянуть правде в глаза, тебя, наконец, осенило!

Лурдес снова откидывается на спинку своего кресла и снова закуривает. Красавчик за барной стойкой угрожающе вытягивается, но Лу показывает ему жестом, что мол, «две затяжки, не более. Очень нужно!» Парень кивает, слегка улыбнувшись, а подруга снова фокусируется на мне, выдав очередную мудрость:

- Не теряй времени ни на меня, ни на этот город. Ты всё верно решила: езжай к нему прямо сегодня, прямо сейчас.

- Он женат. У него семья.

- Детей нет, а это уже полдела. Кроме того, посмотри внимательнее на их снимки.

Лурдес толкает ко мне свой планшет со знакомым фото:

- Видишь? Что и требовалось доказать: твой Дамиен если и спит с ней, то только каждый первый понедельник следующего за отчётным месяца. Перед нами недолюбленная женщина – практически учебный экспонат!

- Как всё просто у тебя... - думаю вслух.

- Да в жизни вообще всё не так и сложно, на самом деле! Думать надо, думать!

- И это не всегда помогает.

Затянувшись в третий, последний раз, Лурдес нервно тушит почти целую сигарету в собственном бокале недопитого мартини:

- Езжай к нему. Главное теперь, чтобы не оказалось слишком поздно!

И я еду, лечу к нему, сияя надеждой, светясь миллионами планов, мыслей, идей. Я думаю о том, как обниму его, как он обнимет меня. Как попрошу прощения за свою слепоту и скудоумие. За готовность идти на поводу у норм морали, за слепую веру обществу и за собственную слабость. За то, что не слушала своё сердце, его сердце. За то, что была глуха, когда он просил любить его. Просил словами, своим голосом и этими размашистыми белыми буквами на кирпичной стене, местами уже пожелтевшими от времени и тысяч прочитавших их людей.

Я думаю о том, что скажу ему. И, наверное, самые правильные, единственно верные мои слова будут о любви. О моей любви к нему, моему Дамиену. Моему брату. Моему мужчине.

Глава 15. Шаг номер раз

Дамиен

Когда секретарь звонит и произносит неожиданное: «Ева Блэйд ждёт вас в приёмной», я не сразу могу осознать смысл произнесённых слов. Начинаю сомневаться в том, что услышал или понял их правильно.

Ева входит неуверенно, маленькими шагами, споткнувшись о цветастый персидский ковёр неформальной приёмной. Комнаты, обставленной моей женой: стол из стекла и металла и кресло, обитое кожей несчастного животного, выбирала Мелания. И даже белый замшевый диван, куда я предлагаю сесть собственной родной сестре, также нашла в одном из многочисленных дизайнерских каталогов моя жена.

Только фото на чёрных стенах, закованные в ледяные полупрозрачные рамки, сделаны Евой. Она узнаёт свои работы, и улыбка, рождающаяся на её губах, согревает мне сердце.

Я не видел сестру вот уже вечность. Последний раз мы встречались в День её Рождения, почти год назад. В тот вечер она познакомила меня со своей подругой – девушкой, обладающей эксклюзивным шармом и чувством юмора – Лурдес Соболевой. Я хорошо знаю её отца, и не удивлён встретить столь достойное продолжение его генов в дочери. С того дня мне стало спокойнее: хорошие люди всегда меняют нашу жизнь к лучшему, а Еве нужен друг как никому другому.

Она смотрит на свои вывернутые кверху ладонями руки, а я на неё. Помню, однажды она рассказывала мне о невербальных жестах, и эти ладони, открытые моему взору, должны говорить о её доверии и желании говорить.

- Как ты? – спрашиваю, улыбаясь.

Да, я улыбаюсь, как последний идиот. Как иуда, воочию увидевший ангела. Спустя годы, пережив столько всего, ломая себя всеми доступными средствами, выжигая то, что так упорно не желало умирать, я всё так же млею, глядя на неё. Всё так же вспоминаю, где именно у меня расположено сердце, и поражаюсь тому, как усердно оно пытается раздробить мои рёбра, чтобы... чтобы что? Чтобы убить меня и прекратить эту ломку? Чтобы влезть в её грудную клетку и обнять уже, наконец, то другое сердце?

- Дамиен...

Боже ... Господи, зачем ты дал ей этот голос? Зачем сделал меня таким зависимым от него? Зачем?

Несколько звуков, всего лишь моё имя, и я готов упасть на колени. Готов целовать её руки и не только их.

Стараюсь видеть в ней просто женщину, просто сотрудника, пришедшего по какому-нибудь очень важному делу. По вопросу нежелания моего главного актёра сниматься, например, в наполовину отснятой картине. Я должен сосредоточиться, сфокусироваться на проблеме...

Её каштановые волосы распущены, и мои мысли рвутся к памяти, всё ещё хранящей их запах. Руки помнят их мягкость и ощущение шёлка, рассыпанного на пальцах. Я пропускал эти пряди сквозь них сотни раз, когда мы занимались любовью. Тысячи раз, когда мы целовали друг друга.

Я не хочу смотреть, но всё равно вижу её губы. Те самые, которые до сих пор сводят меня с ума, вкус которых я столько раз пробовал своим языком, и вот уже годы напролёт стараюсь забыть. Изю всех сил пытаюсь не думать о том, что другие губы, которые целую каждый день, не те. Заставляю себя чувствовать то, что должен, обязан, потому что муж.

Ева видит мой взгляд, застрявший там, где ему не следует быть, и нервно сглатывает. Я отворачиваюсь, усилием воли переключаю внимание на монитор, стирая запретные образы из памяти, давя желание рвануть, перевернув этот чёртов гламурный стол вместе со всем содержимым, подлететь к ней и целовать, целовать, целовать. Прижаться к её губам своими, раздвинуть их и...

- Дамиен... - вновь пытается начать разговор.

- Да, Ева, я слушаю, - мой голос официален.

Я профессионал. Давно уже. Редко что может выбить меня из колеи, да почти ничто. Только Ева... но даже она теперь не самое важное в моей жизни.

- Дамиен, я... люблю тебя!

Если бы эти слова были сказаны при иных обстоятельствах, у меня бы, наверное, случился инфаркт. Но в данную секунду, в этом отрезке моей жизни я жду их меньше всего.

Отрываю невидящие глаза от монитора, стараюсь собрать разбежавшиеся мысли в одной точке, сфокусироваться и понять, что происходит:

- Что случилось, Ева?

- Ничего. Я просто... должна была сказать тебе об этом. Чтобы ты знал.

И спустя мгновение добавляет, вымучивая улыбку:

- Да, просто хотела сказать.

Встаю. Встаю, потому что зуд в теле не даёт сидеть. Набираю в грудь воздуха, медленно выдыхаю, надеясь, что за это время найду подходящие слова, но это... не так просто. Нет ни одной, ни единой, чёрт возьми, идеи!

А она смотрит на меня в упор. Ждёт.

- Ева... Ева, я женат. У меня семья, понимаешь?

- Да, конечно, Дамиен.

Господи, опять это её «Дамиен»! Если б только можно было запретить ей в принципе произносить моё имя, было бы легче. Намного легче.

- Я всё понимаю, слишком много времени прошло. Слишком, - соглашается, а на лице мука.

Её словно ломает. И я не знаю, какими должны быть мои слова и действия:

- Не в этом дело...

Меня разрывает изнутри, рвёт на грёбанные ошмётки. Чувствую, что совершаю ошибку, делаю не то, что мне действительно нужно сделать, но разум твердит своё настойчивое «Будь мужиком! Нельзя!».

- Хотя... не думаю, что враньё сейчас нам поможет, Ева. Да, ты права: дело именно в этом - всё изменилось.

- Настолько, что ничего вернуть уже нельзя?

Твою ж мать! Она смотрит на меня снизу вверх и плачет, как маленькая девочка. Ей Богу, плачет! Никогда в детстве, когда и в самом деле была девчонкой, я не видел её слёз! Ей было больно, тяжело, порой невыносимо тяжело, но слёз я никогда не видел. Теперь вот вижу: обильные, крупные капли щедро скатываются по её щекам и падают на светло-жёлтую футболку.

И я не выдерживаю, не могу справиться с желанием вытереть её щёки ладонями и прижаться своим лбом к её лбу. Я хочу поцеловать её, прильнуть всем телом к её, такому хрупкому и такому родному. Но есть нечто, что делает это невозможным. Несбыточным.

- Ева, - шепчу в её губы, всеми силами сдерживая желание прикоснуться к ним своими, - Ева, я тоже люблю тебя, и буду любить всегда, до самого последнего своего дня, последнего вздоха, последней мысли, на какую окажусь способен. Но теперь... сейчас уже, действительно, слишком поздно, Ева! Мелания, возможно, беременна... Мы планировали и планируем ребёнка, понимаешь?

У неё вырывается то ли выдох, то ли стон, и я знаю, как ей больно. Знаю. Очень хорошо знаю свою Еву, знаю, чего ей стоило прийти ко мне. Знаю, как она боролась с собой, своими страхами, гордыней, принципами. Понимаю, что переступила через самый большой разделявший нас барьер – собственную мораль. Она отказалась от всего, из чего была сделана её личность, чтобы найти меня и признаться в главном: что всё ещё и несмотря ни на что ЛЮБИТ.

Любит!

Моя Ева любит меня.

Но я ведь знал об этом, всегда знал. Каждую секунду своей жизни, каждую. И когда мне было хорошо и когда плохо, и когда совсем невыносимо, когда съедала тоска и безразличие к жизни, я знал, что она любит. Так же сильно, как и я.

- Я не могу уйти от своего ребёнка, Ева. Не могу.

Она слабо кивает. Понимает, всё понимает моя Ева. И так безумно сладко пахнет... так знакомо.

Чувствую под губами нежность кожи, жадно вдыхаю её аромат и молю Бога об одном: чтобы она только не произнесла моё имя, иначе не выдержу. Я - сильный, уравновешенный, уверенный в себе и почти хладнокровный Дамиен, не боюсь проблем, мне чужды соблазны. Я привык добиваться всего, чего хочу, и мало что способно меня сломить, но мне сложно совладать с собственными желаниями, золотыми стрелами, пронзающими меня всякий раз, как её голос произносит моё имя.

- Дамиен... - шепчет, вставая и стараясь сдержать рыдания, - извини!

Но мне уже не важно, что она скажет дальше. Не важно. Нет больше для меня никаких смыслов. Мои губы впиваются в её, влажные и воспалённые обидой, сразу же, и я не способен на нежность, технику и ласки. Я просто с силой вжимаюсь, широко раскрывая свой рот, чтобы сделать то, о чём мечтаю с самого начала этой встречи: достать языком до её языка.

Ева уходит, жестоко и беспощадно оттолкнув острыми ладонями. Мне кажется, от её ненавидящих пальцев на моей груди останутся синяки. Жена будет задавать вопросы, а я давно уже не тот Дамиен, которому на всё было наплевать. Теперь я муж, у которого обязательства и ответственность. Беспечный парень, нечаянно научившийся играть на слабостях сверстников, давно остался в прошлом. Теперь у меня система приоритетов, и на первом месте – моя семья: жена и мать моих будущих детей.

Глава 16. The Death

Ева. Еще через пять месяцев

Меня разбудил звонок:

- Ева...

Этот голос я узнаю из сотен, из тысяч.

- Дамиен?

- Да... это я, - и в этих коротких словах тяжесть.

Я ощущаю его боль на расстоянии. А его несчастья – всегда мои несчастья. В мыслях проносятся десятки возможных причин этого надрыва в его голосе, борьба вероятностей, но то, что он говорит, не могло мне привидеться даже в самом ужасном сне:

- Ева... Родители разбились.

- Разбились?

- Да. Насмерть. Оба. Сегодня ночью на хайвее. Отец не справился с управлением или... я не знаю. В них врезался грузовик. Мы с Мел сейчас в морге, на опознании. Я не хотел тебе звонить, пока сам не увижу.

- Боже, Дамиен!

- Да, Ева...

Боль душит. Тоска. Осознание необратимости этого фрагмента жизни.

Это были мои отец и мать. Что бы я ни думала о них, как бы ни ругала, как бы упорно ни хранила обиды – сегодня ночью перестала существовать моя семья, самые близкие люди. Только встретившись со смертью, по-настоящему понимаешь, как, на самом деле, дорог был человек. Память рисует лица, встречи, события, улыбки, глаза, слёзы. Обиды, претензии, злость – рассыпаются в пыль.

Дамиен кладёт трубку, а в моих ушах ещё долго отзывается эхом нежный голос Мелании: «Я с тобой, любимый, я с тобой. Я всегда с тобой».

Одиночество – часть меня, одиночество – моя одежда, особая форма существования моей души. И никогда ещё в жизни я не ощущала его так остро - каждым своим атомом.

Ванкувер решил проводить странную в своих жизненных выборах и решениях пару хорошей погодой – солнце разъедает воспалённые глаза.

Дамиен спрятал их под брендовыми тёмными очками. Дорогие стёкла скрывают обломки его души: губы сжаты и искривлены судорогой, выдавая то, что он так пытается скрыть - слёзы. Он несмотря ни на что любил их, простил, как того требует Библия или там Ветхий Завет. Хоть и нечаянно проклял, бросив своё душераздирающее «НЕНАВИЖУ».

А я не плачу. И это хорошо и плохо одновременно - меня снова и, впрочем, как всегда, будут осуждать: безразличие на двойных похоронах отца и матери, что может быть чудовищнее? Я даже знаю, как именно меня станут называть, обвиняя в безбожии и чёрствости, предвкушаю хруст своих косточек от усердного перебирания родственниками. Да что там, такой экземпляр, как я, способен вызвать негодование и осуждение даже у мужчин: именно его я читаю, совершенно не удивляясь, в их раздражённых осуждающих взглядах.

Я не оплакиваю родителей, уважаемых членов общества, которые, по случаю, дали мне

жизнь. Этих людей почти не было в моей жизни. Они поблёскивали иногда, как рыболовецкая блесна, напоминая о своём существовании и дразня потенциальной возможностью, но фактически у меня их никогда не было. Самое большее, что я видела - это любовь совершенно постороннего, как выяснилось, человека и доброту его матери. Этот нонсенс - самое забавное и болезненное в моей жизни: я никогда не была нужна близким, но оказалась интересна чужим.

Дамиен - исключение, но он предал, связав свою жизнь с единственным человеком, которого я никогда не смогу принять. И это взаимно. Мелания в жизни брата - это тонкий и мудрый приём по моему полному устранению.

Дома меня накрывает. Да, я осознанно назвала родительский особняк «домом», потому что любому человеку, очевидно, невзирая даже на всё случившееся, необходимо место, олицетворяющее безопасность и любовь - то есть дом. Теперь он опустел, и холод пробирает душу до самых её дальних углов.

Стою у окна во внутренний двор и... нет, не плачу, я рыдаю. Безудержно. Это немая, беззвучная истерика «осознания».

Они были странными: плохо любили, мало давали тепла. Но они были! А теперь их нет. Некому звонить и не от кого прятаться. Никто не отругает и не пожурит за бездарно растрачиваемую жизнь, не отсыплет советов, не попытается направить.

Да, они ошибались. Они, чёрт возьми, наворотили дел, но, всё же, дали нам жизнь: мне и Дамиену. И мы изредка, но могли видеться, встречаться все вместе на неловких семейных ужинах, считая оставшиеся минуты до окончания.

Под моими ногами старый серый ковёр с вкраплениями бирюзы, облитый однажды красным вином. Как бы мы с Дамиеном ни пытались отчистить последствия своих любовных игр, следы так и остались. Мать столько раз собиралась купить новый, но всё откладывала. Смотрю на пятно, наблюдая за тем, как собственные слёзы размывают его акварелью.

Дамиен стоит у противоположного, самого большого в доме, окна, открывающего вид на нашу улицу. Его руки спрятаны в карманах, он подавлен, но после секундной слабости на кладбище слёз его я больше не видела. Вернее даже, не самих слёз, а болезненно сжатых губ. Так он плачет: беззвучно, бесслёзно, невидимо – всё прячет внутри.

На нём красивый костюм. Чёрный, как и положено случаю, но настолько элегантный, что страшно думать о его цене. Стыдно признаться, но мой собственный достаток заставляет замечать такие вещи.

Жена выбирает своему мужу лучшие костюмы. Лучшему мужчине положено всё лучшее: и жена, и костюмы. И туфли. И часы. И автомобиль. И дом. И отпуск. И жизнь.

Отворачиваюсь.

Как всё изменилось...

А менялось ли? Ведь так, в сущности, было всегда. Я словно не принадлежу этому миру: всегда лишняя, вечно неуместная. Неумелая, неуклюжая, никому ненужная. Рождённая невпопад.

Я слышала его шаги: не медленные, не быстрые. Уверенные, неумолимые. Не дёрнулась, не попыталась убежать, даже не шелохнулась, потому что всё это время ждала. С момента, как мы открыли и вошли в ту самую дверь, за которой однажды он скрылся от меня, чтобы «думать», я терпеливо ждала его шага. Надеялась, что обнимет, прижмёт к груди и скажет, что всё будет хорошо. Всё в моей бестолковой жизни непременно наладится, отыщет свой

ритм и стиль, изменится к лучшему.

И вот он, наконец, обхватывает меня руками, заключает в кольцо, прижимается лбом к моему виску и молчит. Я только слышу его дыхание и ощущаю тепло на своей щеке.

Как давно это было? Когда в последний раз эти руки настолько искренне меня обнимали? Так же полно давали уверенность, обещали заботу и нерушимую безопасность?

Девять лет прошло. Одна целая маленькая жизнь. Нам обоим было по восемь, когда мы впервые осознанно увидели друг друга.

- Ты что-нибудь помнишь из детства?

И я забываю уточнить, из какого именно детства, но он почему-то меня понимает:

- Да. Мне снятся сны, и я в них всегда не один. Я чувствую тебя, ты рядом. Они больше похожи на воспоминания, эти сны. На то время, когда нас было двое. Близнецы ведь всегда вместе.

Глава 17. The Weakness of Humans

Я сама к нему полезла. Стала тем, кто проявил инициативу. Мне не нужен был секс сам по себе, не в этих обстоятельствах, но я жаждала той степени близости, которая бывает у людей, лежащих в одну постель. И мне отчаянно были необходимы его прикосновения, ласки, как единственное средство, способное обезболить мои раны. Дать возможность хотя бы на время забыться в том, что всегда несло только радость.

Мы всё так же стоим у окна, руки Дамиена обнимают меня тем душераздирающим видом объятий, которые называют братскими. Но даже в них есть нечто ... грешное. И оно растёт, быстро увеличивается, как шаровая молния, а мы оба замерли, застыли в ожидании, и наблюдаем, как далеко это зайдёт.

Пронзительный звук вскипевшей кофеварки ударяет по нашему отрешённому шару действительностью, и он со звоном лопается.

Дамиен не спешит забирать руки, но моё тело отталкивается, отскакивает, словно опомнившись. В этот момент я ненавижу весь мир, и самое большое в нём зло – кофеварки.

Не осознавая шагов, бегу. То ли сбегая, то ли нет, но внутри – разлом.

Трясущимися руками пытаюсь выдернуть шнур из розетки, сделать хоть что-нибудь, только бы эта кофемашина наконец умолкла, но чёртов штекер словно приклеился намертво к проклятой стене. Я дёргаю его изо всех сил, борясь со слезами, уже безжалостно затопившими мои глаза.

Внезапно жаркое дыхание опалает мой затылок, заставив каждый волосок на шее подняться:

- Ева... остановись! – просит глухо, хрипло.

Опомнившись, разворачиваюсь и, наверное, делаю это слишком резко - так, что Дамиен отступает на шаг назад.

Глаза в глаза. Диалог древний, как мир.

Да, я зову его взглядом. На низком, диком, первобытном уровне зову, и он слышит. Слышит и не может устоять: я чувствую это, ощущаю каждой своей клеткой взор, примагниченный к моему лицу, его мягкое скольжение ниже, к губам, и тут же рывком обратно - к глазам. А в них остатки слёз.

- Да к чёрту всё! – не сказал, проревел.

Это взрыв. Прорыв плотины. Цунами, безжалостно сносящий постройки пристойности, крепкое здание морали.

Его бёдра вдавливают меня в стену, и где-то там, за тонкой тканью дорогих брюк, я ощущаю лживость его молчания. Фальшь заключённого им брака.

Он даже не целует меня, нет. Он дышит, жадно хватая воздух, втягивая его вместе с моими волосами и кожей. Его губы словно разучились ласкать - они просто живут на моём теле, едва поспевая за пальцами, стаскивающими бельё.

Я хочу целовать его губы и тянусь к ним, он это чувствует и даёт мне их, позволяет впитаться, вжаться.

И в эти секунды мне плевать, что обо мне думают на небесах. Даже если именно в этот момент они вписывают своим тонким пером моё имя в список с заглавием «Ад».

Дамиену, похоже, тоже всё равно. Ему совершенно точно не до небесной канцелярии. Он невменяем, может быть, даже безумен. И я выгибаюсь, подставляя этому безумству шею, грудь, раздвигая бёдра так широко, как могу, чтобы он точно знал, что и у меня больше нет сил сопротивляться.

Что я выдохлась, что больше не могу.

В том, что мы делаем, нет элегантности. Я целую его лицо, не следуя традициям – жадно и куда придётся, так же точно, как и он моё. Ладони скользят по телу, сжимают бёдра, плечи, запястья до боли. Пальцы знают, что должны быть нежными, но годы, долгие мучительные годы одиночества, рвущей душу беспомощности в таком большом и разнообразном мире сделали нас одержимыми.

Мы одержимы. Оба.

Мои ладони на его груди, они то сжимают нежную ткань рубашки, то вновь разглаживают, ненавидя её и любя тепло кожи, очертания спрятанных мышц. Я выдираю её из его брюк, чтобы прижать уже наконец ладони к его животу, скользнуть ими выше, гладить грудь, ключицы, шею.

Мои пальцы впиваются в кожу ремня, не щадят его, грубо размыкая замок, оскорбляя звуком расстёгнутой молнии этот пристойный во всех смыслах мир.

Моя спина уже на ковре, а руки подняты кверху и вплетены в его руки. Он целует мою грудь, обхватывая губами, скользя языком. Его нос прижимается к моей коже, ищет запах и, находя, заставляет веки опуститься, лишь ненадолго прикрыв жадные зрачки. Он хочет видеть, чувствовать, осязать. Хочет любить.

И я хочу. Мне нужно ощутить его в себе, соединится, вжаться, слиться в одно. Необходимо стать одним целым, неотделимой его частью.

Дамиен на мгновение останавливается, смотрит в мои глаза, словно собирая всю решимость мира, чтобы сделать одно это движение. А я зову его взглядом: «Да! Да! Да! Сделай это! Я ведь так давно жду... Столько лет тебя жду!».

И он, зажмурившись, стиснув зубы, сжав ими нижнюю губу добела, совершает то, что для всех и для нас самих лежит за гранью.

Экстаз наполняет мои веки тяжестью, и я только слышу хриплый выдох, почти стон:

- Ева-а-аа...

Мы одно целое. И нам хорошо. Наконец, хорошо. Вся тяжесть лет стекает с наших соединившихся тел. Нет, это не секс. И не занятие любовью. Это жизнь, маленькая драма двух неприкаянных душ в одном физическом соитии.

Во мне рай. Перед глазами акварель, а на ней – приоткрытые воспалённые губы с каплей алой крови. И я поцелуем забираю её себе.

Мы оба задыхаемся, потому что нам некогда дышать, нет в этом краткосрочном маленьком мире времени для дыхания – наша хронология и история точечны, как касание кончика иглы к белому, пустому листу бумаги. Потому что ничего и никогда у нас не будет. Не может быть! Не существует во Вселенной сценария, где наши души могли бы быть вместе.

И именно эта неизбежная пустота, отсутствие возможностей для того, чему так хочется БЫТЬ, наделяет контакт, который давно перестал быть просто соитием, недоступной обычным влюблённым силой – наша жажда друг в друге достигла пика, апогея, побила рекорды человеческого влечения, взорвала все постулаты и догмы, выпустив наружу голое, уязвимое, уродливое в рождении, но такое прекрасное в своей первобытной природе явление

– наше Чувство.

Каждое «нельзя», всякое «невозможно» и все до единого «запрещено», «безнравственно» и «аморально», слились в один бесконечно мощный поток с противоположной полярностью: чем сильнее и строже запрет, тем слаще возможность его нарушить.

Ни один из нас ни о чём не думал и даже не пытался: нас просто сорвало, вырвало из правильности, разумности, благопристойности, и с силой бросило в объятия друг друга.

И каждый, ловя момент, спешил взять у другого как можно больше той уникальной энергии, без которой обе наши жизни превратились в пустые жалкие оболочки, сдувшиеся воздушные шары, беспомощно болтающиеся на кривых осенних ветвях чужого мира.

Есть мир со своими порядками, а есть наши обезумевшие тела, жадно поглощающие ласки друг друга. Есть правильность, а есть неповторимый в своей силе, сметающий все до единой мысли оргазм. Первый за последние девять лет.

Мне страшно открывать глаза. За опущенными веками прячусь от реальности: она уничтожит меня, я знаю. Почему он так глубоко и так фатально молчит? Его лицо спрятано в изгибе моей шеи, дыхание всё ещё рваное, но я слышу и чувствую, как успокаивается ритм. Размеренный вдох, размеренный выдох. И это спокойствие убивает.

Дамиен поднимает голову, я всё так же не решаюсь открыть глаза, но чувствую кожей его взгляд, ощущаю тепло и влажность выдыхаемого им воздуха. В это мгновение всё, что есть во мне человеческого, живого, женского и слабого ждёт одного маленького обычного жеста – поцелуя. Только один поцелуй в губы даст ответ на мой мучительный вопрос. Один единственный.

Но его, конечно, не будет. Не может быть. Нам нельзя...

Но мы сорвались. Мы сорвались, а было нельзя, и мы оба об этом помним.

- Прости меня... Прости!

Город уже просыпается: дороги шумят, вдали протяжно гудит грузовой танкер.

Я ненавижу это зарево за окном. Оно отбирает у меня мой полноценный мир, место, где тепло и комфортно, единственное, где я способна дышать полной грудью и ощущать радость:

- Скоро утро... - жалеюсь.

До слёз хочется, чтобы он утешил, сказал нечто такое, что даст надежду, заклеит пластырем рану неизбежного. Но он просто констатирует:

- Уже утро.

Да, ночь осталась в пережитом прошлом, и сейчас утро - начало его нового дня, в котором для меня нет места. А главное, не может быть. С его груди исчезла «наша» татуировка. Теперь она осталась только у меня.

Я поднимаюсь и прячусь в ванной, чтобы он не видел моих слёз, если вдруг хлынет, и не испытывал дискомфорта, закрывая дверь отчего дома. Оставляя за ней меня.

Глава 18. Шаг номер два

Eva: «Как ты?»

Dam: «Обычно. Работа, рутина».

От тона его ответа мне холодно. Я хочу верить, что надумываю то, чего нет. Неудачный момент, плохой день... но не оно, не безразличие.

Eva: «Не знала, что снимать фильмы так скучно. Как тогда жить представителям остальных профессий? Бухгалтерам, например?»

Dam: «Вся наша жизнь - рутина. Глина, из которой мы лепим свои дни, недели, годы. И всё это ради редких вспышек радости»

Eva: «Звучит депрессивно».

Dam: «Просто голая правда».

Eva: «У тебя плохой день?»

Dam: «Обычный. Я уже говорил».

Чёрт.

Чёрт, чёрт, чёрт.

Как сказать тебе: ты мне нужен? Позвони! Хочу услышать твой голос. Или просто молчи и дыши в трубку. А лучше приезжай за мной, заведи и отвези куда-нибудь, мне совсем не важно, куда. Хотя давай обойдёмся без ресторанов и кафе, заведёмся в скрытый от глаз угол, можно у меня, а можно в гостинице, забудем об условностях, как ты и хотел тогда в «Старбаксе», и сделаем «это» ещё раз! А потом ты скажешь своей жене, что не можешь жить без меня, и мы вдвоём уедем в Италию? Или Испанию, или Францию, или туда, куда ты ещё не возил ЕЁ и не был сам? И если нас станут фотографировать папарацци, ты спрячешь меня ото всех за своей спиной, но однажды открыто и смело скажешь: это та женщина, которую я люблю.

Белый экран, зелёные сообщения. Ты молчишь, и я молчу. Ты на том берегу, я на этом, и между нами нет моста. Ни хрустального, ни деревянного, ни верёвочного. Я брошу щепку, вцеплюсь в неё и попробую доплыть до тебя сама:

Eva: «Дамиен, давай встретимся?»

Ответ приходит спустя два часа. После пережитого мною удущья, слёз и распечатанной бутылки коньяка:

Dam: «Прости, был занят, не увидел твоего сообщения. Можем встретиться, если ты хочешь. Давай в ресторане на Корнуолл Авеню? Это недалеко от меня. Место называется «Local Kitsilano». Завтра после пяти у меня будет около часа, сможешь?»

Одно простое сообщение. Выдержанное в едином стиле... не бизнес, не дружба, не родство. Что тогда? Знакомство. Так пишут знакомым. Малознакомым. Тем, с кем тебя ничто не связывает. Для кого у тебя нет душевного тепла, нитей, тянущихся от твоего сердца к тому, другому.

Забавно, как много может сказать всего лишь выбор и расстановка слов.

Не сдавайся, Ева. Не сдавайся. Однажды он просил, теперь твоя очередь – проси ты. Корона не свалится, да и не до неё уже давным-давно. Чёрт с ней, с короной.

Eva: «Я свободна в это время. Но давай в «Старбаксе» в аэропорту»

В первой версии моего сообщения было на одно слово больше: «нашем». Но что-то остановило меня, не позволило назвать «Старбакс» нашим.

Dan: «Ева...»

Три точки долго танцуют перед моим расплывающимся взором.

Интересно, как и чем нужно набирать простое слово «Окау», чтобы на это ушло целых четырнадцать минут?

Dan: «Хорошо, Ева. Я приеду в Старбакс».

Допиваю свой коньяк, потому что выдержка на грани фатальной трещины. У меня трясутся руки, и я не могу спать, но заставляю себя, потому что «завтра» будет самый сложный день в моей жизни – я буду просить у судьбы кусочек счастья.

К моменту моего появления Дамиен уже на месте, он ничего не заказывал и стоит у панорамного окна, засунув руки в карманы. Мне видно линии его широких плеч и спины, силуэт сильного тела, принадлежащего не мне. Я приближаюсь, но даже не пытаюсь обнять – его выдаёт дыхание: рваное, ускоренное, не способное справиться с эмоциями. Он начинает нашу беседу сразу с главного:

- Ева, то, что произошло, было ошибкой.

- Почему?

- Ты знаешь.

- Можешь смеяться, но нет. Я не знаю.

- Ева... мы планируем ребёнка.

- Я это уже слышала. Ты говорил в прошлый раз. Когда это было? Погода назад?

- Пять попыток ЭКО. У Мел были проблемы с зачатием.

- Были?

- Да. Почти сразу после похорон мы узнали, что пятая подсадка сработала – два эмбриона прижились. Последние недели ждали двойню, а вчера были у врача и выяснили, что один погиб. Но второй жив, и с ним всё в порядке.

- Такое бывает?

- Оказывается, да, – пожимает плечами. – Мел сейчас не в лучшей форме – у неё стресс. Вчера были истерики, сегодня ещё хуже – депрессивно-упаднический настрой. Она боится, что второй тоже погибнет, и рыдает почти без остановки. Поэтому у меня не слишком много времени, прости. Только час, как я и сказал вчера.

Моё самоуважение и чувство самосохранения, очевидно, почили в небытие:

- Живи себе со своей Мел, рожайте детей, я ведь всё равно от тебя не могу, но встречаться-то мы можем? Хотя бы иногда?

- Я... Я... может, неправильно понял, но... ты только что предложила себя в качестве кого?

- А чем я хуже? Всех этих твоих актрис... У тебя ведь наверняка есть ... развлечения помимо жены!

- Боже... - он закрывает глаза рукой и трёт виски.

- Я читала!

- Люди любят сплетни, Ева. А у меня сейчас есть заботы куда важнее!

- Но они ведь когда-нибудь закончатся! Все эти твои заботы, ЭКО, истерики, потуги примерного семьянина и прочее...

Он не даёт договорить:

- Ты в своём уме? – почти орёт.

- В своём.

- Ты хоть понимаешь, о чём говоришь? Ты списываешь себя, свою жизнь в неполноценность! Ты превратилась в тень, Ева! Ты живёшь в вечном ожидании того, чего никогда не будет!

- Лучше жить таким подобием жизни, нежели в той «полноценности», которая была у меня раньше! – спорю.

- Ева, я не брошу своего ребёнка.

- Я поняла. Уже давно. Только не понимаю, почему ты бросаешь меня?

- Я предпочту думать, что этого разговора никогда не было. Что он – плод моего извращённого воображения. Я женат, Ева, уважаю свою жену и жду от неё ребёнка. У меня нет, и не намечается любовниц. Точка.

С этими словами он резко поднимается и выходит, бросив напоследок:

- Прости, но мне нужно спешить.

А я ещё долго сижу в кресле, воображая себя окаменелостью с отпечатками древнейших раковин и стрекоз. И я бы, наверное, проторчала там известняковой глыбой вечность, если бы не косые взгляды официантов и бармена. В тот день я даже не поняла, какого цвета были залив и небо над ним. Наверное, красивого. А может быть, и нет.

Глава 19. Just Life

Два месяца я пребываю в токсичном дыму разбитых надежд: отрешённость и подавленность - мои друзья. Кроме них - сплошное и беспробудное одиночество. Лурдес, с которой мы успеваем всего лишь раз встретиться, чтобы провести один скоротечный час в кафе, по-матерински настойчиво советует антидепрессанты и отдых в экзотической стране. В октябре я получаю от неё же подарок - путешествие в Доминиканскую республику - семь райских дней в luxury отеле, «полном одиноких brutальных качков с разбитыми сердцами, срочно требующими реанимации». Затем мне по-заговорщически было добавлено: «Я там была, видела, знаю!».

Лурдес могла бы предложить поехать вместе, но не сделала этого - предпочла общество своего Антона и унылый Сиэтл. Я не в праве на неё сердиться, как и требовать внимания, но разочарование осело дрожжевым налётом на дне моей души.

Я не поехала в роскошный отель, где обитают красотки-мужчины: что мне там делать одной? Завидовать счастливым парам? Семьям? Влюблённым?

Фотошоп и несколько фотографий, любезно найденных Google, и моя лента в соцсети пестрит снимками «незабываемого отдыха». Это был мой отчёт о проделанной работе для Лурдес, но позже я обнаружу десятки лайков от бывших австралийских одноклассников и знакомых, а среди них болезненное для моих глаз имя - Damien Blade.

Пусть он думает, что у меня всё прекрасно. Я вовсе не убиваюсь из-за его отказа, моя жизнь не катится под уклон, меня не вышвырнули с работы по причине полной невменяемости и бесполезности, и я не страдаю глубокой затяжной депрессией, бессилием и головокружениями.

Моя подруга Лурдес считает, что каждая «нечаянно» забеременевшая женщина подсознательно желает стать матерью. Иначе как объяснить тысячи упущенных возможностей дойти, наконец, до гинеколога и сделать один единственный укол?

Мой случай особенный: я живу уже годы совсем без мужчин. Муж сошёл с моего поезда, а я так и не полюбила фастфуд, поэтому в контрацепции не было необходимости. Наше столкновение с Дамиеном было непредвиденным. Непредсказуемым. Неожиданным.

И ни один из нас не подумал о предохранении. Он, скорее всего, привык к защищённой жене (у неё, как выяснилось, природная спираль от рождения), а я... а я, если придерживаться точки зрения моей любимой подруги, неосознанно жаждала стать матерью.

Я жила в депрессии. В глубокой. А когда ты настолько с головой в болоте, не замечаешь очевидных вещей. Например того, что у тебя вот уже два месяца нет менструаций. Что ты потеряла аппетит и слишком часто плачешь. Что очень многое в тебе изменилось, перестало быть прежним.

Я поняла, что пропускаю критические дни в начале ноября. Вот просто вспомнила, что у женщин моего возраста время от времени случаются месячные. Бывают, конечно, и сбои, в том числе из-за стресса и крупных жизненных разочарований, но мой женский календарь пропустил уже две таких даты, а не одну.

Вначале я как обычно подумала, что мне волноваться не о чем, ведь в моей жизни нет мужчин и, соответственно, секса...

Мужчин нет, а секс был. Один раз. Давно. С тех пор уже много дней прошло. Много.

У меня даже нет теста на беременность - никогда не было повода обзавестись. Набрасываю куртку, беру кредитку, сажусь в машину и еду... куда? Где их обычно продают? В Доллараме. Я точно их там видела. Покупаю, возвращаюсь домой, выполняю действия, описанные в инструкции, и получаю положительный результат.

Нет, такое вряд ли возможно. Секс был слишком давно, я бы к этому времени уже всё почувствовала. Это просто в Доллараме продают всякий хлам, поеду в Лондон Драгс, там точно качественный товар. Хотя и дороже раз в десять. Покупаю два разных, один с изображением цветка, второй – женской фигуры. Интересно, что ни на одном из них не нарисован младенец. Не все ведь пользуются ими для того, чтобы узнать хорошие новости. Как я, например.

На правом две полосы, на левом флажок, обозначающий «Вы беременны».

Я сажусь на кафельный пол своей ванной и медленно, не спеша соображаю: кажется, я всё-таки беременна.

Мне страшно. До тошноты. До помутнения рассудка.

Я очень хорошо осознаю, чем всё это может закончиться, и поэтому иду на осмотр в женскую консультацию с трясушимися руками.

- Ваш срок – 10 недель. Всё хорошо, - подытоживает результаты анализов и осмотра врач. – Ребёнок развивается правильно и соответственно календарю.

- А вы можете увидеть отклонения?

- Да, некоторые можем, но не все. На двенадцатой неделе пройдёте УЗИ, сделаем замер воротниковой зоны, чтобы исключить синдром Дауна.

- А остальное?

- Этот тест позволяет выявить и другие хромосомные аномалии.

- Все?

- До 90%. Но Вы должны знать, что патологии развития плода можно обнаружить на любом сроке беременности или не обнаружить вообще. Случается и такое, что здоровые в утробе матери дети рождаются больными, но всё это – большая редкость. Уверена, у Вас всё в порядке, и переживать не о чем.

Я знаю, что в этот момент должна признаться в кровном родстве отца ребёнка, но не могу разжать рот. Факт, в котором, оказывается, не так просто сознаться. Пока доктор распечатывает результаты нашей встречи и первую фотографию Узи, на которой, к слову, мне совершенно ничего не разобрать кроме фасолины в пятидесяти оттенках серого, я уговариваю себя собраться с силами и раскрыть его глаза на истинное положение вещей. Упрашиваю, угрожаю, толкаю, пинаю, мысленно отрываю самой себе голову, но челюсти не разжимаются - их заклинило. Во рту пересохло, язык залип, в ушах звенит. Я чувствую влагу на верхней губе и лбу – пот выступил от моих усилий, но все они безрезультатны.

- Вам нехорошо? – доктор подозрительно оценивает меня взглядом.

Я отрицательно мотаю головой.

- Вот, выпейте воды, - протягивает крошечную пластиковую бутылку. – Токсикоз может появиться в разное время, это очень индивидуально и не опасно, но если рвота примет нарастающий характер, обязательно звоните мне. Следите за питанием, режимом дня, больше гуляйте, отдыхайте.

Моя челюсть разжалась, чтобы выпить воды, но язык безнадёжен.

- Если будет совсем плохо, мы можем дать Вам документы, необходимые для

больничного отпуска на работе. Я назначаю следующую встречу через две недели, как раз результаты всех проб и анализов будут готовы, узнаем, есть ли у вас инфекции, и нужно ли их лечить.

- Да, хорошо, - утвердительно киваю головой, с энтузиазмом принимая спасательный круг, временное решение проблемы - время на раздумья.

Nihon Goldmund

Я не имела представления, каким адом окажутся эти четырнадцать дней. Срок мучительных терзаний, попыток поднять тяжесть, вес которой с самого начала была непосильным.

Лезу в сеть, ищу в ней надежду.

«1) У нас есть гены. Гены определяют строение белков. Строение белков определяет работу всех наших клеток.

2) Физически ген - это участок последовательности ДНК. При копировании ДНК регулярно возникают ошибки, иногда они изменяют свойства кодируемых белков к лучшему или к худшему.

3) Абсолютное большинство генов (кроме тех, которые находятся у мужчин на половых хромосомах) продублированы. Одну копию ребенок получает от мамы, другую от папы. Это очень хорошо, так как если он и получил от кого-то из них плохо работающую копию, то клетка может компенсировать это за счет использования второй, хорошей копии.

4) В свою очередь, своему ребенку человек передает одну из тех двух копий, которая у него есть, случайным образом.

Генетическое родство между братьями и сестрами в среднем составляет 50%. Но так как в сперматозоиды и яйцеклетки случайным образом попадает любая из имеющихся у родителя копий гена, то в реальности пересечение может быть и больше 50%, и меньше 50%.

В том теоретически возможном, но математически маловероятном случае, если брат и сестра получили от родителей сильно отличающиеся комбинации генов, а потом соединили свои яйцеклетку и сперматозоид, в которые также попали сильно отличающиеся комбинации генов, их ребенок будет примерно таким же, как и при неродственном скрещивании.

Но на практике проблема вот в чём. Допустим, у отца есть две копии гена, кодирующего какой-нибудь важный белок, они называются К и к. Большая буква означает нормальную копию, производящую хороший белок. Маленькая буква - плохую копию с мутацией, производящую бракованный белок. Самому отцу это никак не мешает, потому что здоровой копии достаточно, чтобы клетка могла построить себе нужное количество хорошего белка. Он женится на женщине, у которой с этим конкретным белком всё в порядке (генотип КК, обе копии хорошие). В этом случае их ребёнок с вероятностью 50% может унаследовать от отца мутацию, но ему это тоже мешать не будет, потому что от мамы он получит хорошую копию гена. Если дальше этот ребёнок уйдет скрещиваться с кем-нибудь на стороне, то, скорее всего, он тоже встретит партнёра с генотипом КК, и их дети по-прежнему будут здоровы.

Но вот представим себе, что в семье есть брат и сестра - и оба с генотипом Кк. В каждый их сперматозоид и яйцеклетку случайным образом попадает либо одна копия гена, хорошая, либо другая копия гена, плохая. Соответственно, с вероятностью в 25% их ребёнок получит от них обоих ту самую, неудачную копию гена к - и у него будут в этой связи

проблемы со здоровьем.

Учитывая, что генов у нас много, и редких мутаций тоже много, в случае с какими-нибудь генами это наверняка произойдет. Поэтому в среднем у ребёнка, рождённого от брата и сестры, больше шансов на разнообразные проблемы со здоровьем».

В одной из статей нахожу информацию о немецкой паре – кровных брате и сестре, у которых родилось трое умственно отсталых детей, причём младший не способен даже сидеть. Отца приговорили к двум годам тюремного заключения, детей передали в специализированные приюты.

Мы с Дамиеном не просто брат и сестра, мы – близнецы.

Надежды нет.

Дилемма остаётся неизменной: больной ребёнок или убийство.

В одни дни я решаю, что никто не имеет права отнимать жизнь, какой бы она ни была, в другие понимаю, что аборт, скорее всего, самое адекватное решение, потому что правильного в моей ситуации в принципе быть не может. Иногда тянет позвонить Лурдес, но мне заранее известен её ответ - в их семье не просто против абортов, а категорически против.

Чаще всего хочется разделить эту проблему с Дамиеном. Но простой звонок по самому давнему и самому эмоционально окрашенному номеру в моём телефоне оказывается слишком сложным. Дамиен сейчас далёк от меня, мы даже не в разных частях света, как когда-то в детстве - мы на различных планетах.

Он счастливо женат, и, самое главное - ждёт рождения своего долгожданного, запланированного, здорового сына. Ему не нужна моя дилемма, чёрное пятно в яркой картине его мира. Это даже не картина, а фэшн фото в стиле и тренде текущих дней. Дамиен успешен, а успех не терпит неприглядности.

Но на седьмой день после встречи с врачом мои нервы сдают: пусть он поможет мне принять это решение! В конце концов, он ведь ОТЕЦ! Мы оба это сотворили!

Долго не решаюсь набрать его номер. Мне больно, стыдно, а помня о нашей последней встрече, о том, каким он был со мной, этот звонок – самое большое унижение в моей жизни. Но мне нужна его помощь, я нуждаюсь в ней, мы должны вместе принять это решение! Мне не хватает силы духа, здравости ума, слишком много ответственности, слишком большой груз – я не вытягиваю в одиночку.

Касаюсь мизинцем его контакта, и пока мой сотовый производит автоматический набор, пока тянутся долгие гудки дозвона, я медленно умираю.

Трубку поднимает она. Я знала, чувствовала, что так и будет – у меня не бывает иначе! «А ведь он обещал...» - поблёскивает воспоминание в пыльном углу моей памяти. Да, обещал, и не только отвечать на мои звонки, он много чего обещал. Главное – заботиться, оберегать и никогда не бросать.

- Здравствуй... - выжимаю, не узнавая собственный голос. - Я могу поговорить с братом?

Кажется, я прошу у неё позволения. Страшно и тяжело впервые так глубоко осознавать собственную убогость. Унижение.

В ответ слушаю тишину и чувствую, как проваливаюсь в бездну безнадежности. «Господи», - думаю. – Мне бы только услышать его голос, одно это уже придаст сил!».

Мелания вздыхает, прежде чем «правильно и доходчиво» сформулировать мне своё послание:

- Он перестал быть тебе братом в тот день, когда ты впервые легла в его постель.

Пауза. И смысла в ней больше, чем в словах.

- Сейчас он – мой муж. Он счастлив и ждёт рождения сына. Дамиен уже даже имя выбрал, он назовёт своего первенца Дариусом. Знаешь, что означает это имя? «Победитель»! «Завоеватель»!

- Мне нужно...

- Не важно, что тебе нужно! Важно только то, что нужно ему, моему мужу! А это – НОРМАЛЬНАЯ, полноценная семья с ЕГО здоровыми детьми. И РЕПУТАЦИЯ! Подумай, ЧТО он потеряет, если хоть один папарацци пронюхает о том, что вы сделали!

Мы сделали даже больше, чем ты можешь себе представить, Мел...

- Очень хорошо поразмысли об этом! – настаивает. - И не вздумай ему больше звонить: если это повторится, нам придётся уехать туда, где тебе его не достать. Оставь его в покое и проблемы свои решай сама – ты уже большая девочка. Всего наилучшего!

Меня не напугали её угрозы: какая мне разница до того, как далеко он будет жить, если мы и так СОВСЕМ не видимся? Но слова о его счастье попали на плодородную почву моей растрёпанной души: да, мы оба виноваты в том, что произошло: ни один из нас не позаботился о предохранении. Но моей вины больше: я женщина, и это – моё тело. МНЕ нужно было принимать меры, решать, что с этим делать, думать головой, а не плавать в эмоциональном коктейле.

И теперь я не имею права забирать у него счастье. Не могу.

Мне придётся принимать это решение самой.

Устраиваюсь волонтером в дом для инвалидов – хочу понять, на что будет похожа жизнь моего ребёнка. Забавно, но пока не столкнулась с вопросом лично, никогда не замечала, что живу всего в квартале от дома для людей с ограниченными возможностями. Их жизнь не так убога, как можно было бы себе представить - канадское государство достойно заботится о тех, кому повезло меньше остальных, но даже в таком виде само их существование - для меня шок.

Мой мир изменился и никогда уже не будет прежним.

Я знакомлюсь с Тодом, олигофреном от рождения. У него вытянутое лицо, вывернутые ступни и резкий характер.

Голова тридцатилетнего Эшли всегда повернута вправо, скованные судорогой пальцы рук и ноги, не способные ходить, не сделали его менее увлекательным собеседником. Эшли любит канал Discovery и очень злится, когда другие обитатели дома мешают ему смотреть передачи о Космосе.

Люк не говорит, самостоятельно не ест и носит детский слюнявчик, потому что у волонтеров не хватает времени вытирать его всегда сочащуюся слюну.

У Филис ДЦП с рождения. Она жизнерадостна, чрезмерно общительна и, в отличие от юной Светланы, может сама передвигаться при помощи ходунков. Филис пятьдесят, она даже умудрилась закончить колледж и получить сертификат специалиста в области управления. Но рынок труда не принял Филис, и спустя годы она оказалась там же, где и все остальные товарищи по несчастью - в доме для инвалидов.

Светлане, дочери иммигрантов из Польши, повезло ещё меньше - с тем же диагнозом она ведёт жизнь растения, не способная даже сидеть, как Тод, но умеющая узнавать изредка навещающих близких.

Шагун, яркая девушка, ещё ребёнком привезённая родителями в Канаду из Индии,

неудачно поскользнулась зимой и сломала позвоночник. Современная медицина оказалась не способной его починить, муж Шагун скоро женился на здоровой девушке, а родителям забота о ней была не по карману. Теперь красивая, но обездвиженная, рождённая здоровой и с обширными перспективами, она живёт с теми, кто никогда не знал, каково это, быть полноценным, и поэтому ей тяжелее всех. Она - единственная в доме, кто страдает депрессией, хотя и её внешний вид и возможности - лучшие из всех, кто тут живёт. Она могла бы снимать квартиру, воспользовавшись одной из государственных программ для тех, кто прикован к коляске, но выбрала путь самоуничтожения, заболев душой.

Мне удалось выдержать волонтерскую работу в течение всего десяти дней. Но уйти пришлось не из-за сложности и эмоциональной тяжести: у меня начался токсикоз беременных.

Я читала о нём и раньше в книгах и журнальных статьях, в подробностях слышала от матери, но понятия не имела, ЧТО ЭТО!

Меня тошнит первые семь дней без остановки, на восьмые сутки начинается рвота. Чаще всего утром, но бывает, что и в обед, и вечером.

Однажды я падаю в обморок в Суперсторе, однажды на почте и дважды на рабочем месте, где я умудрилась продержаться аж месяц. Менеджер, не выдержав, отправляет меня в «неоплачиваемый отпуск без сохранения рабочего места», то есть увольняет, выдвинув, таким образом, на повестку дня мой главный вопрос - на что жить?

К моменту встречи с врачом моё решение уже практически принято - аборт. Мир вокруг меня, моё собственное тело, а главное, обстоятельства зачатия против его рождения.

Пока я не слышу своими собственными ушами его сердце. Этот звук, исходящий из колонок аппарата УЗИ, убивает прошлую меня и рождает новую. Врач с улыбкой показывает на мониторе уже различимые части крохотного тельца, которые я, впрочем, всё равно не могу рассмотреть, но чёткий ритм биения его сердца становится моей истиной. Он навсегда сохранится в моей памяти.

Меня переполняют эмоции: слёзы и ступор. Становится ясно, что теперь уже поздно - я не смогу его убить.

- Похоже, что у вас девочка... - сообщает задумчиво то, о чём я даже не спрашивала.

- Девочка? Вы уверены? – даже приподнимаюсь, стараясь заглянуть в экран и убедиться лично.

Дамиен хотел сына. Всегда говорил только о сыне, а дочь ему не нужна. Тем более рождённая от меня, а значит, несущая тысячи рисков.

- Ну, - усмехается врач, - по крайней мере, сейчас я точно не вижу у ребёнка ничего из того, что бывает у мальчиков. Лежите спокойно, пожалуйста.

Я укладываюсь на место и смотрю на белый потолок, а на нём – зеленоглазая девочка. Её волосы вьются, как у Дамиена, но улыбка – моя. Она смотрит на меня с потолка, улыбается и заглядывает в самую душу.

- Но на этом сроке можно и ошибиться, - признаётся доктор. - Точнее узнаем на следующем осмотре - в двадцать недель.

С этого дня наступает облегчение, и даже токсикоз как будто мучает меньше: решение принято. В моей жизни началась новая эпоха, но теперь не мир изменился, а я в нём. Я, Ева, которая никогда не думала о том, чтобы стать матерью, носит в себе жизнь. И у этой жизни уже есть крохотные ручки, ножки, голова и, самое главное, сердце. И его биение - самое трепетное, что я слышала с момента своего собственного рождения.

По дороге домой нахожу время, силы и желание, чтобы заехать в парк. Осенние жёлтые листья на аллеях – удовольствие, о котором за все последние годы я умудрилась забыть. Мои ноги шуршат ими, пинают носком. А в душе необъяснимый покой, умиротворение. Так я понимаю, что поступаю правильно.

Я выбираю имя «Виктория». Как столица Британской Колумбии, как королева, знаменитая веком мира и благополучия, сытой спокойной жизни в Британии и её колониях. Пусть это имя даст моей дочери силу победить все невзгоды и сложности, которые ждут её в жизни. А они будут независимо от того, здоровой она родится или больной.

Второе имя дочери приходит ко мне само вместе с зеленоглазой девочкой, почему-то решившей угостить меня печеньем.

- О, Лав! Детка, нельзя приставать к леди!

Лав... Любовь... Это не просто имя, это смысл и история ребёнка, которого я ношу. Не важно, насколько он правилен и здоров ли. Теперь уже не важно: моя девочка была зачата в любви, поэтому Лав.

Свободная скамейка на детской площадке становится моим пристанищем на долгие часы. Я наблюдаю с улыбкой за матерями и их чадами всех возрастов и люблю всех. И девочку-штенку с красивыми глазами и длинными ресницами по имени Грэйс, и девочку блондинку с распущенными волосами, как у Рапунцель, и странную, нелюдимую Веронику, никогда ни на шаг не отходящую от своей полной мамы с татуировкой на шее и части щеки. Я люблю носящихся на велосипедах и скутерах мальчишек, облачённых в смешные шлемы с шипами, как у динозавров. Я люблю небо, люблю осень, люблю людей, люблю этот мир.

Люблю странную старушку с бирюзовой сумкой через плечо, хотя от неё и пахнет плесенью. Сперва она долго сидит рядом со мной, разглядывает то меня, то детей, не обращая внимания на шарахающихся от неё мамочек, потом поднимается и решительно шагает на поляну – кормить ворон. Эту женщину в странноватой шляпке с кормом для птиц в бирюзовой расшитой бисером сумке, я ещё встречу не раз в этом парке. Мне ведь нужно гулять и дышать воздухом.

В тот же день еду в магазин для новорожденных на Норс Роад. Теряюсь в обилии товаров для детей и покупаю розовую кофточку и бутылочку для кормления со слонёнком, искренне полагая, что это – самая необходимая вещь в доме, где вот-вот, совсем уже скоро, появится малыш.

С первого взгляда влюбляюсь в электрическую колыбель с балдахином, музыкой и проектором под названием «Танец бабочек». Проходящая мимо мама с младенцем в ткани, перекинутой через плечо, останавливается и с улыбкой делится тем, насколько незаменимой стала такая колыбель для её сына. Пытаюсь прикинуть, смогу ли позволить её себе, и во сколько обойдётся покупка обязательных кровати, коляски и автокресла. Ещё одежда, пелёнки, подгузники. Это много, а у меня совсем нет сбережений.

Я понимаю, что одной будет тяжело, понимаю. И решаю, что смогу обойтись без кровати и колыбели. А одежду и кресло куплю подержанными на craigslist.

Внезапно вспоминаю, что в моём доме требовался уборщик, и это будет решением, пока не найду работу. А я найду, обязательно найду. Иначе просто не может быть. А когда малышка родится, буду присматривать за чужими детьми на дому, я слышала, многие мамы так делают.

Выкручусь, не пропаду. И у меня есть Лурдес. Если совсем будет плохо, попрошу о помощи её, и точно знаю: она никогда не откажет.

Глава 20. Остров тепла и покоя

В двадцать недель УЗИ подтверждает, что я вынашиваю девочку, и даже более того – здоровую. У меня почти прошла тошнота, давно отпустила рвота. Я много ем и сплю всё то время, что не работаю. А работа нашлась отличная, теперь я - продавец в магазине детской одежды Carters и могу делать личные покупки с пятидесятипроцентной скидкой. У меня хорошая зарплата, на неё я не только способна позволить себе выплаты за аренду квартиры и текущие расходы, но и кое-что отложить до рождения ребёнка. Прикинув, подсчитала, что первые два месяца смогу не работать, а это важный задел.

Единственный минус - работа не просто выматывает, она изнуряет. Почти десять часов на ногах, присесть некогда, да и некуда: торговый зал, где я тружусь консультантом, не предусматривает посадочных мест для персонала. Под вечер мне больно наступать на ноги, резинки носков врезаются в отеки и зудят. «Это ничего!» - говорю себе и Лав, придерживая живот обеими руками. Всё наладится! Когда-нибудь.

На Рождество у меня случается радость: Лурдес проделала утомительный путь в двести километров от Сиэтла до Ванкувера и обратно, чтобы осуществить свой план – познакомить меня со своей семьёй и отпраздновать Рождество.

Уже в Сиэтле до меня окончательно доходит вся «особенность» этого поступка, и происходит это после тихого робкого вопроса Антона:

- А папа в курсе?

- Конечно.

Да, Лурдес рассказывала множество историй о своей семье, чаще забавных, изредка грустных, а иногда просто обычных, житейских. В их доме никогда не появляются чужие люди, только те, кого считают семьёй – это незыблемое правило. Друзья, приятели, вечеринки – всё это бывает, но вне стен родительского дома. О легендарном стеклянном доме на острове Бейнбридж я слышала от Лурдес тысячи раз, но, конечно, никогда не видела.

В тот год, год моей трагедии, мне повезло побывать в нём. И это событие стало не просто особенным, оно открыло мне основополагающие смыслы существования и предназначения человека.

Я увидела семью. Нет, это была не просто семья, каких миллионы на нашей планете, она была особенной, потому что настоящей. И это ощущалось в воздухе, жило в стеклянных стенах, огромных комнатах, мебели и предметах, наполняющих дом, но главное - в глазах и улыбках живущих в нём людей.

Я ощутила его мгновенно – свет, исходящий от них: родителей, сестры Софьи, братьев Эштона, Алексея и Амаэля с разницей в возрасте в целых тридцать лет, их супругов и детей, самой Лурдес и её Антона. Да, Лурдес изменилась в то же мгновение, когда переступила порог отчего дома – она стала мягче, добрее, спокойнее. Энергия лилась из неё так же, как и всегда, но теперь в совершенно ином русле – в любви к своим близким.

Прожив с ними тот праздничный вечер, я поняла, что центр этой маленькой Вселенной – два бесконечно любящих сердца. И этой любви настолько много, что её благодати хватает всем остальным. Мне было известно от Лурдес, что браки в их семье создаются только по

любви, но практически сразу поняла, кто главный её источник – родители. Сложно соблюдать приличия и не глазеть на них: невероятная нежность в жестах, взглядах, обращённых друг на друга, каждым произнесённом слове наполняют воздух магией, и ты невольно ловишь себя на том, что улыбаешься.

Так смешно и умилительно было видеть, как в этом тёплом месте серьёзная Лурдес-специалист мгновенно переродилась в весёлую и даже слегка инфантильную Лу. Как влезла на руки к брату, сказав при этом его жене, что та слишком хорошо его кормит. Как долго обнималась с отцом, приговаривая:

- Соньке теперь не до тебя, пап. А я пока ещё вся твоя, пользуйся!

Отец её только смеялся, целуя свою дочь в лоб.

Когда в комнате появилась немного уставшая от материнства Софи, я увидела, как расплылось в счастливой улыбке её лицо, потому что отец протянул к ней руки. Мой отец, ни один из них, никогда не делал ничего подобного. Такой простой жест, но как много в нём нетерпеливой, искренней любви.

Маму Лурдес не назовёшь красавицей, однако она красива. Странно, но это именно так. Красота в её нежных руках, дружелюбно сжимающих мои при знакомстве, в глубоких синих глазах, из которых словно лучами исходит доброжелательность, в мягком материнском голосе, искренней улыбке, не сходящей с её лица. Валерия была единственной, кто меня обнял, хотя мы даже не были знакомы, но мне показалось, что моё многострадальное тело заключили в свои целительные объятия руки моей матери.

Стыдно признаться, но я едва сдерживалась, чтобы не рыдать в тот вечер – эмоции переполняли моё измученное сердце. Меня будто продержали лет двадцать в тёмном подвале и неожиданно выпустили на свободу, и от яркого света у меня слезятся глаза, от перевозбуждения колотится безумное сердце.

- Боже, Лурдес! Как хорошо! Как же хорошо в твоём доме! – хоть шёпотом и на ухо, но выплесну, по меньшей мере, часть своего восторга.

- Ну вот, видишь! Я же говорила, а ты ещё упиралась!

- Не хотела мешать вам, но теперь вижу, что это невозможно. Никто и ничто не способно изменить что-либо в этом доме! В твоей семье!

- Ты и права и нет одновременно: эти стены видели очень многое. Здесь было и есть много счастья, но и несчастье пожило в этом доме достаточно. Твои беды обзавидовались бы, узнай, что именно здесь происходило. Я вот что поняла: принято говорить «На всё воля Божья», но это не так! Совсем не так! Кто хочет, тот добивается! И не важно, что это - успех в карьере или счастье в любви - трудности есть всегда и во всём. Но не все хотят их преодолевать. Ты понимаешь, ваша с Дамиеном проблема очень сложная, но разрешимая. Важно только одно – чтобы выход искали двое, а не один. У вас пока не получается, потому что идёте навстречу друг другу, а должны - в одном направлении, и взявшись за руки. Когда его ломало, ты проявила твердолобость и чёрствость, когда тебя – он оказался слеп. Вы уже многое потеряли, но ещё не всё: оба живы, оба ходите по земле, оба дышите и оба всё ещё так же безмерно любите друг друга.

- Он любит свою семью и сына - я видела, я знаю, - прерываю её со всхлипом.

- Нет! Не видела и не знаешь! Надумала, насочиняла. А правда в том, что скрыто от твоих глаз и даже твоего сердца. Я видела его глаза, Ева! И поверь, этот взгляд мне ни с чем не спутать – я вижу всю свою жизнь такое же точно безумие в отцовских! Он тоже однолюб, как и твой Дамиен. И у него были сотни женщин, но он погибал, пока та единственная,

которую он ждал всю жизнь, не протянула ему свою руку.

Моё сердце колотится от её слов, а Лурдес со вздохом добавляет:

- Только в вашей паре роли распределись иначе: тебе нужна его рука, потому что он без тебя живёт, а ты без него не можешь.

Я уединяюсь в библиотеке у окна – не привыкла к такому количеству людей и детского шума. Мне только нужно перевести дух, дать тысячам новейших эмоций осесть.

Первым в мою обитель врывается Эшгон – средний брат Лурдес, он же – муж её сестры. Они – одна семья, но не брат и сестра, в их любви нет препятствий. Почти сразу за ним в библиотеку вбегает Софья, они запойно целуются, не замечая ни меня, ни вообще чего-либо вокруг. Их нетрудно понять наслаждаются редкой передышкой от детей, пользуясь родительской помощью. Я не хочу их прерывать, поэтому никак не выдаю своего скромного присутствия.

После сладкой парочки ко мне забегают дети – Амаэль и Айви, а сразу вслед за ними Алекс. Он призывает малышей к порядку и замечает меня.

Отец Лурдес очень необычный человек. Начиная с совершенно не соответствующей возрасту внешности и заканчивая необыкновенной энергетикой. Он словно притягивает к себе, и даже не как магнит, а как ускоряющаяся центробежная сила – чем больше его узнаёшь, тем сильнее жаждешь общения, любого, даже самого малого контакта.

Когда он подходит ко мне, я от страха перестаю дышать, но уже через минуту погружаюсь в спокойное море его тепла и мягкости. У Алекса очень красивое лицо и руки, на шее татуировка – Valery. Она там не просто так, Лурдес рассказывала, что в молодости женщины не давали ему прохода, поэтому он «пометил себя» именем жены. Написал на самом видном месте, что принадлежит только одной женщине. Сейчас ему чуть больше пятидесяти, но выглядит он сорокалетним. Если бы не частично седые волосы, я бы подумала, что он ещё моложе.

- Настоящее Рождество – снега нет, - мягко улыбается.

- В жизни много настоящего, приходится мириться, - отвечаю.

- Не всегда стоит это делать.

- Как понять, когда стоит, а когда нет?

- Сердце слушать.

- А если оно глупое?

Усмехается:

- Сердце не может быть глупым или наивным. Оно видит нашу судьбу и ведёт нас по её пути. Бывает, что ошибается. Но бывает, что мы только думаем, будто оно ошиблось, а на самом деле нет.

- Как узнать?

Пожимает плечами и смотрит искоса уже не в окно, а на меня.

- У каждого свои способы.

- А если способ не найден? Так и жить всю жизнь вслепую?

- У человека помимо традиционного зрения есть ещё способность видеть мыслями, слышала о таком?

- Да, но не поверила.

- А зря. Это скрытая возможность, и найти её в себе не так легко, для этого требуются усилия. Всё плохое обязательно уйдёт, а хорошее останется. Но только если ты по-настоящему этого захочешь.

Его ладонь на моём плече, и я чувствую её невероятное тепло. Оно словно проникает в меня, наполняя верой в себя и то прекрасное, что ещё может со мной произойти. Этот мужчина - совершенно чужой мне человек, но по какой-то неясной причине я ощущаю исходящую от него отеческую любовь. Она не моя, я знаю, он любит своих детей, но настолько самозабвенно, что в эту секунду мне хорошо от её благотворной радиации.

Оба моих отца любили меня, но я никогда не чувствовала такой наполненности добром рядом с ними, какую ощутила рядом с отцом Лурдес. Он словно почувствовал это и показал мне другую свою сторону: взял моё лицо в свои ладони и, долго вглядываясь в него, вдруг сказал:

- У тебя потрясающие глаза. Огромные. Они как лес, тёмный и дремучий, но тот, кто захочет, найдёт в нём чудеса!

Он улыбается, и на этот раз меня накрывает волной его любви к женщине. Я знаю эту женщину, внимательно разглядывала и даже говорила с ней несколько минут назад, но лучей её солнца так много, что они освещают и меня.

Алекс отпускает моё лицо и говорит то, что зашьёт, залатает на некоторое время дыры в моей душе:

- Они снятся ему, твои глаза. Наверняка. Мне бы точно снились.

Мой взгляд нечаянно падает на его запястье, и я вижу птиц - это татуировка. А под ней как будто следы от порезов. Пять или шесть штрихов. Алекс хмурится, исходящая от него магия исчезает, уступая место неловкости: это нехорошие порезы, и я не хочу делать предположений.

Мы смотрим какое-то время друг на друга, но мне сложно понять, что он чувствует в этот момент:

- Это татуировка. Хочешь посмотреть на неё целиком?

- Да... - отвечаю, словно под гипнозом.

Он поднимает рукав своего светло-голубого свитера выше, и ещё выше, пока не оголяет руку до локтя:

- Парень, который набивал это, сказал, что эти птицы поэтичны. Как думаешь? Похожи они на поэму?

Он немного улыбается, а мне страшно смотреть в его глаза. То, что он решил мне показать, больно видеть: вся его рука исполосована десятками тонких шрамов.

Машинально переключаю взгляд на второе запястье - там тоже рисунок.

- Хочешь взглянуть и на сакуру? - мягко спрашивает.

Я утвердительно киваю, потому что не могу разжать рот, а Алекс закатывает и второй рукав, давая мне увидеть то, что когда-то было рваными ранами.

- Сакура - это тоже поэзия - так он сказал, тот художник. А мне в тот момент было всё равно.

Алекс быстро прячет руки под рукавами, засунув ладони в карманы джинсов. Он больше на меня не смотрит, его взгляд устремлён вдаль, но я откуда-то знаю, что смотрит он не на залив, а в своё прошлое.

- Любовь бывает жестока с нами, - произносит.

Его голос это не просто звуки. В каждом слове, фразе, манере произносить их есть необъяснимая сила. Эффект неизбежного покорения, харизма. Лишь один человек в моей жизни умел производить на людей такой же эффект - Дамиен. Причём делал это непринуждённо, нечаянно, не желая того сам - точно так же, как и Алекс.

Вздыхнув, уверенным тоном он добавляет:

- Иногда даже слишком. Но выжить можно - я же выжил! - его рот растягивается в довольной улыбке. - Но и без любви жизнь была бы...

- Пустой? – выпаливаю, неожиданно для самой себя.

- Точно!

Я смотрю на него во все глаза, очарованная шармом, мудростью, струящимся добром и мужской силой, но и его лицо сияет от осознания, что я понимаю его. Я - глупая, всегда и везде лишняя и неправильная девочка. Мне бы хотелось задать ему тысячи вопросов: что, как, почему? И если бы я не знала эту женщину лично, не видела, какая она, возненавидела бы самой лютой ненавистью. Но я видела, и она именно такая, какой должна быть женщина, жена, мать. Да, мне хотелось бы, чтобы Лера была моей матерью, а Алекс отцом, наставляющим своей мудростью.

Он аккуратно, но при этом уверенно берёт мою руку в свою со словами:

- Пойдём, Лера сейчас будет угощать своим фирменным тортом: «Птичье молоко» называется!

- Птичье? - спрашиваю скорее машинально, больше сосредоточенная на его тёплой руке, сжимающей мою, нежели на словах.

- Знаю-знаю! - смеётся. - Я сам так и не понял, почему птичье! Какой-то русский рецепт из Лериного детства. В её исполнении мне больше нравится шоколадный, но дети любят именно этот, - улыбается так широко, что у меня на душе светлеет, - и, выбирая между мужчиной и детьми, настоящая женщина всегда выберет детей.

- А мужчина?

- А мужчина – женщину! – подмигивает.

Глава 21. Встреча

В начале февраля у меня имеется только один выходной, и он выпадает на среду. Я уже вовсю готовлюсь к родам, поэтому решаю использовать свободный день с пользой: нужно купить необходимое из моего списка для малышки. В моей квартире уже скопились небольшие, но такие важные приобретения: бутылочки для молока и воды, кое-что из одежды, автомобильная переноска - сотрудница отдала свою, несколько недорогих, но милых игрушек.

День выдался на редкость солнечным – в таком дождливом городе, как наш, грех не воспользоваться удачей: закончив с покупками, решаю прогуляться. Бреду по Беррард стрит, рассматривая витрины самой претенциозной части города, сворачиваю на Западный Бродвей, направляясь к Пайн стрит, ведущей напрямиком к заливу и маринам с яхтами – люблю на них любоваться. Где-то там, среди роскошных лодок и катеров стоит она - его яхта. Фото их морских вылазок на ней я не раз встречала в сети – Мелания в широкополых шляпах и элегантных шёлковых комбинезонах с глубоким вырезом эффектно позирует фотографу, посылая воздушные поцелуи или раскидывая руки, словно провозглашая: «Жизнь прекрасна!» Дамиен тоже мелькает иногда – в обычных футболках и шортах, солнечных очках и бейсболках задом наперёд – точно так же, как носил их в юности. Если Мелания чаще держит в руках бокал с шампанским или мартини, то Дамиен сосредоточен у руля своей яхты.

И они часто целуются. Даже слишком часто.

Первое время было сложно видеть их фото, особенно те, где они демонстрируют свою неземную любовь. Но со временем привыкла: человек – существо живучее, ко всему привыкает. К чему-то быстро, к чему-то медленно, но всегда находит способ выжить.

Можно ещё, конечно, строго-настрого запретить себе не то, что смотреть, а даже интересоваться их благополучной жизнью, но... Дамиен – единственный близкий мне человек, оставшийся в живых. Мы не можем встречаться, поэтому всемирная сеть – единственная нить, связывающая меня с братом.

На углу Пайн-стрит и 5-той авеню нос к носу сталкиваюсь, с кем бы вы думали?

С Крисом!

Увидев меня, он оторопел, как будто не был рад встрече, но затем вовремя спохватился, расплылся в улыбке, рассыпался в комплиментах. Заметив Elysian Cafe на углу, предложил зайти:

- Была здесь когда-нибудь?

- Нет, - признаюсь.

- О! Это зря! Тут подают лучший капучино с корицей и шоколадом в даунтауне! А ещё пончики, печенье с шоколадной крошкой и бутерброды с гренками, поджаренными на огне, а не в тостере!

- Круто! - улыбаюсь ему, памятуя о том, как сильно сокрушалась, что когда-то выбрала не его.

Мы входим, занимаем столик у окна, Крис галантно помогает мне раздеться. Заметив мой живот, обтянутый трикотажным свитером, он поднимает брови:

- Ты... - не может найти слов. – Поздравляю!

- Спасибо! – мне приятен его взгляд.

- Будущий отец, наверное, непомерно счастлив! – выпаливает, растянув рот в улыбке до ушей.

- У нас нет отца, - спокойно заявляю.

Улыбка мгновенно гаснет. Крис выглядит странным. Не просто озадаченным, а словно подавленным, разочарованным.

- Мне жаль... - начинает.

- О, нет! Что ты! – спешу его успокоить. – Всё нормально! Это мой осознанный, взвешенный шаг. И я рада, что всё сложилось именно так, а не иначе.

Да, я действительно этому рада, потому что, памятуя о своём болезненном отвращении ко всему мужскому, скорее всего, осталась бы не просто старой девой, но и жалким одиночеством. Всё, что мне светило бы – завести кота, но Бог сжалился и подарил ребёнка. Ребёнка от любимого мужчины.

Крис вскоре меняет тему, мы говорим о его работе – он актёр, снимается в кино и часто работает с Дамиеном. Он много рассказывает курьёзных историй, приключаящихся на съёмочной площадке, но с его лица не сходит печаль. Спустя час мы расходимся, Крис помогает мне одеться и уже на выходе задаёт вопрос, который, наверное, я ждала, но так не хотела услышать:

- Ребёнок от НЕГО?

- Не знаю, о ком ты говоришь, - пожимаю плечами, стараясь не смотреть в его глаза.

Проверяю расписание в своём телефоне, пытаюсь определить, стоит ли ждать автобус или лучше дойти до станции скайтрейна пешком.

- Давай отвезу тебя домой? Мне не сложно, купил недавно новую тачку – ловлю кайф от каждого лишнего километра, – мягко предлагает Крис, и я соглашаюсь.

Не думала, что рука миссис Мелани Блэйд дотянется, чтобы ещё разок хлестнуть меня. И, всё же, ей это удалось.

Утро февраля – серый, до тошноты похожий на все предыдущие день. За ночь выпало немного снега, но к утру он растаял, покрыв дороги и тротуары снежной кашей. Или жижей.

Пять тридцать утра, мне пора на работу. Приходится вставать рано, хотя рабочий день начинается только с восьми. Всему виной пробки – весь хайвей стоит по утрам.

Привычный ритуал – некрепкий кофе с молоком, кусок сыра, фрукты и ноутбук. Проверяю почту: я никогда не была деловым или популярным человеком, мне не часто пишут... будем честными, мне вообще не пишут, но я каждое утро открываю свой ящик, и даже не хочу размышлять о том, «почему я это делаю?». Правда редко бывает приятной.

Обнаруживаю во входящих письмо, в нём «тяжёлый» файл «весом» в триста мегабайтов. Сохраняю, распаковываю, жду, пока загрузится на рабочий стол и обдумываю варианты ответов на вопрос «Что бы это могло быть?», учитывая адрес отправителя melblade@gmail.com.

Открываю.

Видео похоже на ролик из сети, один из тех, которые сняты спрятанной камерой. В полумраке видны двое. Мужчина целует живот беременной женщины, и в каждом его поцелуе бездна искренности. Это красивое видео. Чувственное. Семейное. Загорается более яркий свет, и лица счастливой пары проявляются. Думаю, первым я узнала ЕГО. Потом ЕЁ.

Онемение и отупение – наверное, так лучше всего назвать мою реакцию. Он открывает

своё лицо от её кожи и опускает задранный до этого шёлковую рубашку, а я закрываю лицо руками, чтобы не видеть.

Где-то читала совсем девчонкой ещё об изощрённых пытках и наказаниях. Так вот, битьё розгами, верёвками и кожаными плётками бывает различным: можно просто стегать, а можно ещё и протягивать. При таком способе лучше рвётся кожа, и углубляются раны.

Именно так она ударила меня на этот раз: хлётко и с протягиванием.

Тащусь в направлении станции скайтрейна, по щиколотку утопая в снежной каше. Даже если бы я приказала себе не рыдать, выполнить такой приказ было бы непосильно, поэтому я просто отпускаю себя, выплеснув всю свою боль на мокрый асфальт Ванкувера.

И это не ревность, нет, это именно боль, потому что он «ЕЁ», он принадлежит ЕЙ. И то, что они делали на видео – неотъемлемая благословлённая Богом и узаконенная браком часть их повседневной счастливой жизни.

Моя Лав словно чувствует, что со мной происходит неладное – бьётся, толкается, бунтует. Хочет мне что-то важное сказать, наверное. Например: мамочка не думай, сожги воспоминания, вытри кислотной тряпочкой картинку в своей голове, забудь и живи для меня, ради меня и со мной.

А я ей отвечаю: Лав, твой папочка не имеет права им быть, не вини его. Он только по этой причине спит с другой женщиной, которая вот-вот родит твоего брата. Поэтому он так нежно ласкает её, целует и старается быть аккуратным – скоро у него родится сын. Плодовитый выдался год у твоего отца, детка, трудно ему. Что ж, так бывает, это жизнь, и она не для всех бывает сказочной.

К началу шестого месяца у меня прекращается тошнота, и я уже всю чувствую шевеления. Кладу руку на начавший расти живот, и улыбаюсь тому, как толкается моё маленькое чудо. Больной ребёнок не может быть таким шустрим! Я постоянно мечтаю о том, что с ней, моей девочкой, каким-то счастливым образом будет всё в порядке. Мы станем жить вдвоём, и больше нам никто не нужен.

Я никогда никому не скажу, кто её отец. А зачем? Зачем ему это пятно? Дети от родных сестёр нынче не красят репутацию. Особенно режиссёрам с именем. Пусть живёт спокойно, растит законнорожденного здорового сына, любит красивую жену.

Пусть будет счастлив.

И мы с Лав будем счастливы.

Глава 22. Вены

В парке снова встречаю плесневелую женщину. Во все наши встречи до этого она никогда со мной не разговаривала, только смотрела пробирающим до костей взглядом. Но в тот день всё вышло иначе.

Покормив птиц из своей бирюзовой сумки, мисс «Странность» почти сразу двинулась ко мне. Жутко хотелось сбежать, скрыться, но воспитанность и нежелание обижать её одиночество оказались сильнее страха. Я осталась и даже позволила ей сесть на скамейку рядом с собой.

Она долго молчала, затем внезапно обратилась ко мне:

- Не знаешь, зачем они строят эти машины?

- Какие? – уточняю, опять же, из вежливости.

- Эти, что ездят по железу. Змеи, чистые змеи! А шума сколько, шума!

Я таращу глаза, силясь понять, о чём она говорит. Интересно, что мне даже не приходит мысль усомниться в осознанности её слов. Желание понять, распознать в этом шифре идею оказывается более сильным, чем здравый смысл.

- Вы говорите о поездах? - предполагаю.

Странноватая дама молча кивает головой:

- Их придумал Сатана, не иначе!

- Да, - вздыхаю, - шума от них много, особенно по ночам. Но они как вены для страны - кормят самые отдалённые её части. Северные территории...

- Да! - она снова кивает. - Они нужны! Но людям стоит держаться от них подальше.

Её глаза переключаются с моего лица на живот:

- Не бойся. Тебе люди помогут.

- Думаете? - спрашиваю, просто чтобы спросить.

Вновь получаю уже знакомый лёгкий кивок головой:

- Каждый хочет прикоснуться к благодати рождения новой жизни. А вокруг тебя много хороших людей. Они помогут.

Это самые трезвые и ясные слова из её уст, но... мне становится не по себе. Старуха словно чувствует это, медленно поднимается и, бросив напоследок: «Не ходи по венам!», удаляется, прихрамывая на одну ногу, удерживая костлявой рукой бирюзовую сумку с кормом для птиц.

Последние дни зимы выдалась на редкость солнечными в наших краях. Я решила провести воскресенье на воздухе – мне нужно гулять. Утром съездила на кладбище к родителям, отвезла цветы – маки от меня, белые розы от Дамиена. Посидела с ними немного, попросила прощения за свой проступок и за то, что их внучка, скорее всего, родится больной.

Но, сидя в февральской тишине и глядя на игру рассеянных сквозь сосновые ветки солнечных лучей, я вдруг осознаю главное – как сильно люблю своего ещё не родившегося ребёнка. Пусть он «неправильный», пусть зачатый в грехе, но он мой, и он от любимого мужчины.

Грех и любовь в одном флаконе. Что мне дали, то и взяла. Могла ли отказаться? В

теории – да, но на практике – никогда.

После кладбища еду на берег Западного Ванкувера – это единственное место, где можно увидеть «открытую» воду, все остальные заливы слишком узкие и уродливо промышленные.

Оставляю машину на бесплатной парковке – мне нужно экономить. Путь от неё до пляжа и набережной длинный: нужно пройти небольшой парк, бейсбольные стадионы и в самом конце железнодорожные пути. Но мне много ходить полезно и всё ещё легко, хотя живот уже довольно большой и его не скроешь даже под курткой.

В это воскресенье я беру от жизни всё лучшее, что она может мне дать: ещё один день, хорошую погоду, солнечный свет, радость приближающегося материнства и любовь к растущей во мне дочери. Я даже позволяю себе скромный пятичасовой ланч в небольшом безлюдном ресторанчике на берегу, предварительно убедившись, что цены не потопят мою финансовую лодку.

Я улыбаюсь, потому что счастлива, живу, дышу, существую.

На обратном пути тороплюсь – уже почти стемнело.

Увидев ещё издали огни железнодорожных фонарей, внезапно вспоминаю зловещее «берегись вен», и сердце разом отзывается тревогой. Удар, и я отлетаю на зелёный газон, местами покрытый в зимнее время гигантскими лужами. Мне трудно дышать и шевелиться, однако мои глаза успевают увидеть удаляющуюся белую машину - Лексус.

Опускаю голову на траву и смотрю на тёмно-синее небо с уже виднеющимися звёздами.

Спустя время ко мне подбегает мужчина с собачкой. На его лице ужас. Я вижу и понимаю: он мечется между желанием помочь и страхом прикоснуться.

- Я уже позвонил в 911... - раз десять повторяет.

Странно, но я не чувствую боли. А странно потому, что у меня кровь. Везде: на руках, стекает по ногам, между них, проступает сквозь одежду.

Парамедики приезжают быстро.

Меня спрашивают:

- У вас есть родственники? Друзья? Кому позвонить?

И я отвечаю:

- У меня никого нет.

- С кем вы живёте?

- Я одна.

- Где работаете?

На этом вопросе я теряю интерес к беседе. Я всё теряю, потому что больше ничего не слышу, не вижу, но чувствую адскую, неопишемую по силе и интенсивности боль. И этой болью меня почти мгновенно вышибает в вакуум беспомощности.

Глава 23. Mountains In My Bones

Открываю глаза, вижу белый потолок. Закрываю.

Снова открываю глаза и вижу белый потолок. Поворачиваю голову чуть на бок, ощущая боль и не понимая, где она. Зато теперь вижу зелёное: какие-то шторы, натянутые на металлический каркас - перегородки. Закрываю глаза.

Открываю глаза: белый потолок, зелёные шторы, пластиковые трубки и писк.

Слышу голос. Он спрашивает:

- Как ты себя чувствуешь, Ева?

Шепчу:

- Хорошо.

Но мне плохо: меня тошнит, болит затылок, а каждый вдох отзывается болью во всём теле. Но я сказала «хорошо», потому что очень уж хочется чего-нибудь хорошего. Хотя бы слова, вылетевшего из моих липких, онемевших уст.

Господи, думаю, сколько я уже здесь лежу? Затылок, голова и спина ноют так, словно эта зелёная ячейка – гроб, и я в нём уже вечность.

В памяти, подобно сну, всплывает мой вопрос медсестре:

- Это что, коридор? Почему я в коридоре?

- Это не коридор, это общий реанимационный бокс.

- Мне нужно окно! Я хочу окно!

- Свободных палат нет, и вряд ли будут. Есть одиночные палаты, но твоя страховка их не покрывает, милая. Позвони кому-нибудь из родственников, люди часто соглашаются помочь таким...

Она умолкает и быстро сбегает по своим медсестринским делам.

Снова голос, он опять меня будит и спрашивает:

- Как ты себя чувствуешь, Ева?

- Я хочу окно.

- Боюсь, в данную минуту это не в моих силах, - отвечает тот же голос.

Открываю глаза и вижу перед собой приятную женщину со светлыми волосами. В прошлый раз был долговязый мужик с одним «неправильным» глазом. Интересно, кто из них мой лечащий врач, а кто дежурный? Кому задавать вопросы?

- Как твои дела, Ева? – снова спрашивает.

Вот оно! Эта женщина, наверное, отвечает за меня.

- Вам виднее, - говорю.

Она кивает.

- Вижу теперь, что ты хорошо меня слышишь, видишь и понимаешь. Это означает, что ты идёшь на поправку. И это прекрасные новости, Ева! Не так ли?

Она улыбается, но только ртом. Знаю я эти их лживые улыбки.

- Что со мной? – задаю прямой вопрос.

Она тут же меняется в лице и со вздохом сообщает:

- Меня зовут Линнет. Я – твой лечащий врач, - пауза. - У меня есть хорошие новости и плохие.

- Какая хорошая? – спрашиваю.

- Знаешь, кто интересуется в первую очередь хорошими новостями, Ева?

- Кто?

- Оптимисты! А это очень важное качество в жизни, оно помогает преодолевать трудности, перешагивать проблемы и идти дальше.

Она заходит издалека. Это подозрительно. Плохой знак.

- Ты помнишь, что с тобой произошло?

- В меня врезалась машина.

- Да, это так: тебя сбил автомобиль, - подтверждает.

Я жду, и она видит это в моих глазах.

- Знаешь, - говорит, - что самое сложное в работе врача?

- Что?

- Сообщать плохие новости.

- О плохом в принципе тяжело говорить, - мой голос спокоен.

Даже хладнокровен. Я не чувствую того, что должна чувствовать. Чего не скажешь о докторе: на её лице мука. И я решаю облегчить её задачу:

- Мой ребёнок умер?

Даже в состоянии пришибленности, я не могу, не решаюсь использовать слово «дочь». Дочь - это слишком... слишком... персонифицировано.

- Да, - подтверждает. – Удар пришёлся прямо в живот. Мне жаль, но у неё не было шансов.

У неё.

Подозреваю, они дают мне успокоительные. Транквилизаторы какие-нибудь. Химические вещества, притупляющие чувства. Тогда почему, мне так больно? Они что, не действуют?

- Об остальном поговорим позже, - внезапно заявляет.

О каком ещё «остальном»?

- Хватит с меня. Мне достаточно! Больше не надо! Хватит с меня, слышите? – ору, и глаза Линнет мгновенно наполняются тревогой.

- Я поговорю с психологом, у нас есть очень хорошие специалисты, они помогают людям справляться с потерями. Тебе помогут!

Да-да! Мне помогут, я уже слышала! Сделайте одолжение, не помогайте никто! Просто оставьте меня в покое! Я хочу быть одна, без помощи, без сочувствия, без слепых водителей на белых Лексусах, без влюблённых братьев, забывающих вовремя надеть резинку и плюющих на тебя, когда ты призываешь их воплотить слова в действия!

- Я справлюсь сама! Отойдите все от меня! Не прикасайтесь!

В обед полноватая медсестра Хлоя приносит мне стаканчик с таблетками, и я насчитываю две новые в этой растущей куче. Примерно через час засыпаю и просыпаюсь на следующий день.

Несколько суток спустя мне велят подняться с постели и самостоятельно дойти до туалета. Думать о потерях некогда – пережить бы насущные проблемы. Боль в животе адская, ноги ватные, медсестра – жестокая филиппинка, тащит меня как живодёр на плаху, невзирая на мои слёзы и упирающиеся в резиновый пол ноги:

- Давай-давай, доктор сказал ходить! Быстрее затянись! Давай! Давай! Шевелись!

В один из дней звонит Лурдес и сообщает «грандиозную новость»:

- Я беременна! Ты представляешь? Двойней! Только что сделали первое УЗИ, и я сразу же тебе звоню, не могу не поделиться, Ева! Я никогда не думала, что у меня будут дети, и тут на тебе – сразу двое! Уф... Это же надо!

- Поздравляю тебя. Прости, я сейчас не могу говорить, перезвоню позже, - заканчиваю разговор.

Аккуратно кладу телефон на прикроватную тумбочку, поправляю лежащие на ней бумаги – результаты моих обследований и анализов.

- Надо же, а я думала, ты не умеешь разговаривать! – приободряет темнокожая Хлоя.

Она хорошая, здесь все хорошие, это только я плохая. Это только я у всех как бельмо на глазу.

- Вы не могли бы выйти? Я хочу отдохнуть, - прошу её.

- Тебе сейчас положены инъекции, милая. Вот сделаю и сразу же оставлю тебя в покое! – улыбается, изо всех сил игнорируя мою грубость.

Я жду, пока она откупорит порт на моей руке, введёт положенные миллилитры и скроется с глаз.

Как только это происходит, беру «нечаянно» оставленные моим лечащим врачом бумаги, и минут пять спустя нахожу то, что должна была найти: «субтотальная абдоминальная гистерэктомия матки».

Из этих четырёх слов мне известно только одно, но каким-то устрашающим чутьём я знаю, что означают остальные. Пока ищу расшифровку в сети, набирая трясущимися пальцами свой приговор, в душе ещё теплится надежда. Но умирает сразу же, как Google переводит медицинский на человеческий – удаление матки.

Ложусь лицом вниз и поджимаю колени к груди, причиняя себе нестерпимую боль. И вою. Вою в подушку, укрывшись с головой одеялом, чтобы не набежали врачи и медсёстры.

Кто-то однажды сказал мне, что всё плохое проходит. Да, наверное, это так, но только с теми, кому хоть сколько-нибудь везёт. Мне же – никогда. Кто-то сверху играет со мной, посылая испытания и каждый раз повышая ставки: а вытерпит ли Ева на этот раз или сдастся?

И я терплю. Вою в подушку, кусаю пальцы, ладони, запястья, стараясь перебить боль в душе болью физической, но у меня никак не выходит. Не получается.

Впадаю в транс. В отрицание. В полное и беспробудное онемение души и тела.

Пока филиппинка не произносит следующее:

- Ну не кисни, дорогуша. Матка твоя не отрастёт, что поделаешь, но ты живая, руки-ноги есть, чего ты ещё хочешь?

И меня разрывает эмоциональным коллапсом. Моё тело совершает вдохи и выдохи, но я не дышу. У меня удушье. Ощущения такие же точно, как много лет назад в дремучем парке, когда дебиловатый парень по имени Робот сдавливал моё горло своими большими руками.

- Дыши! Глубокие медленные вдохи и выдохи, Ева! – это Линнет вернулась за своими/моими протоколами. – У тебя паническая атака, это не страшно, просто повторяй за мной!

И она пронзительно смотрит в мои глаза, гипнотизирует:

- Вдооох! Выыыдох!

Дышит сама, усиливая эффект своего гипноза.

И каким-то чудом я выживаю. Опять.

Зачем? Чтобы иметь возможность получить новые дозы, довести этот марафон

испытаний до конца?

Я всё ещё держусь! Я всё ещё ползаю по Земле! Я крута!

- Ха-ха! Ну же! Давайте, что ещё там у вас припасено для меня? Болезнь? Мне плевать! У меня нет любимых и близких, обо мне некому горевать. Смерть? Я её не боюсь! У меня остался только Дамиен... его не троньте! Не троньте его! Не троньте! Не троньте! Не троньте!

Меня держат двое молодых мужчин в голубых костюмах. Я знаю только одного из них, с татуировкой дракона на руке – это врач-резидент по имени Руслан. Раньше он мне нравился своим лёгким нравом и доброжелательным лицом, но теперь, когда его рука вкалывает мне лекарство, от которого я снова буду спать, я его ненавижу.

В голове зреет одна зловещая мысль. Но я не позволяю ей расти, развиваться, заполняя мой мозг до отказа, до полного вытеснения другой мысли: что почувствует Дамиен, когда узнает?

Ему будет плохо. Очень плохо. Я помню его скомканное лицо на похоронах родителей. Дамиен, который никогда не плачет, делал это второй раз в жизни. Я не хочу, чтобы был третий, поэтому говорю себе: это нужно пережить, Ева. Стиснуть зубы и пережить. Вначале прожить сегодня, затем завтра и послезавтра. А когда-нибудь потом станет ясно, как существовать дальше.

Я не хочу причинять ему боль. Не хочу. Он единственный, кто любил меня. Он не заслужил.

Я была неосторожна, и там, наверху, видно, меня слышали. Решили, что мне мало дерьма, и показали, «как бывает».

Глава 24. River In My Veins

Через неделю вечно торопящаяся медсестра Джо бросает на мой живот папку с бумагами и ставит в известность, что в этот день у меня плановый ультразвук. Извиняется, что нет свободных кресел-каталок, и просит подождать, пока что-нибудь освободится.

Наверное, у меня во время аварии случился «сдвиг по фазе», а может, вело грёбаное «чутьё», но я не стала дожидаться дурацкого кресла. Попёрлась сама: по стеночке, зажав бумаги под мышкой.

Они оба сидели на кожаных диванах перед дверью в кабинет Узи. Он, откинувшись на спинку и склонив голову набок, она - чуть поодаль, ровно настолько, сколько требуется длине её ног, чтобы лежать на коленях у мужа. Её живот огромен, руки Дамиена нежно разминают ей ступни.

Они говорят, но мне не слышно, о чём. Я стою, прилипнув к стенке, слишком далеко, чтобы слышать. Слишком далеко, чтобы стать частью их маленького, счастливого, тёплого мира.

Если бы он хотел меня, он не предложил бы учёбу. Он позвал бы с собой, он дал бы свою руку.

Но выбрал её. Со мной ему нельзя... Или всё давно прошло. Прокисло. Протухло. Испортилось.

Горячие слёзы скатываются по моим щекам: мне больно видеть его руку, перекочевавшую на её круглое, располневшее колено. Он ласкает её, он любит, он бережёт самое дорогое – жену, вынашивающую его ребёнка.

Меня никто не берёт, потому что падшая я и мой «неправильный» с высокой вероятностью больной ребёнок никому не были нужны. Нам сказали «нет» и неловким молчанием указали на дверь.

Можно было любить Криса. Можно было спать с Крисом. Можно было забеременеть от Криса и родить здорового живого ребёнка. Но меня угораздило украсть чужого парня, моего родного брата, любить его годы, невзирая на... ни на что невзирая.

Дверь в кабинет Узи распаивается и выпускает другую довольную пару. Дамиен подсакивает и помогает Мелании подняться, придерживая её за поясницу. Когда она принимает вертикальное положение, он берёт её за руку, и они входят в кабинет. Мне видны только их затылки, но я знаю, что на их лицах улыбки.

Зачем они здесь? Для чего я должна была ЭТО увидеть? Чтобы впасть в безумие?

Подползаю к диванам, сажусь на её место и кладу ноги туда, где до этого сидел Дамиен. Мои ноги похожи на две палки, покрытые ворсом. Это не ворс, это моя отросшая депиляция. Сколько я здесь? Скоро месяц.

Смотрю на свои руки – другие две палки, только тоньше, с торчащими сучками. На мне зелёная больничная рубашка до колен и вязаная кофта сверху. Я не помню, как давно медсестра мыла меня. Если бы не она, я бы вообще не мылась. Она же остригла мои ногти, упрекая в неряшливости. Но какое мне дело до ногтей и волос, если отныне и навсегда во мне не хватает самых важных для женщины органов? Зачем мне изображать женщину, если я больше ею не являюсь?

Алый как мои любимые дикие маки маникюр Мелании был виден издали, даже от стены, у которой до этого стояла убогая я. Она опиралась своей ухоженной рукой на ладонь Дамиена, другой держала его за шею. Я видела её пальцы в его волосах: она ласкала его затылок так же, как когда-то делала это в школе, не смущаясь публики, но стремясь показать людям, что он принадлежит только ей.

Ему будет стыдно перед ней, когда они увидят меня. Зачем их смущать? Зачем омрачать их счастье?

Сползаю сперва на колени, чтобы потом встать, выпрямив ноги и не напрягая пресс – мне всё ещё очень больно. И хотя за этот месяц я привыкла к боли, сроднилась с ней, по привычке стараюсь её избегать.

Внезапно замечаю между кожаных квадратов дивана золотистое ребро смартфона. Вынимаю его, касаюсь экрана – он требует ввести пароль. Я не знаю наверняка, чья это пропажа, но почему-то уверена, что её, Мелании.

Не задумываясь, удерживаю кнопку отключения до полной «смерти» телефона.

Через неделю меня отпускают домой, приказав принимать лекарства строго по графику. Первое, что я делаю, сев в такси, называю адрес известной мне ремонтной мастерской с незамысловатым названием «All PC, Laptops and iPhones». Очень-очень тёмный араб по имени Валид сообщает мне, что он родом из Египта, и берёт за свою услугу «всё как надо» сумму, превышающую стоимость нового устройства. Учитывая полное отсутствие доходов, это удар, от которого мои финансы вряд ли оправятся, но этот телефон мне нужен до такой степени, что глас разума на его фоне кажется шёпотом.

Приехав домой и даже не раздеваясь, я включаю разблокированный аппарат и долго пялюсь на заставку. На ней – улыбающийся и... полуголый Дамиен. Его руки запрокинуты за голову, бицепсы на переднем плане, лицо чуть дальше. Его глаза сощурены – так он улыбался только будучи в самом лучшем своём расположении духа, в моменты счастья.

В её телефоне установлено приложение NFC. Всемирная сеть подсказывает, что в этой программе кодируются и хранятся электронные ключи. От домофона, например.

График беременности. Согласно дате её последней менструации, она уже должна была родить. Но если отталкиваться от даты предполагаемого зачатия, у неё ещё есть два дня. Перенашивает, скорее всего, думаю.

Фотогалерея. Это самое трудное. Мазохизм странная вещь – насколько болезненная, настолько же и притягательная. Я посмотрю их семейный архив, но позже. На сегодня мой лимит доверия выдержке исчерпан.

Завтра у меня важное дело – нужно похоронить Лав.

Не хочу похоронных бюро. Церемоний с розовыми шарами и крошечным гробом, родственников и пришедших «просто поддержать». Это опять люди, фальшивые улыбки, чужие ладони на моей спине и бредовые слова, вроде: «она стала ангелом» или «твой ангелочек теперь живёт на небе». Это слишком много для меня. Хватило прошлого раза.

Забираю девочку из жуткого места, где ей пришлось пробыть месяц. В общественном транспорте еду на кладбище, бережно держа маленькую коробку на коленях – мои попутчики, спешащие жить, и не догадываются, что в ней.

Заказываю кремацию: ненавижу землю. В ней темно, тесно и... страшно. Не хочу, чтобы она боялась.

Глаза служащей крематория полны сочувствия и сожалений. Нужно улыбнуться ей в ответ, но я не могу. Кажется, мышцы, ответственные за улыбки, сковало судорогой или они

совсем разучились работать.

Место на кладбище стоит денег, но меня уже почти разорил крематорий, поэтому я еду в Западный Ванкувер к открытой воде, туда, где всё самое лучшее и важное для меня закончилось. На пирсе в этот холодный мартовский день есть только я и чайки. Поднимаю глаза на высокую ель рядом с детской площадкой, чтобы проверить, прилетел ли сегодня орёл, гордая птица, облюбовавшая это место. И он есть - восседает на своей обычной ветке, на самой верхушке ели, но смотрит не на залив, как обычно, а на меня.

- Здравствуй! - говорю ему, и он словно отвечает «здравствуй».

Не часто мой орёл прилетает, но сегодня он здесь, будто знал, что увидимся в последний раз.

Открываю простую урну и высыпаю пепел в беспокойную серую воду. Сильный, порывистый ветер мгновенно уносит крохотную горстку, рассеяв над водами мрачного залива.

Уже почти месяц как я не верю в Бога, поэтому в моём сердце сегодня нет молитв. Но есть слова:

- Прощай, Лав... Я люблю тебя... Я всегда буду тебя любить, больше мне некого.

Поздний вагон скайтрейна несёт меня в точку, называемую домом. Мимо проносятся высотки жилых домов, строительные краны, корпуса промышленной зоны, воды заливов, мосты с белыми тросами и фонарями.

Внезапно понимаю, что неосознанно ищу «место». Шарю глазами по проезжаемой местности, оценивая высоту и расположение моста, подходящие места на стройках, железнодорожных путях. Да, пути, пожалуй, это самое простое и быстрое. Вены.

Странно ощущать себя настолько пустой - и в духовном, и в физическом смысле. Всё, что было до этого, стало вдруг незначительным, маловажным. Ещё месяц назад я пыталась выживать в жестоком и холодном мире, но у меня была причина. Впервые в жизни появился смысл, осознание своего предназначения и важности существования на Земле. Я нужна была маленькому человеку, так не вовремя и неправильно решившему родиться, но неожиданно ставшему моим светом. Ему не было дела до морали, нравственности, табу, его не тревожили мысли и слова людей, медицинские соображения и законы генетики, он просто жил. Рос во мне, ждал своего рождения. Моя дочь, моя маленькая Лав.

Я больше не верю в Бога. Нам врили, что Бог – это любовь. Но любящее существо никогда не станет причинять страдания тем, кого любит. А в Библии ведь было сказано, что он любит нас. Как?! Как, в таком случае, он может допускать смерть детей, близких, любимых? Почему лишает женщин шанса на материнство, создав нас одержимыми потребностью стать матерью? Вложив в каждую нашу клетку ген, толкающий на заведомо безумные поступки ради одного только – родить.

За что он наказал меня? Если за то, что переспала с кровным братом, то где тогда его логика? Он же сам создаёт нас слабыми и сам изобретает соблазны! Зачем он «наградил» меня этим чувством? Зачем он дал его ЕМУ? Зачем сделал неистребимым, непотопляемым, корёжащим наши жизни «поодиночке»?

Он устраивает для нас экзамены. И мы должны сдавать их своей болью, страданиями. Чем тебе больнее, тем выше оценка за слепое следование вере и его заповедям. Если он и вправду есть, то я больше его не признаю.

Я остригла волосы на голове. Совсем. Вначале отрезала кухонными ножницами пряди, затем намылила голову гелем для мытья рук и обрила женской бритвой. Получилось

здорово: голова как яйцо!

Если физически я больше не женщина, то зачем мне красота?

Правильно?

Правильно.

Разглядывая своё отражение в зеркале тесной ванной, прихожу к выводу, что мои брови слишком тёмные и ровные, чтобы позволить им быть на моём лице. Сбрываю и их.

Утром бабка из соседней квартиры, увидев меня, роняет кота: не мудрено, после больницы во мне осталось тридцать восемь килограммов. Я похожа на экзоскелет. Вейран мог бы использовать меня для разработки своих игр.

К несчастью волосы быстро отрастают, а брить их через день мне лень.

Я устала жить. Моя жизнь – борьба, в ней нет ничего хорошего. Было однажды и длилось чуть меньше года, но после – ничего. Я живу воспоминаниями слишком долго, и слишком мало их, чтобы растянуть на всю остальную лилово-фиолетовую, как мои синяки, жизнь.

Почти не выхожу из дома, но скандалы лэндлорда уже вваливающегося в мою квартиру без стука, открывая дверь своим ключом, вынуждают разорвать пузырь меланхолии и искать работу.

Линнет приказала мне сразу после выписки обратиться к психотерапевту: по её словам, да и по моим собственным подозрениям, мне требуется длительное медикаментозное и консультационное лечение. Но я никуда не иду, и не потому, что мне всё равно, или дают о себе знать придурковатые принципы: у меня попросту нет денег. Как и на плановое посещение гинеколога спустя два месяца, а потом через год. С другой стороны, зачем мне гинеколог? Что он будет во мне лечить?

Работодатели даже самых либеральных взглядов, даже полностью покрывшие своё тело татуировками и пирсингом, выкрасившие волосы в синий или лиловый цвет, не берут меня на работу, потому что, очевидно, на моём лбу каким-то образом написано «с ней всё не так!». Один добрый чувак из захудалого бара, неспособного предложить ничего больше минималки, открыто заявляет:

- Мне не нужны проблемы. Ты же можешь загнуться прямо на смене.

Смены, разумеется, не бармена, а официантки.

Май. Сажу в парке, греюсь на солнце. Жду, сама не знаю чего.

Ко мне подходит ребёнок: светловолосый мальчик с каре-зелёными глазами. Мне тяжело дышать, глядя на него, а он всё стоит и смотрит на меня, разглядывает, как экспонат в музее.

- Ты наркоманка?

- Нет.

- Бомжиха?

- Ещё нет.

- А что с тобой не так тогда?

- Мне просто плохо. Очень плохо.

Подбегает мамаша, хватая сына за руку, отчитывая на ходу за то, что «побеспокоил леди», и бросает неловкие взгляды.

А меня давно уже никто кроме лэндлорда не беспокоил. Нет, вру! Лурдес звонила, сказала, что у неё такой токсикоз, какой я вряд ли могу себе представить. Обещала приехать, как только полегчает, но я соврала, что уезжаю. Надолго. Может быть, навсегда. Про

«навсегда» я ей не говорила, только подумала про себя.

Я лежу в своей квартире в темноте и слушаю своё дыхание: вдох-выдох, вдох-выдох. И зачем только я дышу? Ещё и сердце барахтается. Для чего?

Вокруг меня тишина. Не полная, потому что фоном из окон всегда доносится шум города, гул автомобилей на далеком хайвее, свист подъезжающего к станции скайтрейна. Но всё-таки тишина: никого нет рядом, в квартире пусто. Это плохо или хорошо?

Я одна и это плохо, но никого нет, и это... хорошо.

Глава 25. Oxygen In My Lungs

Депрессия является незаметно, мягко ступая по осколкам разбитых жизнью, разрушенных надежд. Ты слишком устал, чтобы заметить её, слишком вымотался, пытаешься принять то, что навязывает тебе жизненный сценарий. Много думаешь, но почти всегда о малозначимых вещах, и незаметно теряешь интерес к происходящему, безразлично наблюдая за сменой картинок на экране. В этом кинотеатре ты совершенно один, но и одиночество тебе безразлично.

У меня полное истощение души и тела.

Я начала себя чувствовать уставшей. Постоянно. Появилась жуткая бессонница: я не сплю каждую ночь с двух-трёх утра. Начались приступы тахикардии. Но я придумываю причины и оправдания: то бессонница наследственная – мать страдала, то тахикардия от того, что недавно пережила. А усталость, ну кто не устаёт? Так я жила до осени, пока у меня не появились навязчивые мысли. Мысли убить себя. И тут мне стало страшно. Очень страшно. Но я всё ещё надеялась, что справлюсь самостоятельно со своим недугом – я же специалист! Но в сухом остатке за эти месяцы почти перестала общаться с людьми, всеми силами избегая ситуации «надо держать лицо». Я не звонила и не писала. Совсем. Я много чего перестала делать: ощущение, будто психика «отрезала» ненужное в целях сохранения себя самой. И только подойдя к черте, которую очень страшно переступить, я поняла, что мне необходимо начать лечиться медикаментами.

Однако это понимание оказалось задвинуто на второй план внезапно возникшей идеей «фикс»: посмотреть на цвет плитки в ванной спальни Дамиена.

Однажды в Италии, спасаясь от жары, мы случайно забрели в магазин облицовочной плитки. От её ассортимента даже у нас, совсем ещё молодых, появилось желание что-нибудь «облицевать». Дамиен, пересмотрев все предложенные в шоу-рум варианты дизайнов санузла, остановил свой выбор на чёрной:

- Смотри, как классно смотрится! – глаза его горят восхищением.

- Да, - соглашаюсь, - красиво. Но не практично: на чёрном будут сильнее видны разводы.

- Ну и что! Зато представь нас с тобой в просторной ванне-джакузи, вокруг свечи и их отражение в чёрных зеркалах!

И я представляю. Очень отчётливо.

- Я же вижу: тебе нравится! – всматривается в моё лицо с улыбкой. – Решено! В нашей спальне будет чёрная!

- А мыть её кто будет? - корчу рожу.

- Горничная! – уверенно заявляет.

И теперь меня уже разбирает смех:

- Размечтался! Ну ты и самоуверенный фрукт!

Он оказался прав в своих амбициозных ожиданиях – горничная у него наверняка есть, вряд ли их унитазы отмывают изящные руки Мелании. Но цвет плитки мне неизвестен. Желание выяснить его постепенно становится навязчивой идеей, пока не перерождается в марзматический поступок: я вламываюсь в их дом.

Случай представился сам собой: газеты пестрили снимками с отдыха знаменитой пары - известного режиссёра и его прекрасной супруги. Я, чокнутая и безумная, вспоминаю об электронном ключе в её телефоне и без малейших препятствий вторгаюсь в их дом, на их территорию. Мне только нужно посмотреть, какого цвета плитка в ванной их спальни. И всё.

Дом огромен, он раза в два-три больше родительского. Задаюсь вопросом: зачем двум взрослым и одному крошечному созданию настолько большое пространство? Ах да! Он ведь хотел пятерых детей... для большой семьи нужен большой дом.

Закусываю нижнюю губу, потому что большой палец, вдавленный в ладонь, не помогает. Холл соединён с гостиной, и сквозь его витражи видны далёкие огни противоположного берега реки Фрайзер. Днём, наверное, здесь открывается сногшибательный вид. Роскошный. Дамиен всегда мечтал жить у реки, а я бы смотрела из окон своей спальни на море. И он однажды сдался, согласившись, что если мне не понравится река, то у нас будет море. Он обещал.

Поднимаюсь по лестнице и попадаю в другой холл, в нём всего три панели витражей, смотрящих всё так же в сторону реки, и двери. Множество дверей. Одна из них приоткрыта, тонкая полоска тусклого золотого света расчерчивает тёмный пол по диагонали. Мои уши улавливают едва различимый размеренный ритм, тонкую, словно капельную мелодию – я знаю, что это. Это детская карусель, я имела несчастье разглядывать такие же в Toysrus. И теперь проклятая память изматывает меня воспоминаниями: я не успела купить, но сделала свой выбор, и у него в репертуаре имелась эта мелодия. Купол проектора, три цветных медвежонка с крыльями бабочек, мечтающих во сне о полётах, и волшебные огоньки на потолке: цветы и бабочки, кружащие в танце младенческой беззаботности.

Ноготь впивается в уже травмированную кожу моей ладони. Недели, проведённые в больнице, изменили меня не только внутренне, но и внешне – слабость во всём, даже в слое защитного эпителия рук. И не только их, нет у меня защитного эпителия, а был бы – меня бы здесь, наверное, не было.

Странные мысли роятся в моей голове, главная из них – осознание собственной ущербности и проблем с рассудком. Я понимаю, что совершаю бредовые поступки, догадываюсь, что психически нездорова.

Мне нельзя входить в комнату, где в кроватке спит их ребёнок. Мне нельзя его видеть. Кроме того, я понимаю, что няня, вероятно, находится в той же комнате, и если заметит меня – моим домом станет полицейский участок. А я этого не хочу. Слишком много дней в больничной камере, ещё одну я не выдержу.

Рядом с детской дверью другая, более широкая, с замком под рукояткой. Это она – их спальня. Других таких дверей в этом пространстве роскоши нет, эта – самая вызывающая – master bedroom.

Беззвучно надавливаю на медную ручку, ощущая под пальцами рельефный узор, ожидаю найти её запертой, как когда-то всегда была заперта дверь в комнату Дамиена - его загадочную мансарду, которая впоследствии стала укрытием для нашего молодого обречённого чувства. Иногда я думаю о том, что оно потому и родилось таким сильным, что было с самого начала обречено. Будто те, кто там, наверху, играли в особенную игру, изощрённую.

Дверь неожиданно открывается и словно нарочно не издаёт ни скрипа, ни клацанья, ни единого звука. И я вхожу. Длинные прямоугольники лунного света легли на большую кровать и пол, покрытый белым ковром с коротким ворсом. В комнате настолько светло, что

я могу различить даже его замысловатый персидский рисунок. Увидеть во всех деталях стоящее у стены трюмо с десятками выдвижных ящиков и фото в серебряных рамках на столешнице. Конечно, на них их «пара». Они в свадебных нарядах, которые я уже тысячи раз видела в журналах и сети, они в каное, одетые в спасательные жилеты, они на фоне Коллизея, на фоне каналов Венеции, на фоне собора Дуомо, на просторной террасе дорогого отеля во Флоренции...

В сети я такого не видела, и ноготь, кажется, разодрал плёнку, называемую кожей. Слезы скатываются градом, руки механически выдвигают ящики, наполненные косметикой, бижутерией, духами.

У меня нет ни одних французских духов. Даже кольцо не осталось, потому что Вейран забрал своё, когда уходил. И мне было плевать, я никогда его и не носила. Быть может, содрать его с моего пальца он бы и не посмел, а так... всё равно ведь без дела валялось, а он деньги потратил. Теперь ведь они ему нужны на другое или... новой жене вполне можно подарить и это.

В одном из ящиков аккуратно сложены аптечные тесты для определения беременности и дней овуляции. Календарь менструаций, заполненный от руки – они снова планируют.

И я кусаю ладонь.

Кусаю до боли, так, чтоб точно отпустило. Во рту вкус металла, и я вспоминаю, зачем пришла – ищу глазами дверь в их ванную и нахожу две двери.

Вхожу в первую и вижу красную плитку на стенах. На полках у зеркала женские принадлежности. Вхожу во вторую, и мне даже не нужно искать глазами крем для бритья или мужской одеколон – плитка на стенах чёрная. Яркий свет у зеркала, гранитная раковина, и на её бортике – его баночки и тюбики. Всего три – дорогой французский одеколон, крем для бритья, шариковый дезодорант, он всегда пользовался именно таким. В стакане – две зубные щётки. Может быть, он теперь утром чистит одной, а вечером другой? Может быть, они разной степени мягкости? Огромная кабинка душа, достаточно просторная, чтобы уместить троих. Мои глаза шарят по полкам, и я вижу то, что хочу видеть меньше всего – мужской шампунь и рядом женский. Мужской гель для душа и рядом женский.

И мои зубы впиваются в уже развороченное место прошлого укуса. Лурдес была не права: они живут жизнью нормальной счастливой пары, моются вместе, и не только - они планируют. Активно.

И я уже рвусь выходить, когда глаза вдруг замечают в углу плетёную корзину для белья, а в ней – его футболка и бельё, её шёлковая ночнушка и бельё. Они делали это прямо перед отъездом, и их горничная ещё не успела убрать.

Я долго сижу на их мягком персидском ковре и смотрю на чёрную реку, поблёскивающую чешуйками в лунном свете. Кусать ладони бесполезно – из глаз льётся без остановки. Нужно просто переждать, переболеть и потихоньку выбираться отсюда.

И я бы убралась, если бы не услышала шаги няни, спускающейся вниз. Это означает, что в детской никого кроме ребёнка больше нет.

Я не упускаю свой шанс: в два прыжка моя сумасшедшая сущность нависает над детской кроваткой.

Он такой крохотный, их сын...

Такой малыш...

И так сильно похож на Дамиена! Такие же волосы, нос, губы, красивые брови. У него и глазки, наверное, зелёные!

Моя рука в свете ночника кажется ещё более тощей, чем есть, и противно видеть, как она смеет коснуться маленькой пухлой ручки, сжатой в кулачок.

Моя грязная во всех смыслах рука. Женщина, переспавшая с собственным родным братом и наказанная за это. Существо, совершившее так много плохих поступков, что расплата выбила у него землю из-под ног. И теперь оно, проникнув в чужой дом, смотрит на чужое счастье своими завистливыми зарёванными глазами и думает, что лучше бы не рождалось совсем.

Я разглядываю ребёнка и понимаю, что как бы ни боролась – мне не выжить. Не вынести всего этого, не смириться, не научиться терпеть и подавлять боль, ненависть, злобу, отчаяние. Они жрут меня день за днём, выдирая из души куски. И я чувствую, как с каждым днём становлюсь всё более полой и бесполезной, чувствую, что ненавижу уже саму себя.

Я кладу ладонь на мягкий животик, обтянутый комфортной тканью полосатой кофточки. Глажу сына Дамиена по голове, ручкам, трогаю его милые бровки, и внезапно ощущаю облегчение – эмоции, сжимавшие тисками моё сердце, отпускают, давая вдохнуть свободно, без боли и злости. Без желания навредить, отомстить.

- Малыш... - шепчу ему, - ты такой хорошенький... Твой папа, наверное, так гордится тобой, так любит! Я бы тоже тебя любила, если бы ты только был моим! Ты скажи мне, если твоя мама обижает тебя, обязательно скажи! Ты, наверное, не знаешь, но я очень сильная и умею защищаться! Я и тебя смогу защитить, если тебе это нужно! Ты только скажи мне!

Наверное, моё воспалённое дыхание разбудило его. Наверное, мой шёпот был слишком громким, и теперь он смотрит мне прямо в глаза. Смотрит, не моргая. Я улыбаюсь ему самой искренней и самой счастливой своей улыбкой, потому что в это мгновение моя история словно делает откат назад, туда, где мне самой только год, где я - полноценное, любимое обоими родителями создание. Меня ещё никто не бросал, не усыновлял, не умирал, не обещал любить и заботиться до самой своей смерти, в этой вспышке сознания я абсолютно счастлива.

Он тянет ручки, и я протягиваю свои. Не понимаю, как ребёнок оказывается у меня на груди, и откуда я знаю, как правильно его держать, но мы будто всю жизнь знакомы, и он и должен вот также расслабленно засыпать на моём плече. Я пою и понятия не имею, откуда знаю слова колыбельной о маленькой звёздочке, мерцающей в ночном небе.

Мне хорошо, ему хорошо, нам обоим хорошо. Его глаза закрыты и мои закрываются тоже.

А открывшись, видят перед собой няню, эмоционально орущую адрес этого дома в трубку мобильного телефона.

Аккуратно кладу ребёнка в кроватку, и он во сне цепляется своими крохотными пальчиками за ткань моего свитера. Он не хочет меня отпускать, но мне нужно уходить, уносить ноги. Я не могу в камеру, мне нельзя. Я нездоровый человек, и тюрьма – последнее, что случится в моей бестолковой протухшей жизни.

Мне так хочется света. Так безумно хочется крохотный комочек своего собственного счастья, цепляющегося своими ручками за мои рукава, ищущего во мне защиты и любви.

Я бы любила его больше жизни. Больше себя, больше Дамиена. Я любила бы его так, как только мать может любить своё дитя.

Безмозглая нянька заперла меня в детской. Где Дамиен нашёл это тупое создание? Между безопасностью ребёнка и поимкой вора она выбрала второе? В какой степени крестинизма нужно находиться, чтобы такое сотворить?

Полиция приезжает через двадцать минут. За этот срок малыш мог погибнуть от рук маньяка двадцать раз. Бред. Просто бред в головах у этих людей.

Я узнаю, что такое ледяной металл на запястьях. Узнаю, как унижительно, когда тебя «бережно» тычут лбом в стену и так же «бережно» шарят по твоему телу.

Две ночи в камере кажутся мне чистилищем. Я не ем то, что мне приносят, потому что тошнота, кажется, забила горло навечно. У меня есть только одно желание: чтобы всё, что бы это ни было, поскорее закончилось.

На третьи сутки я вижу Дамиена. Именно вижу: судя по выражению его лица и манере открывать рот, он орёт на меня. Он в бешенстве. Но проблема в том, что я его не слышу. Я вообще ничего не слышу, да и вижу с трудом. Я ничего не чувствую.

Глава 26. Metanoia

Дамиен

Она не отвечает. Ни на один из вопросов, которые я только что проорал в её лицо. Оно странное. Серое и будто неживое. Любой нормальный человек, даже виртуозно владеющий собой, хоть как-нибудь, но отреагировал бы на крики. На упрёки. Да хотя бы элементарно на режущие слух звуки! Я ведь в ярости. И слова мои – не слова: я оскорблял её, назвал впервые в жизни дурой... Идиоткой ещё... Хотя не впервые, в детстве называл, и не только так, но потом – нет. Не было такого. Больше не было.

Я смотрю на её безмолвное лицо, она не реагирует. И только теперь замечаю, что передо мной не Ева, а только её тень. Она не похожа на себя - настолько худой не была даже в детстве.

У неё острижены волосы. Я только однажды видел Еву с короткими, и то, лишь издали. Но на этот раз они выглядят так, будто едва-едва отрасли после бритья наголо...

Я не понимаю, почему не рассмотрел всего этого раньше, минуту или две назад?

В том месте, где раньше была талия, куда в юности я так любил класть свои руки, теперь ничего нет. Это не человеческий живот, нет... это нечто кукольное, неживое.

Запястья... Они ведь никогда не были тонкими! В Евиных руках не наблюдалось изящества, они были просто руками, и я любил их, но теперь... они даже не узкие, они – кости, покрытые настолько уязвимой кожей, что, кажется, коснись, и она порвётся.

Господи... и я не видел всего этого каких-то пару минут назад, куда я смотрел? И чем?! Что с моим зрением???

У меня жжёт в груди. Саднит так, что рука самопроизвольно поднимается, чтобы прижаться к этому месту.

- Ева...

Она словно не слышит.

- Ева, - шепчу, как будто шёпот поможет мне больше, чем обычный голос. – Что с тобой?

Она продолжает неподвижно сидеть на своём стуле, и я опускаюсь на колени, чтобы лучше видеть её лицо. Оно безжизненное. Пустое, бледное, худое, лишённое всяких эмоций. Любых.

Прижимаюсь лбом к её лбу, закрываю глаза, хочу найти её, услышать и позвать... Позвать куда? К себе? С собой?

Я могу тысячу раз задать вопрос «Ева, что случилось?», и не получив ни единого ответа, знать его: ты, Дамиен, случился.

Ты это сделал!

Тебя не было там, где должен был быть. Ты не откликнулся, когда тебя просили, и не услышал, когда звали.

Так не бывает, чтобы без причины и сразу в пустоту, в отрицание, всегда должно быть основание!

И я знаю, какое оно. Чувствую. Каждой своей клеткой ощущаю бездну её боли:

- Ева... - шепчу.

Какие тут крики... тут не на кого кричать, это не женщина, девочка! Сколько в ней? Килограммов сорок? Тридцать пять?

- Ева, ты слышишь меня?

Но она словно онемела. Тело как неживое. Пальцы синие и тонкие. Душераздирающе тонкие.

- Ева? Что с тобой? Что у тебя случилось, Ева? Скажи?

Ноль. Ноль эмоций, ноль движений. Не человек, но и не камень, полуживое существо.

Мысленно воздаю должное собственному благоразумию, что додумался не пускать сюда Мел: она не должна видеть Еву такой, не имеет права.

Беру худые руки в свои и ужасаюсь ещё больше – они ледяные. Сжимаю их в ладонях и пытаюсь согреть теплом своего дыхания – неосознанный жест откуда-то из детства.

- Господи, Ева... Что они делали здесь с тобой? Что?

Набираю воздух в лёгкие и сжимаю губы. Чёрт возьми, от такого зрелища даже моя выдержка трещит, грозя рассыпаться.

И я зажимаю рот рукой: что тут происходило, пока я загорал в Майями и трахал охреневшую от денег и удовольствий жену?

- Ева... - снова зову, но результат тот же.

Опираюсь лбом на свою ладонь и пытаюсь понять, что делать. Ева не в себе, и ей нужен врач. Наверное, психиатр. Ей нужен специалист, это ясно, но не понятно другое: какого дьявола она выглядит настолько физически больной, истощённой? Я уже видел однажды такое, и это был рак.

Самая страшная мысль – она больна и мне не сказала. А ведь у неё никого кроме меня нет.

Боже, какой же я идиот... Я оттолкнул её тогда, она обиделась и... не сказала?

Меня бросает вначале в жар, затем в пот. Расстёгиваю ворот рубашки. Мне нужно собраться с мыслями. Обращаюсь к охране:

- Где её адвокат?

- Она сказала, у неё нет адвоката.

Спустя секунду добавляет:

- И близких тоже нет. Государственная защита будет только в понедельник. Обвинения серьёзные, залог за неё выплачивать некому, поэтому она пока в камере.

- Вы слепые, не видите, что она не себе? – не выдерживаю.

Полицейский с лоснящимся лицом смотрит на меня недоумевающе:

- Она спала! Здесь все спят!

- Она больна! Где ваши врачи?

- Мы приглашаем медсестру, если об этом просит заключённый. Она не просила.

Мои глаза закрываются сами собой:

- Какой залог?

- Это нужно решать с начальником участка.

- Твою мать... - выдыхаю.

- Я думал, Вы будете настаивать на суровом наказании! Она, насколько мне известно, проникла в дом и пыталась выкрасть вашего сына, мистер Блэйд!

- Это моя сестра! – ору. – Родная сестра! Нянька просто ни разу не видела её!

Он тут же теряет:

- Она не сказала, что вы состоите в родстве...

- А ты не видишь, что девушка не в себе, что ей нужна помощь?

Но он не сдаётся:

- Кроме того, родственники чаще всего и совершают кражи детей, - добавляет, не дрогнув ни единой мышцей на своём непробиваемом лице.

Очевидно, мои пальцы, сжимающие собственную физиономию в истерических попытках справиться с навалившимся грузом, приводят его в некоторое подобие чувства, и он предлагает:

- Вы можете забрать заявление. Но придётся заплатить штраф.

- Я заплачу, - тут же уверяю его. - Когда я могу её забрать?

- Это нужно решить с начальником участка, а он будет в понедельник.

- А если она не доживёт до понедельника?

Его лицо вытягивается, а я добавляю:

- Что она ела тут у вас? Она вообще что-нибудь ела?

- Нет, - признаётся. - Отказывалась от еды. Арестованные нередко это делают – протестуют.

- Это не тот случай! Ты сам разве не видишь?

Офицер бросает оценивающий взгляд на Еву:

- Она похожа на наркоманку. И у неё, скорее всего, прошла здесь ломка. Её постоянно тошнит.

- Мать вашу! – ору. – Какая ломка! Она больная! Вы слепые тут или тупые?

- Я попрошу... - офицер принимает угрожающий вид, затем неожиданно резко разворачивается и уходит звонить.

Через час начальник участка лично убеждается в неординарности сложившейся ситуации и отпускает Еву вместе со мной. Я везу её напрямик в госпиталь. И уже в приёмном отделении она теряет сознание. Точно так же, как тогда в юности, когда была больна пневмонией.

Только теперь мне некому звонить и сообщать о её болезни. Кроме меня на планете Земля больше нет ни единой живой души, кому нужна эта полуживая девочка. Спустя несколько часов я вспоминаю о Лурдес. Копаюсь в сотовом Евы, нахожу её номер, звоню:

- Лурдес?

- Дамиен?! – она удивлена меня слышать и почти сразу догадывается, почему я звоню. - Что случилось? Что с Евой? – в её голосе паника.

- Я у тебя хотел спросить, что с ней. У неё рак?

- Что?

Господи, она тоже не знает.

- Когда вы в последний раз виделись?

- Давно. Пару месяцев назад. Затем она пропала, не поднимала трубку, отвечала сообщениями, что занята. И да, мы говорили месяц назад, коротко. Она просила не беспокоиться, сказала, что заедет на неделе, но так и не появилась. Я чувствовала, что с ней что-то не так. Чувствовала!

- Если чувствовала, почему не нашла её сама? – упрекаю.

- Дамиен... я не её семья. Её семья – ты!

Ещё один нож в сердце.

- Я не почувствовал, - честно признаюсь.

- Что с твоим голосом? - я слышу, как её собственный срывается. – Что там у вас

происходит?

- Если б я знал. Мы с женой были на отдыхе, Ева пробралась в дом и пыталась выкрасть моего сына. Её арестовали, я приехал, а она... выглядит так, будто больна. Серьёзно больна. И она не отвечает. Ничего не говорит. Как мумия... Оцепенела. Застыла. Лу, что с ней?

- Кататонический ступор.

- Что это?

- Реакция на стресс. Мощный травматический стресс. Я приеду. Где вы?

Глава 27. Forest In My Head

Ева

Я не знаю, сколько времени прошло, и как его исчислять. Времени в белых стенах моей палаты нет, оно словно растянулось, как жвачка, в тонкую белую нескончаемую нить. Если бы не люди в зелёных костюмах, изредка навещающие меня и вкалывающие разнообразные жидкости в мои вены, я бы подумала, что оно и вовсе остановилось. Я знаю, что нахожусь в клинике. Понимаю, что меня лечат, но главное – осознаю, что мне это необходимо. Иногда я вижу Дамиена, но говорить с ним не хочу. Я не хочу его видеть. С этим лицом связано слишком много воспоминаний, и все они чересчур болезненны.

Мой врач – Эппл, красивая брюнетка, лет сорока, считает, что я не должна уходить от своей проблемы. Не должна пытаться забыть событие, спровоцировавшее настолько сильный стресс, что его результатом стало моё психическое расстройство. Она настаивает, что мне необходимо проработать проблему и принять её. Сжиться с ней, переступить, другого пути нет. А я не хочу признаваться, что стресса в моей жизни слишком много, настолько, что ни один даже самый психически здоровый человек не найдёт в себе сил со всем этим смириться, «проработать и принять». С чего мне начать? С мужчины, который оказался моим родным братом? Который обещал любить и заботиться, и делает всё это, только не в отношении меня? Или с тем, что из всех женщин он выбрал себе в жёны ту единственную, с которой меня связывают самые гадкие события в моей жизни? Что я не могу даже общаться с ним, видеть его ребёнка? Ребёнка... и вот мы подбираемся к главному: я никогда не смогу стать матерью. Это не так чудовищно звучит, как ощущается. У доктора Эппл две дочери и сын, их улыбки украшают её рабочий стол. Как ей объяснить, что моим рукам тоже нужна тяжесть собственного дитя? Что я такая же женщина, как она, как Мелания, и как все прочие, и мне необходимо выносить его, дать ему жизнь и всматриваться в цвет его глаз и волос, когда доктор положит маленькое измученное родами тельце мне на грудь? Что я хочу кормить этой грудью своего малыша, в конце концов? Что она умерла, моя дочь, от многочисленных ушибов и разрывов ещё только зарождающихся тканей? Она никогда не поймёт меня. И никто из них, физически и психически здоровых врачей психиатров, никогда до конца не осознают, что значит перестать быть женщиной, оставаясь лишь существом. Практически бесполом. Я даже не знаю, способна ли на секс теперь. Пациенты с моим типом резекции вполне могут испытывать боль и другие куда более неприятные последствия операции. Мне тридцать и я больше не женщина. Моё тело пустое, выпотрошенное как магазинная курица. И даже сама я похожа на неё – такая же синяя и безжизненная. Я нечто несуразное и никому ненужное. Как это принять? Как привыкнуть к этой мысли, как смириться и жить, но, главное, ЗАЧЕМ мне ТАК жить?

Мысли о суициде – признак глубинных проблем. Мой диагноз -F43.1 «Посттравматическое стрессовое расстройство». Мы с Лурдес едины в этом мнении, и мой лечащий врач Эппл с нами согласна.

Единственное лицо, которое я рада видеть, и которое помогает мне если не принять, то хотя бы на время забыть, это Лурдес. Она приезжает часто, но Дамиен чаще. И хотя мы не говорим с ним, он навещается каждый день. Каждый. Иногда я вижу его самого, иногда

только его машину под окнами моего корпуса. Он нарочно паркуется в неподобающем месте, уж не знаю, сколько штрафов заплатил, и хорошо понимаю, зачем он это делает – показывает мне, что ему не всё равно. Что он здесь, рядом, хотя я и не хочу его видеть. А он упорно не оставляет попыток добиться от меня разговора.

Я официально душевнобольной человек, и я в психушке. Мне можно молчать, если я хочу молчать.

Лурдес обещает выгнать меня из белых застенков, но просит поделиться моей тайной. Она утверждает, что знание причины моего расстройства даст ей возможность помочь, разработать стратегию лечения. А это позволит договориться с больницей о моём домашнем лечении под строгим надзором врача Лурдес Соболевой. Хорошего врача, между прочим. Это я - везде пятое колесо, а у Лурдес - достижения и репутация в профессии.

Мы гуляем в сквере, потом останавливаемся отдохнуть в беседке с надписью на французском «Une place de rendezvous». Лурдес достаёт из своей корзинки два стакана с латте из Старбакса и пирожные тирамису из Костко в стеклянных стаканчиках – мои любимые, «прямо из Италии в Канаду» – так пишут на их упаковке.

- Давай притворимся, что мы на набережной... какой-нибудь потрясающей Европейской столицы, пусть даже Парижа! – задорно улыбается.

И я понимаю, что она профессионально не упоминает Италию, заранее зная, что возможные мои ассоциации отдалят её от цели. Конечно, я догадываюсь, к чему все эти приготовления и весь этот спектакль. Она хочет узнать. УЗНАТЬ. ОН тоже хочет, поэтому и трётся здесь каждый божий день. И именно по этой причине я ничего ей не говорю: она расскажет ЕМУ.

Но Лурдес не стала бы успешной, если бы не была такой умной:

- Ева, Дамиен ничего не узнает, если ты сама не захочешь. Я сегодня не только твоя подруга, но и твой врач. Нам нужно вылечить тебя, и всё, что ты мне скажешь, будет оставаться тайной пациента и его доктора! – гипнотизирует меня улыбкой.

- Я расскажу, но есть условие, - внезапно соглашаюсь.

- Всё, что захочешь, дорогая! – её глаза загораются победным блеском.

- Перестань нудеть и улыбаться своими отработанными улыбками. Я чувствую себя болванкой на конвейере твоих пациентов!

Её глаза раскрываются шире нормального:

- Никаких проблем, больше не улыбаюсь!

- Да, создай мне персонифицированные условия – будь просто собой. И не давай чувствовать себя пациентом психиатра, - борзею.

- Окей, - тянет. – Так и сделаем!

- И без пафоса твоей звёздности. Я расскажу, но как подруге, точно не лечащему врачу.

- Я поняла, дорогая!

- И не называй меня «дорогая»! – злюсь. – Ты никогда этого не делала раньше и выдаёшь свой режим «я супер-пупер специалист»!

- Хорошо, Ева. Рассказывай уже! – со вздохом.

И по тому, как плечи моей лучшей подруги Лурдес опускаются, я вижу, что она вняла, наконец, моим просьбам. И поэтому решаюсь выплеснуть свою изнуряющую тайну на единственного человека, которому доверяю:

- Я была беременна от него.

Лурдес – психиатр. Но она не может сдержать эмоций, прикрывает рукой рот, и я вижу,

как блестят её карие глаза – вот-вот хлынет.

- Нет-нет, она была здоровенькой, моя девочка! Не думай! – спешу заверить.

Лурдес кивает.

- Шесть месяцев она прожила во мне.

Вздыхаю. Странное состояние: так легко говорить об этом. Наверное, они парализуют мои эмоции медикаментами.

- Нас сбила машина. И она умерла.

Подумав, добавляю:

- Вместе со мной. И у меня больше не может быть детей. У меня нет... больше нет того места, где зарождаются дети, - заглядываю в её глаза.

Интересно, как она это воспримет.

Плохо.

Очень плохо.

Странно. Она плачет, нет, рыдает, а я – нет. Мне почти не больно. Наука шагает семимильными шагами, научившись притуплять даже такую боль, как моя. А Лурдес точно сейчас не врач, она просто женщина, узнавшая о фатальной пробоине в теле и душе своей подруги. Её миссия – помочь мне, вылечить от душевного недуга, но как сделать то, что сделать невозможно?

Она долго подбирает правильные слова, чтобы утешить, а я напоминаю ей названия лекарств, которые держат моё сознание в зоне безопасного розового тумана. Лурдес кивает, соглашаясь:

- Специалист из меня ни к чёрту...

- Просто пациент тебе небезразличен, - теперь я успокаиваю её.

- Мне все пациенты небезразличны! – почти обиженно.

- Но этот особенно, - не сдаюсь.

- Это правда!

Мы обнимаемся, и Лурдес, заводная и всегда откалывающая филигранные шутки Лурдес, даже не улыбается. Не может. Ещё дважды у неё приступ рыданий, и я глажу её по голове:

- Ну хватит, хватит уже, - приговариваю. – Сосредоточься, тебе нужно продумать, как это можно принять и пережить.

Затем, схватив за хвост умную мысль, уточняю:

- Теперь ты понимаешь, почему Дамиену нельзя об этом ничего знать?

- Конечно, Ева. Конечно.

Она обнимает меня обеими руками и даже, что странно, поднимает локти:

- От меня он никогда не узнает. Ты сама ему скажешь! Когда-нибудь...

Спустя час, уже уходя домой и, отстукивая своими каблуками женственность по резиновому полу, она говорит кому-то по телефону:

- Да, рассказала. Но от меня ты ничего не услышишь. Ты... допустил ошибку, очень серьёзную. Фатальную.

Пауза. Она глубоко вздыхает:

- Боюсь, её уже никак и ничем не исправить. Никогда. Нет такого средства, не существует.

Всхлип. Я его слышу, но он меня не трогает.

- Нет, не скажу, не проси. Придёт время, и ты узнаешь от неё. В такие вещи даже врач не

имеет права соваться. Это чистилище только для двоих. Для вас двоих.

Ещё через время отвечает:

- Нет. Когда-нибудь она тебе расскажет. Когда-нибудь. Поверь, я знаю.

После этого их разговора Дамиен перестал донимать меня просьбами поговорить, но всё равно приезжал. Иногда просто сидел на одной из лавочек, иногда стоял, опершись на капот своей машины. Приезжал каждый день, но в разное время, ждал, что я сжалюсь и выйду к нему, но этого так и не случилось.

Лурдес сдержала слово и забрала меня из больницы. Уже сам этот факт, мне казалось, вылечил меня на пятьдесят процентов. Но это были, конечно, только иллюзии, и как человек с образованием в области психологии и психиатрии я понимала необходимость в медикаментах и сеансах терапии с Лурдес.

- Будем апробировать на тебе новую методику – встречи не в кабинете на кушетке, а после шопинга и в кафе!

Новая метода оказалась действенной. Мы стали «прорабатывать» и уменьшать дозу седативных препаратов и транквилизаторов. Подруга мягко взяла мою ладонь в свою и медленно, но уверенно, повела по известному ей пути, прочь из долины самоуничтожения.

Она научила меня, что тайна моего тела известна только мне, а привлекательность заключается в уверенности женщины, в её самоощущении, самопризнании и самопринятии. Лурдес твердила, как важно любить себя всякой, но при этом никогда не оставлять попыток стать лучше.

Глава 28. Скорость

Дамиен

Обе мои руки на диске руля верного Мустанга Шелби. Дорога подчиняется ему, отдаётся четырём колёсам одной чёрной покорной лентой. Я на первом автобане: трансканадская трасса почти свободна в 3:30 утра.

Нет никого: ни встречных машин, ни двигающихся со мной в одном потоке.

Я один.

Совершенно один. Как и всегда, как и всю свою грёбаную жизнь.

На спидометре 130 км/час, мимо пролетают дорожные знаки и электронные табло, напоминая отчаянным лузерам о скоростном режиме.

Но я не могу медленнее, сегодня не могу, потому что скорость – моя стихия. Единственное состояние, в котором я полноценен. И мне нужно прийти в себя, ожить, ощутить вкус жизни.

Поэтому моя ступня одержимо выжимает педаль газа: 140, 155, 170, 190...

Моя жизнь не так проста, как эта дорога, не так предсказуема. Я нёсся на полной скорости, пока не упёрся в затор. Объезжая, лавировал, и не понял сам, как съехал не туда, потерял свой путь.

Я еду не в том направлении. Это не моё место назначения. Это не оно.

Но ведь ещё не поздно свернуть? Раскрыть карту, найти съезд с этой разбитой дороги, и выехать на верное шоссе?

Ева...

Сердце вопит, что я в ответе за неё. Не родители, не люди, а я. Только я.

Что я сделал не так?

Ошибся.

Где? В чём именно?

Догадываюсь, когда это произошло – после похорон. Но не имею понятия, что с ней случилось.

Лурдес сказала, узнаю когда-нибудь. Однажды Ева всё расскажет сама. Однажды. Если найдёт в себе силы. Если доживёт.

В груди давит, в груди саднит. Больно и тяжело дышать. Трасса, огни фонарей, лобовое стекло расплываются.

Я кричал на неё. Я обидел. А ей нужны были мои руки, правильные мудрые слова, моё понимание, моя поддержка.

Она позвала меня, это был её зов, её способ прокричать, как ей плохо. Она попросила о помощи, но я не понял, а когда это случилось – было уже слишком поздно.

Из-за меня Ева провалилась, из-за меня. Я знаю. Ведь когда вошёл в ту жуткую комнату, видел в её глазах жизнь, мгновения, но она там была.

Меня ждали.

Ждали, что приду и успокою, сниму боль, помогу справиться, вырваться.

Но я накричал. Толкнул её в отрицание всего и всех.

Мне нужна моя машина и дорога. Я всегда находил все ответы в пути, в скорости. В

красоте движения.

Но не в этот раз: ответов нет, я в растерянности от собственного бессилия, и это меня убивает. Никогда ещё мне не было так больно и настолько страшно: Еве плохо, моей ЕВЕ!

И я ничего не могу сделать.

НИЧЕГО.

Меня больше нет в её мире, в той пустоте, где её душа нашла временный покой.

Когда предают чужие - тяжело, но когда близкие – это сбивает с ног. Убивает.

Я предал её.

Предал.

Не услышал. Не понял.

В моём большом доме живёт семья: красивая и умная женщина, здоровый сын.

Но мой Мустанг не летит над дорожным полотном, как должен был, он вязнет в болоте. Весь в налипшей грязи, он едва ползёт, ведь его водитель понятия не имеет, куда и зачем едет.

Только однажды моя жизнь была ровной прямой трассой, а сам я плавал в кайфе немислимой скорости своего движения. Это было давно и длилось всего год. Один единственный год я был счастлив.

Счастлив любить женщину, не зная, что она – моя родная кровь, сестра, мой близнец.

Годы прошли, я делаю, что должно, живу по совести, воспитываю сына, стараюсь любить жену. А в груди гнилая рана и боль. Тупая, но привычная боль от осознания безысходности. Тупика, который не обойти.

Я люблю свою сестру, но любовь эта совсем не родственная. Я люблю её так, как мужчина любит женщину, и эта женщина сейчас, как никогда, близка к гибели. По моей вине.

Я чувствую, я знаю.

Дариус спит в своей кроватке - Мел перетащила её в нашу спальню, потому что няню я уволил, а новую мы пока ещё не нашли. И вряд ли сможем после всего, что случилось.

Целую сына, поправляю голубое одеяльце, которое сам же и выбирал, ожидая его рождения, смотрю на него спящего и наблюдаю за тем, как в груди поднимается новая волна тянущей боли. Я не понимаю её природы, но чувствую, что пропустил нечто важное, имеющее первостепенное для меня значение. Что-то такое, что было главным, именно тем, зачем я и явился в этот мир.

Мне его не хватает, недостаёт этой, самой нужной детали, и моя душа мечется, бьётся о стёкла и стены, пытаюсь отыскать то, что уже невозможно найти. Оно утеряно безвозвратно, поэтому Еве так плохо. Она знает и болеет в одиночку, даёт мне возможность жить правильно, беззаботно, но, глупая, не догадывается, что это невозможно. Когда один из пары, связанной так, как мы с ней связаны, болеет – второй неизбежно захворает тоже.

И я догадываюсь. Мне не известны факты, но каждая моя клетка инфицирована этим внутренним «знанием». Знает и болит.

Я заставил себя жить дальше, выбрал путь, одобренный моралью, и мне даже казалось, что всё получается, если не обращать внимания на сны, в которых всегда Ева, или вообще бессонницу, наполненную воспоминаниями нашего года вместе. Но теперь, после увиденной душераздирающей картины уничтоженной духовно и почти уже физически Евы, я не смогу больше играть в этой пьесе. Мои ноги сами несут меня прочь со сцены. Опостытели декорации.

Мел спит. Мне видно её лицо и грудь, щедро открытую в синей шёлковой ночной рубашке. Мы купили её в Риме, в одном из фешенебельных бутиков недалеко от Испанской лестницы. Помнится, она стояла состояние, и я тогда почему-то вспомнил, что точно на такую же сумму мы прожили с Евой во Флоренции целую неделю. Ева ничего не просила из вещей и побрякушек, а мне хотелось подарить ей весь мир и себя в придачу.

С каким трудом она приняла моё кольцо! Вспоминаю её причитания и улыбаюсь, так весело, легко и светло на душе становится. Озабоченное неловкостью лицо, перепуганные глаза, она тогда ещё не понимала, что всё моё - и её тоже. Что мы – одно целое. Что нет для мужчины препятствия «дорого», когда он хочет надеть на палец любимой кольцо – символ его чувств к ней. Даже если для этого ему придётся вывернуть все карманы и напрячься кредитками. Ведь повторений таких моментов в жизни не бывает, они уникальны, как и то чувство, которое лишь однажды расцветает в твоей груди. Оно не подлежит копированию, повтору. Нельзя нажать на паузу, перемотать и включить заново. Нельзя. Нужно ловить момент, и я хватал все, до единого.

Особенно в спальне. С видом на Лигурийское море или плесневелую кирпичную стену старой развалины в Вероне, на узкую романтическую улочку в Венеции или на блестящую ленту Арно с перекинутыми каменными мостами во Флоренции - все моменты были нашими. Я целовал, как безумный, скользил губами по коже, ласкал и пробовал на вкус языком каждый квадратный сантиметр любимой женщины. Ещё до неё меня называли неутомимым, но та сила – ничто в сравнении с бесконечной жаждой, изнуряющим голодом и потребностью в теле и ласках девушки, от взгляда которой сходишь с ума. Жаждешь близости с ней каждую секунду, и все эти желания исполняешь.

Я грешен. Прожил год в одном из самых больших грехов - в инцесте. Любовь между братом и сестрой неправильна, а потому запретна. Но почему именно этот грех – самое лучшее, что случилось со мной в жизни? И я готов за него ответить, но при одном условии: пусть мне позволят грешить ещё.

Моя жена спрашивала, какой цвет я люблю, и теперь большая часть её гардероба синяя, как и эта кружевная рубашка, созданная для женщин, умеющих и знающих, как соблазнять. Но оттенок, увы, как и дороговизна шёлка и кружев не обладает магией. Они не способны сделать то, что отдано на откуп херувимам.

Я не люблю тебя, Мел. Никогда не любил, никогда не смогу. И ты об этом знаешь. Знаешь, но живёшь. Заботишься, рожаешь детей. И делаешь вид, что всё в порядке, когда твой муж пропадает по ночам на автобане.

Притворяешься спящей, нервно подрагивая ресницами, удерживая наиболее эффектную, с твоей точки зрения, позу. Наверное, именно так и лежат на своих супружеских ложах успешные, до изнеможения залюбленные мужьями жёны с фотографий в твоих гламурных журналах.

А я жесток и даже не подумаю облегчить твою участь: так и буду наблюдать за жалкими потугами сыграть со мной в любовь, вызвать в моём сердце и джинсах то, что возникнет само по себе только при одном условии – вместо тебя в любой тряпке пусть здесь появится ОНА.

Иногда я думаю, что было бы, узнай ты самую безнравственную, самую аморальную правду нашего с тобой супружества: в постели нас всегда трое. Твоё тело, моё тело, и ЕЁ образ. Глаза её. Губы. Волосы. Смуглая сладкая кожа на плечах, шее, груди, животе, бёдрах...

Я даже могу предположить, какие слова с брезгливостью вылетели бы из твоего рта: «Извращенец!».

Да, я извращенец. Моральный урод. И давно уже к этому привык. Смирился и живу дальше.

Неужели, наконец, ты не выдержала? Смотришь? Смотри. И постарайся спросить себя, что видишь и почему. Сделай хоть раз исключение, а? Посмотри правде в глаза!

Ева сейчас разозлилась бы. Спросила бы, где был, почему ночью, почему бросил одну, почему не взял с собой. Но ты никогда не спросишь, не скажешь правды, не выпятишь слабость, не покажешь злость.

- Иди ко мне! – зовёшь.

А я смотрю в твои глаза, и буду смотреть долго, чтобы ты увидела в моих, как до тошноты, до изнеможения устал играть роль твоего мужа! Опостылело всё, осточертело!

Ты обнимаешь меня, целуешь, а я не могу справиться с отвращением. Хочу отбросить тебя, отшвырнуть, как однажды уже сделал, но вместо этого, просто убираю твои руки.

И выхожу из дома в ранний рассвет.

В этот день я впервые изменю тебе с понравившейся девицей из бара. В этот день я в первый раз не вернусь домой ночевать. В этот день мой корабль сойдёт с твоей орбиты и больше на неё не возвратится.

Время «разговора» наступает очень быстро, гораздо быстрее, чем я мог бы предположить:

- С самого первого нашего дня вместе ты выносила мне мозг женитьбой! Получила, что хотела? Радуйся. О верности ты ничего не говорила.

- Брак сам по себе заведомо подразумевает верность супругов, Дамиен!

- Неужели?- меня разбирает хохот. Почти истерический смех.

Успокоившись, смотрю в её остекленевшие от обиды глаза и поднимаю вопрос о главном:

- А ты не слышала, что основа основ брака – любовь. Я ведь честно сказал тебе, что не люблю, и сделал это очень давно. И ни тогда, ни позже тебя эта несущественная деталь нисколько не волновала, потому что твои личные интересы были соблюдены, не так ли?

Мелания сжимает добела губы, и это говорит о том, что она не просто зла, она в бешенстве. И мне это нравится:

- Так за каким дьяволом, скажи на милость, меня должно волновать то, что ты думаешь по поводу моих развлечений?

Её рука залепляет мне звонкую пощёчину, и, несмотря на горящую щеку, я добавляю:

- Ты получила то, чего большего всего хотела в своей жизни, так не мешай мне теперь получать своё!

Она снова замахивается, но мне достаточно и одного удара – перехватываю её запястье:

- Что с твоим кодексом мудрой жены, Мел? Не работает? Не вышло по-твоему? Не получилось полноценной семьи?

- Будь ты проклят! – выплёвывает.

- Уже! Причём с самого своего рождения!

Глава 29. Ещё удар

Это случилось в конце весны. Ещё один удар, хотя, казалось бы, что ещё может произойти в жизни Евы? На моей планете и так апокалипсис, так какой же смысл врезаться в неё случайному метеориту? Но неет! В небесной канцелярии мне выписали ещё одно испытание, с циничным спокойствием заверив, что если переживу и это, то точно получу первый приз в конкурсе на выживание! «Непотопляемая Ева» - буду зваться отныне и во веки веков! Тараканьи бега, ей Богу!

Дамиен попал в аварию.

Никто мне не звонил и не сообщал о беде с братом, я прочла сообщение в сводке происшествий Метро Ванкувера, а в разделе развлечений и новостей сферы искусства моему брату уделили даже полстраницы, главным образом сфокусировавшись на «пикантных подробностях».

В момент катастрофы Дамиен находился в машине вместе с актрисой - восходящей звездой Люсиндой Мендес двадцати трёх лет отроду. Потрясающе красивая шатенка со сказочно большими глазами, управляя автомобилем марки Мерседес, выехала на перекрёсток, невзирая на жёлтый сигнал светофора, и не успела избежать столкновения с пикапом марки GMC.

«Удар пришёлся с правой стороны, где на пассажирском сидении находился молодой, но уже нашумевший своими работами режиссёр Дамиен Блэйд. Мендес отделалась сотрясением мозга и шоком, в то время как у Блэйда серьёзные, угрожающие жизни травмы. В настоящее время режиссёр находится в реанимации госпиталя, его состояние стабильно, но согласно озвученной его женой информации, Блэйд получил тяжёлую травму позвоночника и вряд ли сможет снова встать на ноги. Если выживет».

Строчки плывут перед глазами:

«Создатель нашумевших картин «Спинной мозг» и «Опиум», номинант всемирно признанных премий, победитель многочисленных конкурсов и участник фестивалей Дамиен Блэйд изменял своей супруге Мелании Блэйд с горячей латиноамериканкой Люсиндой Мендес. Пикантные подробности личной жизни Блэйда стали достоянием общественности после случившейся аварии. Жена режиссёра заявила о своём желании подать на развод».

Это даже к лучшему - наивно рассуждаю.

Вызываю такси, потому что понимаю: я не в том психическом состоянии, когда стоит садиться за руль, и если разобьюсь, кто же позаботится о Дамиене?

Мерзкий внутренний голос назойливо спрашивает: «А нужна ли ему твоя забота? Разве некому о нём позаботиться?». Но я упорно его игнорирую, чувствуя нечто, движущее меня подобно ледоколу навстречу препятствиям. Оно зовёт меня, убеждает, что брату, растоптавшему мою душу, сейчас некому помочь. Что он ждёт меня.

Бред, конечно, но чего ждать от человека, имеющего психиатрический диагноз? Ни одно заболевание не проходит бесследно, а особенно те, которые приключаются в голове.

Ну а если серьёзно, я билась в истерике, пока ехала в такси. Водитель несколько раз предложил остановиться и купить бутылку воды. Чтобы сгладить его шок и добиться понимания, я рассказала ему о своей беде. Иначе он бы просто высадил настолько

невменяемого пассажира.

Известие об аварии уничтожило все обиды. Они даже не потускнели - рассосались бесследно. Мне внезапно стало наплевать, с кем он спит, рождает детей, развлекается. Я хотела только одного: чтобы он жил. Пусть даже с ней, с Меланией, и пускай у них каждый год рождается по ребёнку, и все будут сыновьями, но только чтоб он продолжал жить. Потому что эту потерю, этот удар мне не вынести. Мы хоть и не видимся вовсе, но в последние годы я существовала только знанием, что где-то в пространстве нашей планеты есть родная душа. Пусть он наслаждается роскошью на курортах в другом конце света, купается в славе и внимании, спит с ненавистной мне женой или случайной актрисой, но живёт. Главное, чтобы жил.

Врачи отказываются со мной говорить, я не могу его увидеть:

- Только близкие родственники, - заявляет мне девушка с белозубой улыбкой.

- Я его сестра! – почти уже кричу.

- Миссис Блэйд не указала вашего имени в списке родственников. Мне жаль.

В течение четырёх дней я схожу с ума в холле госпиталя, но на пятый с помощью Лурдес мне всё же удаётся прорваться к Дамиену.

И я вижу его: обнажённые плечи и руки в синяках и ссадинах, на лице повязки, одна нога приподнята в гипсе. Узнать его можно только в деталях: в линии губ, очертаниях подбородка, скул и... алого мака на груди. Он странный, этот мак. Наши были идентичными, а этот - другой. Мой – маленький полевой цветок, дикий, а этот, что у Дамиена, выглядит так, будто расцвёл, стал больше.

Врач долго объясняет мне нюансы повреждений на теле брата и перспективы реабилитации. Я мало что понимаю, но у меня есть Лурдес, которая уверенно кивает головой, слушая диагнозы.

Вскоре Дамиена переводят из реанимационного блока в лечебный: у него повреждены ноги и позвоночник.

Спустя месяц врач приглашает меня на приватную беседу:

- Его физическое состояние плачевно, но с психическим дела обстоят гораздо хуже. Ваш брат в депрессии, причём в такой её форме, когда люди совершают слишком тщательно обдуманные поступки.

- Что вы имеете в виду?

- Он обратился к одной из медсестёр за помощью – попросил сильнодействующее снотворное или, например, Эквайт. Предложил ей деньги.

- И что это значит?

- Только то, что медсёстры не назначают лекарств, это делают врачи. А мы, врачи, не даём подобные вещества больным в состоянии глубокой затяжной депрессии, либо делаем это под наблюдением.

Конечно, я сразу уловила её мысль, но шок и боль, тисками сжавшие грудную клетку, не давали возможности поверить:

- Он планирует самоубийство?

- Скорее всего – да.

Её лицо не выражало эмоций. Для неё Дамиен – один из десятков пациентов, один из множества схожих, поддающихся классификации случаев. Обычное дело, каких были сотни или тысячи в её практике, и которые ещё будут случаться, происходить в жизни таких уязвимых людей.

Мелания не приходит к нему. Вернее, она была только однажды – приводила сына. Мне пришлось выйти из комнаты, чтобы дать им возможность побыть наедине. Они ведь семья.

Но все последующие дни законная жена не появлялась, и мысли Дамиена о том, чтобы покончить с собой, скорее всего, прямое следствие такого поведения жены.

Я набралась смелости с ней поговорить. Мы встретились в кафе, неподалёку от её новой квартиры в одном из фешенебельных жилых комплексов даунтауна.

- Боже, Мелания! – я впервые в жизни называю её по имени и делаю это неосознанно. – Неужели тебе не жаль его?

- Уверена, жалость – самое меньшее, чего он ждёт от меня, тебя, либо кого-то ещё. Дамиен – изменник. Больше того – он извращенец, сломавший мою жизнь: я потратила на него годы, молодость, я родила ему ребёнка, и всё это для того, чтобы каждый день смотреть в его глаза и видеть пустоту и безразличие.

- Ты сама сделала этот выбор. Этот парень не был простым, этим и притягивал всех вокруг, но нужно было отдавать себе отчёт, что с таким мужчиной просто не будет!

- Здесь речь не о простом или сложном! Он – извращенец! Вы оба!

- Это не наш выбор. Есть вещи, которые не выбираешь. Есть проблемы, которые можешь решить, но сердечная привязанность, а ещё страшнее душевная – не из их числа. Он ведь сделал всё правильно: так как одобряло общество, как требовали родители, как хотела ты. И что теперь? Что именно из всего этого ему поможет?

- Вся эта ерунда – больше не моя головная боль. Моё время вышло, меня ждут более важные дела.

- Мелания, он весь переломан. Ему нужна реабилитация, иначе он останется прикованным к постели навсегда!

- Мне плевать.

С этими словами она уходит, оставив своего покалеченного мужа мне. Я ломаю голову, не зная, что делать: денег у меня нет в таком количестве, которое необходимо на лечение Дамиена. Я взвешиваю варианты и уже почти решаю продать родительский дом, как вдруг в одно прекрасное утро Мелания является в больницу и говорит Дамиену, что их ребёнок не от него. Что проблема всегда была не в её способности зачать, а в его. Как только она приняла решение воспользоваться донорским материалом – всё получилось.

Окончательно сокрушив его этой новостью, она изъявляет желание поговорить со мной. Мы спускаемся в холл, и там, в суете и шуме, она выдаёт мне странное благословение:

- Ребёнок – это ключ от нашего замка. Замка от двери, за которой лежат все правильные ответы. Наши судьбы. Всех троих.

- Четверых, - поправляю.

- Нет, троих. У детей свои судьбы, отличные от родительских. Мы влияем на них, пока они растут, а после – вылетают, оставив нас самим себе, вариться в воспоминаниях о прошлых страстях. Так вот: вытащишь его за этот год – он твой. Я не открою ему тайну, которая навсегда сделает его моим.

- Это его ребёнок... - озвучиваю констатацию факта, свершившуюся мгновением ранее в моём мозгу.

Мелания поднимает свою аккуратную тонко вычерченную бровь.

- Докажи мне, что вы и впрямь с самого начала были предназначены друг другу. Что мир перекосило, купидона ослепило редким солнцем Ванкувера, и он попал не туда!

- Нам нужны деньги.

- Выкручивайся! – пожимает плечами. – Не справишься, через год я подниму его в Европе или не знаю ещё где. Но этот год – твой.

Сложно понять, что на самом деле у неё на уме. Когда на руках все козыри, любой расклад в твою пользу. Она всегда будет иметь карт-бланш передо мной, потому что у неё его ребёнок. А я бесплодна. Не женщина, не сосуд - пустая оболочка. Фантик от шоколадки с сомнительным привкусом. И этот фантик, вероятнее всего, просто выбросят.

Я смотрю на её ухоженные чёрные волосы, красиво лежащие на плечах и груди, и внезапно понимаю истинный расчёт: если нельзя вытравить меня из его мозга, то можно уничтожить. Довести до точки, когда не жить гораздо привлекательнее, чем жить. Однажды он уже выбрал сына, выберет и во второй раз. И если тогда речь шла об абстрактном зародыше в теле женщины, то теперь это живой ребёнок, умеющий смеяться, плакать, радоваться и грустить, говорить своему отцу, что любит, обнимать его. Теперь совсем другие ставки, игра на ином уровне.

Она знает, что я его подниму. Только я и никто больше, потому и затеяла весь этот фарс с отцовством. Я справлюсь, она в этом не сомневается и ждёт последнего моего шага, за которым меня больше не будет. Я стану размазанным следом в чьей-то памяти, и однажды обо мне шёпотом скажут: «Она убила себя сама... да-да это кара Господня. За инцест!»

Но Мелания меня плохо знает, очевидно: я решаю сыграть с ней в эту игру и не ставить в известность о наличии собственных правил.

Дамиен сказал однажды, что ни с кем ему не было так интересно, как с ней. Что ж... теперь вся твоя жизнь, Дамиен, сплошное представление.

Глава 30. Уединение

Дамиен

У меня было признание и некоторое количество денег. Слава быстротечна, если не мимолётна. Люди легко забывают своих героев, переключаясь на новые таланты. И у тебя ничего не остаётся, кроме близких: только им ты нужен и интересен любим.

Земной шар не перестал вращаться, мир не замедлил своей суеты, остановился только я один и, сделав это, получил шанс увидеть то, что недоступно здоровым, вечно спешащим жить людям: мы прозябаем в суете, часто не задавая вопросов, но даже если спрашиваем себя о главном, то только в состоянии любого типа опьянения. Потому что трезвыми не решаемся посмотреть правде в глаза: слишком тяжело признаться, что живёшь впустую. Что мечты так и остались мечтами, дорогие сердцу люди - воспоминаниями. Те, с кем хотелось провести жизнь - не с тобой. Те, кто был ближе всех, теперь слишком далёк. Страшно осознавать мелочность и глупость былых желаний, и пусть они были бы просто жизненным опытом, уроками выживания, если бы не шрамы на сердце и не душераздирающий парусник счастья, уплывший слишком далеко. Ты его все ещё видишь, но знаешь, что уже никогда не достигнешь. Как и сам он не повернёт вспять.

Сегодня я обездвижен. Мне не нужно никуда рваться, бежать - у меня нет такой возможности. Фигурально нет, Слава Богу, а это всегда оставляет шанс.

Мой парусник счастья не уплыл, не смог - ветром жизни его паруса изорвало в клочья, и вот он всё ещё здесь, у моей пристани.

Она думает, что мне никак не пережить свою неполноценность. Чёрта с два! Имея такую заботу, её рядом, в конце концов, жить захочешь ещё больше, чем когда-либо. Ева воспринимает меня иначе, я это чувствую, но главное – она, наконец, «впустила» меня. Мы будто стали ближе, и я догадываюсь, почему: в ней теперь меньше сомнений, меньше неуверенности в себе, и мне легче. Легче, потому что я позорно был занят собой и своей семьёй, когда в её жизни случилась трагедия. Меня не было рядом, я узнал слишком поздно. Самоустранение, жизнь на расстоянии, когда у нас не осталось никого кроме друг друга, была ошибкой. И у этой ошибки слишком дорогая цена.

Я смотрю на её профиль и думаю о том, как сильно изменилась моя Ева. Сейчас она - мечта любого мужчины - мягкая, нежная, умная. В ласковых объятиях её заботы хочется расслабиться и забыться навечно.

Жизнь сточила все её шипы, о которые я столько раз ранился. И чем глубже были мои раны, тем сильнее хотелось заполучить этот непокорный цветок. А теперь, без них, она так уязвима. Куда более чем в детстве и юности. Ей нужна защита, необходим человек, способный оградить от бездушной мясорубки, называемой жизнью.

Я ей нужен. Я.

Ева

Переезд из больницы домой занял целый июньский день: выписка, разговор с врачом, длинные инструкции о том, как и что нужно делать, что есть и что пить, как и где разминать, массировать, какие лекарства принимать. Затем кресло-каталка, такси и через

полтора часа пути мы наконец дома.

В родительском особняке, пока Дамиен был в больнице, мне пришлось провести некоторые трансформации: оснастить лестницы подъёмниками для инвалидной коляски, ванную и туалет – металлическими поручнями, оформить единственную внизу гостевую в спальню для Дамиена.

У меня всегда были проблемы с деньгами, но на эти важные перемены их каким-то чудом хватает.

Несмотря на то, что на дворе июнь, дожди льют как в октябре. Холодно. Дамиен сейчас один внизу, в своей комнате, и я никак не могу уснуть – переживаю о нём.

Не выдерживаю, на цыпочках спускаюсь и долго стою у его двери – ничего не слышно. Тихонько открываю её и так же бесшумно вхожу – хочу проверить, как он.

Дамиен мирно лежит на спине в своей постели, плечи голые, ступни тоже. Окно открыто, и в комнате, как в холодильной камере.

- Можно я закрою окно?

- Нет, пусть будет открытым.

- Ночь холодная!

- Я люблю, когда холодно.

- Хорошо.

Долго пытаюсь уснуть, но, в конце концов, сдаюсь, не выдержав натиска переживаний «Как он там?», и снова пробираюсь в его комнату: в приоткрытое окно, как я и предполагала, дует. Очень беспокоюсь, что мой большой ребёнок раскроется ночью и простынет, ведь даже сейчас Дамиен никогда не спит в футболке, всегда полностью раздевается.

В надежде, что он не проснётся, осторожно подхожу к постели, натягиваю плед на его голые плечи, расправляю скомканные концы, подтыкая их под его ничего не чувствующие ноги. Ступни, конечно, не были укрыты, и даже голени холодные, как лёд.

Прикрываю окно ещё сильнее, оставив тонюсенькую щель - только чтобы свежесть могла просочиться.

- Хочешь, чтобы я задохнулся?

Подскакиваю на месте от испуга:

- Ты не спишь?

- Спал, пока ты не закрыла моё окно!

- Прости... Я боялась, что ты замёрзнешь. Тебе сейчас нужно беречься!

Молчит.

Жду некоторое время ответ или хоть пару слов от него, но король мрака не балует сиделку своим вниманием. И я покорно направляюсь к двери.

Не успеваю лечь, как слышу внизу возню. В ту пору, когда мы были юными, и ещё до того как стали играть в мужа и жену, я всегда слышала, как Дамиен возвращался со своих ночных гонок в Лэнгли или от Мелании. Чётко различала каждый шаг и знала из какого угла в какой он ходит, и даже строила предположения, что делает: вот к шкафу подошёл, переодевается, вот в ванную свою протопал, вода шумит, значит, душ принимает, вот вышел на террасу, а вот, наконец, улёгся спать. И если хорошенько припомнить и быть с самой собой честной - как же хотелось нырнуть к нему под одеяло. Просто рядом побыть.

Сейчас это совсем другой человек. Жизнь убила в нём того Дамиена, которого я знала и любила.

Шум не утихает, и я предполагаю, что, возможно, ему понадобилось в туалет. Мне нравится каждый производимый им шорох, вздох, любой шум. Даже то, как он сплёвывает зубную пасту. Это ведь не просто звуки, это - мой Дамиен.

Глава 31. Пожары и Хлеб

Утром я просыпаюсь от запаха гари. Испугавшись, кидаюсь вниз, перескакивая ступеньки, как девочка, а не как дородная тётка, убеждённая в забытом уютге или невыключенной плите. Ни одно из опасений не подтверждается, версия возгорания проводки так же не имеет никаких визуальных доказательств, и только окончательно проснувшийся мозг предлагает взглянуть в окно, чтобы обнаружить за ним серую дымку - в Британской Колумбии начались лесные пожары. Август же.

Обычно всё, что ближе к городам оперативно тушится, но на этот раз, очевидно, возгорание распространилось ночью. Задраиваю люки, то есть окна, проверяю, чтобы в стеклянных дверях, ведущих на террасы, не были оставлены проемы и щели. Закупорка - лучшее средство, чтобы «переждать».

С чувством выполненного долга стою у окна и наблюдаю, как клубы серого дыма вздымаются над Вестминстером, тянутся ядовитой пеленой до Сюррея. Судя по удаленности, горит с противоположной стороны залива, так что мы в любом случае в безопасности.

Спустя недолгое время дым становится белым. Белый цвет - это хорошо, это означает, что бедствие уже тушат пожарные подразделения со всей страны и со всего мира: из Австралии, Новой Зеландии и Майами - так говорится в экстренном новостном выпуске на сайте «Canada news».

А если загорится у нас? Синоптики обещали жару и дальнейший рост температуры!

В моей голове мгновенно рождается и обрастает деталями скоростной сценарий: Кокуитлам пылает в огне, сползающем со склона гор, Порт Муди уже стёрт с лица земли, и пламя вот-вот подберётся к нашему дому.

Даром что ли я - единокровная сестра режиссера Дамиена Блэйда? Должно же быть хоть какое-то влияние общих генов?

Явственно представляю себе, как тещу, спасая от огня, Дамиена. Выбиваюсь из сил: что может слабая женщина против мужчины, настолько крупного, как Дамиен? Ладно, не такая уж и слабая, но тем не менее!

Огонь уже подбирается к гаражу и мне нужно, во что бы то ни стало, успеть дотащить свою ношу до машины, посадить его и уезжать в безопасное место. Мои дрожащие руки лихорадочно стараются попасть ключами в зажигание, но никак не могут. Дамиен не приходит в сознание (не знаю ещё почему, возможно, у него отравление дымом), огонь подбирается к машине, и она почему-то не моя красная Тойота, а его чёрный Мустанг, тот самый, что был в молодости, но вот, наконец, ключи в зажигании, автомобиль заведён, и я грубо снимаю его с паркинга, чтобы виртуозно сдавая назад, одним махом выехать из гаража и родительского дома, пожираемого языками ядовитого и неизбежного пламени.

Мы спасены, мы едем в новую жизнь. Конец.

Это случилось в тот день, когда Дамиену вдруг вздумалось научить меня печь итальянский хлеб. Ещё за несколько недель до этого он заявил, что я неправильно питаюсь, и моему рациону нужна хорошая порка. Вернее, тотальный пересмотр моего ежедневного меню.

- Кто за кем тут присматривает? – напоминаю ему.

И получаю неожиданное:

- Мы. Друг за другом.

В общем, он месил тесто в кастрюле. Перед этим, правда, мы оба развлекались неделю, вырабатывая натуральную закваску по старинной итальянской рецептуре с просто убийственной красотой названием: «Мадре Леванте».

От этих двух слов на меня накатывает волна воспоминаний: мы двое настолько молодых, что аж дух захватывает – тонкая я, стройный Дамиен, наши загорелые тела, шорты и лёгкие футболки, сменяющие друг друга итальянские города, пейзажи, волшебного цвета море и губы, губы, губы... Мы целовались, как одержимые: при каждой возможности, в любых местах, не боясь быть увиденными или осуждёнными. И нас, конечно, никто не осуждал, нами любовались: улыбочивые прохожие туристы, старички, дети, другие, такие же, как и мы, романтические пары, счастливые обладатели друг друга и возможности увидеть мир.

Дамиен отчитывает мои неуклюжие движения в кастрюле:

- Ты его шлёпаешь или разминаешь? Или делаешь нежный эротический массаж? – подмигивает. - Ну же, ладонью замешивай, вот так!

И сует свою руку в кастрюлю, коснувшись при этом моей. Это не было первым нашим телесным контактом – мы достаточно давно живём вместе и обстоятельства сложились таким образом, что мне приходится делать некоторые вещи... Но такое явление, как замирание сердца с последующим его трепыханием в груди, происходит впервые.

Дамиен это тоже чувствует. Его запястье рядом с моим, под нашими ладонями и пальцами несчастное тесто на «Мадре Леванте», а сами мы – двое застывших во внезапной вспышке эмоций бывших влюблённых. Дамиен поднимает глаза, смотрит какое-то время в мои с весьма странным выражением лица и спрашивает:

- Чего улыбаешься?

- Вспомнила наши Итальянские каникулы.

Его лицо преображается, растерянность и сосредоточенность сменяются радостью:

- Я тоже часто их вспоминаю, - признаётся.

- Правда? – не верю своим ушам.

Разве у него не была успешная жизнь, полная ярких событий? Заботы о жене и сыне? Новые страны, новые путешествия, новые впечатления?

- Это были лучшие дни в моей жизни, - заявляет. - Когда задумываюсь о счастье, сразу оказываюсь на смотровой площадке замка в Портовенере. Перед глазами вечернее море, след заходящего солнца, разводы розового и голубого на небе, едва ощутимый ветер, запах волос и губы...

Из меня вырывается шумный выдох. Если это - его счастье, то почему же мне сейчас так больно? Почему так тоскливо? Почему я плачу, чёрт возьми?

Ответ приходит в мою голову уже за закрытой дверью в спальне. Я не просто закрыла её, я заперла, хотя знаю – он со своей коляской всё равно сюда не поднимется. Но мне так спокойнее. Мне так увереннее. Потому что я не хочу его видеть. Потому что он возил ЕЁ туда, в наше Портовенере – рыбацкую наскальную деревню, не слишком популярную у туристов и именно поэтому обладающую такой особенной атмосферой. Почти магией.

Уникальный уголок на планете, идеальное место для двух утонувших друг в друге сердец – узкие пёстрые улочки, зажатые невысокими этажами жёлтых, оранжевых, персиковых зданий, причудливые лавки и крохотные кафе, где почти у каждой двери

рукотворные украшения, а в нишах и выемках статуэтки Девы Марии. Её же изображения на покрытых глазурью керамических плитках, украшенных по периметру морскими раковинами. И цветы, просто море цветов в этом крохотном сказочном городе.

Но главное – замок и сразу за ним монастырь, спрятанное в его стенах крошечное кладбище. Первое в моей жизни кладбище, не вселяющее ужас, не нагоняющее тоску. Это просто стены с сотнями старинных фотографий или рисунков ушедших людей. И эти стены слушают размеренный плеск волн у подножия замка, купаются в мягком свете затухающего летнего дня. Замок заброшен, и на его башнях редкие парочки или «знающие» фотографии ждут «синего часа» - магию света в первые шестьдесят минут после захода солнца.

Я хранила и храню эти воспоминания в сердце. Самый тайный уголок в моей душе, самое желанное и безопасное место, куда можно прятаться в такие моменты, когда не просто плохо, а вот-вот уже произойдёт остановка сердца. Когда не хочешь и не можешь жить, когда пытаешься, но не способен найти ответ на вопрос «Зачем я здесь?».

Для меня это мой кусочек жизни, где я была счастлива. А он возил туда ЕЁ. Она там была, стояла в обнимку с ним, держала его руку и смотрела на то же море, тот же закат. Разве что, может, только кладбище не нашла.

Я не выхожу до следующего утра. Не могу. Не хочу его видеть.

«Он здесь потому, что нуждается в помощи», - говорю себе. «Кроме меня помочь ему некому, поэтому придётся засунуть свои обиды куда подальше и делать то, что должно».

Когда следующим утром я спускаюсь, Дамиен уже на кухне. Пьёт свой зелёный чай и зыркает на меня лживыми глазами.

- Доброе утро! - здоровается.

- Доброе, - отвечаю.

- Как спалось?

- Как обычно.

- Как обычно, отлично? Или как обычно, плохо? – донимает.

- Как обычно, обычно.

Вот же привязался.

- Понял, - выдыхает.

Завтракаем мы молча. Я жую свои мюсли, птичий корм, Дамиен допивает чай. Что он ест вообще? Если я вижу его на кухне, то всегда с чашкой чая или бутылкой воды. Но и худым его не назовёшь!

- Может, поговорим? – предлагает, и в тоне его нечто вроде заискивания, но «с достоинством».

- О чём? – интересуюсь, не поднимая глаз.

- Ну... можно о погоде. Жара, кстати, невероятная. При таком раскладе пожары закончатся не скоро. Вот бы сейчас дождя, да?

- Да.

- Если бы можно было перераспределить зимние ливни хотя бы частично на лето – мы стали бы обладателями лучшего климата на планете!

Эта мысль посещала и мою голову.

- Да, было бы отлично. Ты уже позавтракал?

- Ты же знаешь, по утрам я только пью.

- Я этого не знаю. Никогда не была в должности, предполагающей это знание. Ты меня с кем-то спутал, - кусаюсь.

Он молчит, лицо мрачное.

- Поешь чего-нибудь, мы едем в Пуарье, - объявляю.

- Зачем?

- В бассейн. Будем учиться заново ходить. Доктор прописал тебе занятия с начала августа, вот как раз сегодня и займёмся. Это для тренировки мышц и вообще для общей пользы организма.

- Ева...

- Что?

Господи, когда он оказался рядом? Да ещё и со своей этой дурацкой коляской!

И прежде, чем я успеваю сбежать, Дамиен зажимает меня руками между столом и собой, чтобы негромко сообщить:

- Я говорил вчера о тебе, Ева.

В его голосе беспокойство. О чём он так переживает, интересно?

Господи, как же тяжело с ним. Мне бы только пережить это. Поставить его на ноги, и пусть летит к своей голубке. Там у него гнездо и птенец, даст Бог не последний. А здесь – сестра недоженщина. Какое ему дело до того, как я воспринимаю его слова?

«Я говорил вчера о тебе...»

Зажал, загнал в угол, но при этом умудряется ни в одном месте не дотронуться. Прямо виртуоз какой-то! Даже ткань нашей одежды не соприкасается. Только дышит в затылок, и от тепла выдыхаемого им воздуха моя кожа словно покрывается инеем, сами собой закрываются глаза. Меня переполняют эмоции: мужчина позади меня - не просто мужчина, а тот, с кем я когда-то спала. Единственный, кого я когда-либо хотела, в ком нуждалась.

Он принадлежит не мне, говорю себе. Зачем нарушает границы? Зачем заставляет «чувствовать» себя? Это нечестная, неправильная игра! У него есть жена и сын, а у меня... нет ничего... и никого. Я должна сказать ему, что так нельзя. Обязана!

Но едва успеваю открыть рот, как слышу:

- Мне нравится то, как ты дышишь, и я готов слушать до бесконечности. Нравится размеренный ритм биения сердца в твоей груди, если прижаться к ней ухом.

После долгой паузы:

- Я не люблю, когда ты плачешь, когда ненавидишь, когда тебе больно, страшно. Если мы брат и сестра, почему я чувствую тебя так остро?

Снова пауза, но я знаю, он не ждёт ответов.

- Почему ни один женский запах не делает со мной того, что творит твой? Если всё это искушение, то почему у меня нет сил с ним бороться? Неужели я настолько слаб?

Я хочу вырваться, уйти, сбежать, но не могу даже шелохнуться. Мои несуразные руки и ноги отказываются меня слушать, и я стою. Стою, прислушиваюсь, и жду, как дура, как последняя дура, сама не знаю чего...

- Ева... ты простила меня?

- Мне не за что тебя прощать: ты делал то, что должен был.

- Мы оба знаем, что нет. Но я вижу, что ты простила. Чувствую. Просто скажи мне, что у тебя случилось, что произошло в тот год?

Господи...

Отбрасываю его руку, и сделать это легко, ведь он теперь слабый... инвалид, колясочник. Не то, что раньше.

Глава 32. Forbidden Love

Примерно неделю спустя мы ужинаем в столовой, не разговаривая, но слушая радиостанцию «Vancouver». Я не включаю общее освещение, приглушённый свет рабочей зоны и полумрак кажутся мне комфортными, Дамиен не возражает. Музыкальный центр, принадлежавший когда-то Дэвиду, переливается синими, фиолетовыми, голубыми огнями – красиво. Жаль, теперь никто не покупает таких игрушек – все слушают музыку в своих ноутбуках. Один клик до любого трека.

В вечерней рубрике «Romance Evening in Vancouver» диджей делает короткий экскурс на тему запретной любви и запускает в эфир песню с соответствующим названием «Forbidden Love» Мадонны.

С первых её нот я узнаю ритм – это воспоминание о юности: когда-то в Брисбене, будучи совсем ещё девчонкой, мы зажигали под этот трек на вечеринках, не особенно вдумываясь в слова.

Так же точно и сейчас, не думая о нём, я встаю и начинаю танцевать. И хотя мне уже не шестнадцать как когда-то, руки, ноги, бёдра, шея и голова помнят движения современного танца, которым я занималась в общей сложности целых семь лет.

Отбиваю такт бёдрами, закинув за голову руки, падаю на пол и выкручиваю телом кренделя из танца Мадонны, представленного поп дивой на одном из её шоу в грандиозном туре по миру. Этот танец я готовила для вечера в школе на Хэллоуин, 31 октября, в тот самый год, когда наши с Дамиеном планеты максимально приблизились друг к другу. Мы репетировали с Крисом и парнем из одиннадцатого класса – Трэвором. Двое мужчин и я вместо Мадонны.

Нас так и не выпустили на сцену, потому что школьный вечер режиссировала учащаяся последнего класса – Мелания Лоренс, и танец так и остался никем не увиденным.

Теперь же я танцую, забыв обо всём и даже о том, что на этот раз у меня имеется один единственный, но всё-таки зритель.

Отдаюсь целиком и без остатка ритму и музыке, с сердцем пропевая слова песни, пока вдруг не осознаю смысл того, что только что слетело с языка:

Жили-были однажды

Мальчик и девочка.

Запрещённая любовь,

Запрещённая любовь.

Я останавливаюсь, ищу его глаза и, конечно, сразу же нахожу. Он тоже услышал их, эти слова. Мы смотрим в самую глубину друг друга и, наверное, не только глазами. Это такой потусторонний взгляд за гранью реальности, которым можно смотреть душой в душу.

Что он может мне сказать?

Что эта песня о нас.

Лишь одно касание твоих рук

Заставило меня покориться навсегда.

Только один поцелуй на моих губах

Написал наше будущее.

Только ты мог пытаться меня взглядом.

Только твоя улыбка

Была способна переписать мою судьбу.

И всё, что было мне нужно –

Лишь одно твоё слово,

Дающее уверенность.

Его взгляд говорит. Много чего, но главное - что, возможно, ещё не поздно.

Что мы здесь, живы, нас двое, и в данном отрезке времени существуем вместе. Нам никто не мешает, не может помешать, не способен. Всё, что нужно – только протянуть свои руки навстречу друг другу.

Песня заканчивается, бодрый голос ведущего трещит, забивая эфир очередной чушью. А мы двое, те, о ком написана эта песня, словно застыли, замерли в неожиданном мгновении истины.

Действительно, что мешает нам не просто быть, а быть вместе, как тогда, минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы назад?

События последних лет проносятся в моём сознании в обратном порядке, словно я отматываю назад киноплёнку, желая одного – найти тот самый момент и переснять зашедший не туда сюжет заново: одиночество, беспамятство, психушка, ребёнок в моих руках, больница, боль, шрамы, удар в мой живот, беременность, секс, похороны, институт, бар, выпивка, его свадьба, третья встреча, вторая встреча, первая, моя свадьба, Вейран, боль и отрешённость, Дэвид, произносящий слова «Вы родные», Дамиен, отвергающий меня жестом, крушащий кухню, материнские глаза, переполненные осуждением, дом перед Рождеством, мы двое на диване, я сверху, Дамиен снизу, его губы целуют мои, и он говорит, что «мы всё равно будем вместе»... стоп!

Я вздрагиваю, мои глаза раскрываются так широко как могут, я осознаю реальность – Дамиен инвалид, он больше никогда не встанет на ноги, мне не дано познать материнство, я погрязла в страхах и отвращении к своему неполноценному телу, я располнела, в конце концов! Да, я безобразно толстая, смотрю на свои колени и не узнаю их – будто только теперь дошло, кто я на самом деле. Как он видит меня...

Но нас двое. Я могу протянуть руку, дотронуться, взять его ладонь в свою и прижать к сердцу... а мир... пусть он просто живёт, только без нас.

- Пойдём на террасу, - предлагаю. – Дождь уже закончился.

- Пойдём.

Дамиену нужно много времени, чтобы подняться на второй этаж, но он управляется как раз к тому моменту, когда всё готово: все имеющиеся в доме одеяла и подушки постелены на деревянный пол террасы. Мы любили смотреть на редкие в Ванкувере звёзды, когда были юными. Когда наша любовь была чистой, молодой, искренней.

А разве она грязная теперь? Разве неискренняя? Старше стала, это так, но ведь и мудрее.

Глава 33. Откровения

Мы лежим на деревянном полу террасы, закутавшись в одеяла, и смотрим на звёзды. В горизонтальном положении, когда глаза устремлены в небо, возникает иллюзия отрешённости. Реальность, где мы оба неполноценны, остаётся за барьером с надписью «здесь и сейчас». Я не бесплодна и не выпотрошена, Дамиен не калека, способный передвигаться только в инвалидном кресле. В этом мгновении мы просто две души, свободные и почти счастливые.

Даже если у меня ничего не выйдет, я благодарна Мел за этот год. За каждый прожитый вчера и сегодня день, потому что рядом есть он - моя родственная душа. Мы даже думаем в унисон, слушаем мысли друг друга. Нам не нужно говорить, чтобы разговаривать.

- Я помню, как начала расти твоя грудь, - внезапно заявляет.

- Да?

- Угу.

- Я и не сомневалась, что ты заметил.

Некоторое время мы молчим, но Дамиен явно продолжает мыслить в том же направлении:

- Они виднелись через твои футболки и топы. Не просвечивались, а именно пропечатывались: маленькие такие... бугорки.

Если б он сейчас не смотрел в звёздную черноту Космоса, то непременно увидел бы степень перекошенности моего лица. Как и мои выпученные глаза и задранные до корней волос брови.

- И ты стала носить бельё. Но оно всё равно не помогало - их было видно.

- Бельё не для того, чтобы их скрыть.

- А для чего?

- Чтобы придерживать. Они болезненны, когда растут.

- Серьёзно? Я не знал.

- Ты вообще много чего не знал в десять лет, я думаю.

- Кое-что всё-таки знал.

- Что?

- Это твоё новое приобретение будило во мне странные чувства. Противоречивые.

- Угу. Это я тоже помню: треснуть по ним мячом, например.

- Что? С чего ты взяла?

Он возмущён, причём нешуточно - даже голову в мою сторону повернул.

- А разве ты не метил по ним при каждом удобном случае? Хоть в школе, хоть где: если мяч в руках Дамиена, то он всегда летит в Еву! И всегда с потрясающей меткостью в грудь! Ты в кольцо так успешно не попадал, как в меня!

- Ну и глупость! Не обижайся, но это - самый настоящий бред!

- А вот и нет!

- Ева! - я хоть и смотрю на звёзды, но чувствую, как его взгляд прожигает мой профиль.

- Я бросал мяч не в тебя, а тебе! Потому что из всех окружавших людей, меня ВСЕГДА, всегда интересовала только ты! Мне хотелось играть с тобой и смотреть на тебя. И я клянусь,

что ударить в твою растущую грудь не только не приходило, но и в принципе не могло прийти в мою голову, потому что...

- Потому что?

- Я хотел потрогать их. И увидеть. И...

- И?

- И это новое чувство, связанное с ними, оно и бесило одновременно и...

- И?

-И не давало покоя. Ты ещё прочнее поселилась в моей голове, и теперь совсем в другом контексте.

- В десять?

Нет, всё-таки хорошо, что темно.

- В десять.

- Я не верю.

- Не верь. Но меня теперь удивляет то, как мы не понимали друг друга. Ты видела подвох даже там, где его не просто не было, а даже не могло быть.

Мы смотрим на звёзды, ждём падения хоть одной, но далёкие голубые и белые карлики стабильны как никогда. Ни единого даже самого крошечного метеоритика!

- У брата не должно возникать таких мыслей, - подытоживает свои размышления. - Ладно, окей с мыслями, но эмоций быть не должно.

- К чему ты клонишь?

- Я никогда не испытывал к тебе братских чувств. Никогда.

- Не ври. Ты вступился за меня в школе. Ты защищал!

- Как мужчина защищает свою женщину.

Я едва не задохнулась от этих его слов:

- Ты встречался с Меланией, Дамиен! О чём ты говоришь!

- О том, что было, Ева. Когда-нибудь должны же мы поговорить начистоту? Почему, ты думаешь, я порвал с ней? Причём не сомневаясь?

- Я... не знаю.

- Потому что желание защищать тебя 24 часа в сутки стало моей одержимостью. Потому что я не просто хотел, а испытывал потребность в этом. Пугающе стабильную потребность. И поверь, ничего братского в тех чувствах не было.

- Да, я знаю... вошла однажды в твою мансарду, когда ты душ принимал...

- Что?

- Ты произнёс мое имя.

- А вот теперь мне действительно стыдно! Даже не верится, что я еще способен краснеть! - смеётся. - Тебе стоило сжалиться и облегчить мою участь!

- О, нет! Ушам своим не верю! Дамиен был кем угодно, но только не пошляком!

- Сама ты пошлячка! Я говорил о душевной близости! А ты что подумала?

Боже, я отдам всё, что у меня есть, только за то, чтобы эта искренняя глубинная улыбка не сходила с его лица! Он улыбается! Не ртом и глазами, он улыбается душой! Только в самые счастливые и беззаботные моменты нашей жизни я видела этот фантастический прищур.

Не выдерживаю, тянусь и целую лучи у края его сощуренных игривостью глаз. Весёлость уступает место серьёзности, но она другая: ласковая, мягкая, тёплая. В ней нежность и принятие. В ней близость.

- Мне нравится, как ты улыбаешься. Я живу, когда ты смеёшься! – признаюсь.

Я говорю с ним искренне. У нас были годы на игры в прятки и обиды, на драму, скользящую по спирали наших поступков вокруг всё той же оси, называемой судьбой. А теперь мы в той точке, где можно быть открытым, где «не сказать и потерять свой шанс» страшнее, чем «сказать и быть непонятым». Мы в стадии замены навязанных ценностей истинными. Мы на ступени, где счастье важнее гордости. Где достоинство уступает место возможности.

Возможность - это слово стало главным для меня, оно пришло на смену твёрдому и непоколебимому «нет», превратившему мою жизнь в тёмный душный подвал. Нет души, нет свободы, есть только правила и законы, нарушать которые смерти подобно. Но мы однажды нарушили, и ведь не умерли же. Оба живы, оба дышим. Лежим рядом и смотрим на звёзды. Так почему же не позволить себе быть настоящими?

- Я думаю, эти эмоции нормальны, и они случаются. Но люди воспринимают их сквозь призму табу, если знают, что их связывает родство. Это как нераспустившийся бутон, он так и засыхает. Наш распустился, но не успел дать плоды.

Дамиен молчит, ничего не отвечает. А мне почему-то хочется признаться:

- Я была там.

- Знаю, видел.

- Почему не подошёл?

- Хотел, чтобы сама решилась.

- Я так и не смогла.

- Не смогла, потому что я уже решился. Речь ведь была не о том, чтобы просто подойти.

И ты это хорошо понимала.

- Не думаю.

- Чего ты хотела тогда? Зачем было встречаться?

- Чтобы поговорить... мы ведь даже не поговорили!

- О чём говорить, Ева? Как ты представляла себе этот разговор? Спасибо за всё, что было? Не забывай меня? Постарайся прожить счастливую жизнь?

- Я не знаю. Просто увидеть тебя хотелось. Острая недостаточность Дамиена в моей крови... - признаюсь.

- А я в тот момент уже пережил эту стадию. Меня больше волновал поиск выхода. Я тоже не мог решиться, но ты подтолкнула своей просьбой встретиться, и моя мораль окончательно просела.

- Хочешь сказать, ты уже тогда готов был... переступить?

- Да. Я пришёл. Уже переступил. Но ты не подошла. Не рискнула.

Закрыв глаза, я думаю. Долго и усиленно. И, наверное, он прав - тот мой ступор и был неспособностью сделать табу своей жизнью. Я ещё не была готова. А когда созрела, было уже слишком поздно.

Мне всегда хотелось задать ему этот вопрос:

- И всё-таки, почему она? Почему из трёх миллиардов тебе непременно нужно было остановить свой выбор на ней?

- Наверное, было мало драмы в моей жизни, - усмехается.

Спустя время:

- На самом деле нас связывало общее прошлое. Когда-то я даже думал, что любил её. Мне было с ней хорошо, и я считал нас чем-то серьёзным. Она была единственной, кто был

мне интересен, кто понимал меня, заботился, по-настоящему любил. Если не с тобой, то только с ней – так я считал. И даже верил, что у нас может получиться семья.

- Получилась?

- Нет.

- Почему?

- Потому что ни на минуту не покидало чувство фальши во всём, что делал. Мелания была хорошей женой, и мы могли бы быть счастливы, если бы... если бы не я и мои мозги. Они упорно рисовали твой образ, стоило закрыть глаза. А если не закрывал, в груди саднило, болело, мешало жить и думать. Дни складывались в месяцы, месяцы в годы, и я чувствовал, как протухаю, теряю интерес к жизни. Я не справился с собой, Ева. Так и не смог.

- Я тоже.

- Мы оба не справились и сорвались тогда, после похорон. Я знаю, ты винишь себя, считаешь, что толкнула нас обоих на...

- Грех, - подсказываю.

- На близость, - поправляет. – Но это не так. Я стоял и сдерживал себя всеми силами, одёргивал, чтобы не тянуть руки. Боже, Ева...

Он закрывает ладонями лицо, проводит ими по волосам:

- Ты даже представить себе не можешь ту силу, с которой тянуло, тащило к тебе, вырывало с корнями! Влечение, возведённое в степень потребности в духовной близости.

Я смотрю на него, жду взгляда, чтобы видеть эмоции, переживания, но он не отрывает рук от лица:

- Я безумно, одержимо хотел быть с тобой. И никогда не испытывал братских чувств даже спустя годы, как бы ни старался приучить себя к мысли, навязать образы, обуздать желания. Ева, я только в тебе видел женщину, и не был способен найти её в ком-то другом. Мел – потому что с ней уже БЫЛО, и потому что так казалось проще. Иллюзия замещения.

Наконец убирает руки, поворачивается, и я вижу в его глазах искреннее сожаление и даже мольбу:

- Пожалуйста, прости меня! Я никогда не хотел причинить тебе боль! Я упустил из виду твои чувства... Мне казалось, это решение коснётся только меня и её. Я ошибся. Очень сильно ошибся... Прости!

Глава 34. Юность случается для того, чтобы стать нашими воспоминаниями

- Я нередко вспоминаю Рим. Форум, Испанскую лестницу, но чаще всего почему-то фонтан Треви.

Да, я его вспоминаю. Мы приходили к нему дважды: один раз днём, чтобы убедиться лично в несметном количестве туристов, и один раз ночью – надеясь, наконец, «почувствовать» его. И он действительно завораживал своим величием, красотой, возрастом и душой. Да, у того фонтана определённо была душа. И магия. Я пыталась поймать момент и сделать несколько фотографий: редкие, такие же, как и мы, молодые пары приходили в ту ночь к одной из самых романтических римских достопримечательностей, чтобы наполнить свою историю воспоминаниями. Ведь именно такие моменты и остаются с тобой на всю жизнь: жаркая звёздная итальянская ночь, малюсенькая площадь размером с наш задний двор, старинная мостовая, манящие витрины уснувшей джелатерии, голубой свет фонтана, нежное журчание его вод и губы Дамиена – неугомонные, горячие, страстные. Его приставания и мои попытки сделать снимки поэтичных силуэтов целующихся парочек на фоне голубой воды превратились в игру: я просила его отстать ненадолго и дать мне возможность отснять хоть кадр, а он клялся, что ничего не может с собой поделаться и запускать руки под мою футболку, заставляя хихикать и соглашаться.

Сейчас он молчит. Настолько усердно, что, кажется, даже не дышит. И я знаю, о чём его мысли: за эти годы он успел увидеть весь мир. Не только увидеть, но и показать своей жене. Мне он дал меньше, и, скорее всего, сейчас думает именно об этом. А я думаю о том, что как бы там ни было, мне всё-таки повезло: если бы не он, не имелось бы у меня даже этих воспоминаний.

Замечаю его сжатые кулаки – я была права. Вздыхаю и сообщаю свои мысли на этот счёт:

- Хочу ещё раз поблагодарить тебя за то, что взял меня тогда с собой. Дамиен: у меня могло бы не быть даже этого. Поэтому – спасибо.

Он глубоко вздыхает, и в этом вздохе слышны странные вибрации. За ним – глухой надорванный голос:

- Ева... у нас ещё вся жизнь впереди.

Да... жизнь калеки, прикованного к креслу, и недоженщины с мальчишеской причёской, шрамами и отсутствием главного детородного органа. Плюс ко всему у нас теперь ещё и у обоих финансовые трудности.

- Боюсь, теперь путешествия могут оставаться только мечтами. Даже если мне повезёт найти хорошую работу, без тебя в них нет большого смысла. А ты...

Я осекаюсь. Как смогла ляпнуть такое? На мой вопрос: «Сможет ли он когда-нибудь встать ноги?», врач вместо ответа отвела глаза.

- Я не это хотела сказать... - пытаюсь исправиться.

- Ева, всё наладится. Дай мне время. Всё в этой жизни возможно, если очень хотеть. А я хочу. Очень хочу показать и тебе то, что успел увидеть сам, и то, чего ещё не видел.

На следующий же день мы едем на первую тренировку в Пуарье. Загружаю его в машину и везу. В бассейне с утра почти никого нет, кроме инвалидов и новорожденных с мамами.

Девочки-спасатели помогают мне опустить Дамиена в воду, и я замечаю, как до ужаса ему неловко – он ещё не привык быть настолько зависимым от помощи других. Мы заходим на глубину примерно по мои плечи, и милая блондинка Керри, так усердно подмигивающая Дамиену накануне, показывает мне, как правильно держать его в воде.

- Ты должен пытаться делать самостоятельные шаги в воде, или хотя бы иногда опираться на ноги! – подсказывает ему.

И у Дамиена практически сразу получается встать, как мне показалось, или это была иллюзия – его тело такое лёгкое в воде и не кажется беспомощным.

Он пробует сделать первый шаг, держась за специальные ходунки, но у него ничего не выходит.

Я опираюсь на широкие плечи, сползаю ладонями по рукам, прижимаюсь и ввожу адреналин прямиком в его мозг:

- Помнишь тот день, когда мы ездили в ликёр-стор за выпивкой для Дня Рождения Рона на джипе с открытым верхом? Кажется, это была тачка Лукаса... или его брата?

- Его отца.

- Да, точно! И мы тащились на солнцепёке, как старые клячи! Стояли на каждом светофоре, на каждом! А потом за руль сел ты... Я помню это так ясно! Как видео открытку из прошлого: мы несёмся, как сумасшедшие, по North Road, ты меняешь полосы, обгоняешь всех и каким-то чудесным образом всё время попадаешь на зелёный!

Я смеюсь, и губы Дамиена против его воли растягиваются в улыбке. Капли пота на его лбу уже успели собраться в струйки и стекают по вискам ему на скулы, щёки и шею. Отрываю ладони и вытираю ими его лицо.

- Мы орали во всю глотку песню, которую крутили по радио – «My best friend's girlfriend», и водители других машин, прохожие, все смотрели на нас как на полоумных! А нам было клёво! Я даже сейчас помню это возбуждение, восторг, ощущение свободы, когда ветер в лицо, волосы вот-вот оторвутся, а ты орёшь дурацкую песню о девушке лучшего друга!

- Ты тогда в первый раз надела свои джинсовые шорты, они были бесстыже короткими и так обтягивали твою... твою...

- Задницу! - хохочу.

- Даааа... Я думал, парни захлебнутся слюной! - признаётся, уже тоже смеясь.

- А сам?

- Что сам?

- Сам не захлёбывался?

- Ещё как! Мне было тяжелее всех - я знал, что под ними!

- Ха! Ещё бы! Хорошо знал, да!

- И я не решился тогда попросить тебя не надевать их. Не посмел! – признаётся.

- Ты правда хотел попросить меня об этом?

- Порывался, но боялся обидеть.

Дамиен словно вылутился из своей скорлупы, сбросил угрюмость и грусть, отбросил уныние, содрал с себя саван депрессии - он улыбается как мальчишка. Всего несколько воспоминаний счастливой юности снова вдохнули в него жизнь:

- Они пялились на тебя! Мои друзья! И орали эту идиотскую песню!

- Да! Я видела! – смеюсь. - И твоя реакция заводила меня ещё больше! Ты ревновал и гордился одновременно, потому что девочка из песни была твоей!

Дамиен судорожно сглатывает, но я не предлагаю ему воды:

- А знаешь почему? Ты был лучшим из лучших! Ты был им, и остаёшься. И тебе нужны твои ноги, чтобы снова сесть за руль и показать слабакам класс! Чтобы по-настоящему круто прокатить свою девчонку и заставить её гордиться тобой!

И я начинаю петь:

She's my best friend's girl

She's my best friend's girl

But she used to be mine

- Чёрта с два! – огрызается, смеясь.

- Докажи! – подначиваю и продолжаю на весь бассейн вопить так бесящие его слова:

When she's dancing 'neath the starry sky

Ooh, she'll make you flip

When she's dancing 'neath the starry sky

I kinda like the way she dips

Если она станцует под звёздным небом

Ооо, парень, ты пропал

Когда она танцует под звёздным небом,

Я вроде как тащусь, если она наклоняется...

Дамиен подхватывает и поёт вместе со мной, делая очередной шаг:

She's my best friend's girl

She's my best friend's girl

But she used to be mine

- Как бы мне хотелось с тобой потанцевать! – говорю, не подумав.

И тут же, спохватившись, прошу:

- Прости! Мои слова опережают мысли... Иногда...

- Ничего! - в его тоне и в самом деле нет ни тени обиды.

Неужели он настолько «выше» мелочей? Сумел вырасти над суетой, научился не отвлекаться на малозначимое, сосредоточившись на главном?

Вечером, вымотавшись в бассейне, мы засыпаем в обнимку в постели Дамиена. Надо заметить, моей душе давно не было так тепло как сейчас. Я дрейфую, плыву в безмятежности. И это ласковое умиротворение исходит от ладоней мужских рук, обвитых вокруг моей талии.

Я не могу ответить самой себе на вопрос: почему мне так хорошо? Откуда это спокойствие, уверенность, а главное, дикое желание жить?

Слушаю дыхание Дамиена: оно тихое и размеренное. Кажется, пока он дышит, мне переживать не о чем и не о чем беспокоиться. И хорошо, что у него теперь больше нет ног: если бы они были, его бы забрали у меня. Или он сам бы ушёл туда, где красивее и могут производить на свет его детей.

А так, он никому не нужен.

И я могу смотреть. Могу касаться. Слушать. Чувствовать. Дышать одним с ним воздухом. Считать улыбки. Разглаживать морщинки на лбу. Поправлять растрёпанные волосы. Стирать футболки и складывать их после сушки, расправляя и прикасаясь ладонями так, будто это не ткань, а его кожа. Прижиматься щекой к его подушке, вдыхать запах его волос и знать, что он был здесь совсем недавно, каких-то пару часов назад, а не вечность.

Глава 35. The kiss

Нет ничего прекраснее, чем звёзды. Даже если они скрыты за облаками. Особенно если смотреть на них с тем, кого любишь.

- Мне нравилось наблюдать за тобой, когда ты читал свои книги. Твоё лицо казалось «умным» в такие моменты.

- Это потому что оно и было умным.

- Нет, не было.

- Ладно, каким оно было?

- Оно было вечно ухмыляющейся физиономией. Придурковатой слегка.

- Серьёзно? Вот таким ты меня видела в детстве?

- Да. Если только ты не читал свои энциклопедии или журналы про бойскаутов.

- Странно, что ты вообще поймала меня за этим занятием.

- Я подглядывала за тобой.

- Да ладно! Как?

- Между стеной и твоей дверью была до смешного внушительная щель, если ты вспомнишь (всегда удивлялась, почему этот факт тебя не смущал), а твоя кровать стояла прямо у окна, так что мне всё было видно. Всё, чем ты занимался, думая, что совершенно один.

- Да?

- Да.

- Я тоже за тобой подглядывал.

- Как?

- В замочную скважину.

- Не ври! У моей двери не было никаких скважин!

- Не было! А зачем тебе замок, если ты никогда не закрывала свою дверь? А знаешь, каким было твоё лицо, когда ты читала?

- Каким?

- Одухотворённым. Иногда восхищённым, удивлённым или счастливым, и настолько искренним, что я воровал твои книги. Хотелось нырнуть в твой мир и узнать, что там, за высоченной стеной неприступности.

- Ну и как? Узнал?

- Дааааа! Ты только не смейся, но я тащился от твоих историй. Помню, не мог дождаться, пока ты закончишь «Первых людей на Луне»!

- Герберта Уэлса?

- Да! Ох... сейчас самому не верится, но я читал урывками, когда тебя не было, и страшно злился, когда ты возвращалась, потому что нужно же было, как воздух, узнать, что там дальше!

- Действительно! Верится с трудом!

- А знаешь, что самое смешное?

- Что?

- А то, что я тысячу раз мог бы взять эту книгу в библиотеке, но нет же, мне непременно

нужно было читать именно твою!

- Это совсем не странно, по крайней мере, для меня.

Дамиен поворачивает ко мне голову и делает огромные глаза:

- Признавайся!

- Только поклянись, что не будешь смеяться!

- Клянусь! – кладёт ладонь на моё сердце.

- То есть вот так вот, да? Моё сердце тебе не жалко?

- Жалко, но на моём клясться бесполезно.

- Что? Такое лживое?

- Больное.

Что он вкладывает в это «больное»? То, о чём я хочу, но боюсь думать?

- Чем оно болеет?

- Ты знаешь.

Мягкость – вот что я вижу в его глазах.

- Ладно, - сдаюсь, - я регулярно пила из твоей чашки. Когда ты не видел.

- Правда?

- Угу. Я думала, что таким образом вредничаю. Но на самом деле...

Мне не хватает мужества признаться.

- На самом деле, ты хотела касаться своими губами того места, где до этого были мои? – шепчет.

- Каждый раз эта идиотская игра в бутылочку доводила меня до исступления. Ты твердил, что скорее удавишься, чем поцелуешь меня!

- И ты верила?

- Верила.

- Зря.

Его глаза не смотрят в мои, нет, они проникают. Если взгляд – энергия, то наши сейчас слились в сложном узоре, похожем на ДНК. Дамиен поднимает руку и касается моего лица, ласкает щёку, медленно обводит губы, и я закрываю глаза от удовольствия. Как только мои веки опускаются, его шёпот сообщает мне:

- Знаешь, что говорят о самых ярких гомофобах?

- Что?

- Что они скрывают собственную нетрадиционную ориентацию не только от окружающих, но и от самих себя – поэтому в них столько агрессии.

- Больше на глупость похоже, - смеюсь. – Хотя нечто подобное я видела в «Красоте по-американски».

- Я этот фильм не смотрел, но много о нём слышал. Знаешь, что я хочу сказать?

- Что?

- Что тот, кто громче всех орёт, что не хочет с тобой целоваться, возможно, сходит с ума от желания сделать это?

- Не верю. Это сейчас, в тридцать, тебе хочется из старого и уродливого вылепить что-нибудь красивое. Возраст научил нас манипулировать чувствами, меняя оттенки и порядок событий, покрывать их глазурью намёков.

- Ева... - тянет.

- Да?

- Я видел твои губы утром, днём и вечером. Они ели, пили, целовались с твоим языком,

а во мне в мои двенадцать уже всюду бушевали гормоны. Я был ранним, из тех фруктов, которые созревают самыми первыми. А ты была просто девочкой. Наивной и глупой, потому что легко принимала на веру ничего не стоящие слова.

Дамиен снова трогает мои губы. Его касания приятны, но взгляд... то, как он смотрит на них, заставляет моё сердце не просто биться, а творить своим ритмом музыку. Я чувствую влечение: впервые за долгое время меня сексуально тянет к мужчине, хочется прижаться к нему и ощутить напряжение в паху, жар, исходящий от его тела.

Но это неправильно, так ведь? Он - мой брат и женат на самой сексуальной женщине в мире. Она женщина, а я - нет. Я не имею права хотеть, да и не должна.

А ощущение мягкости и нежности на моих губах, влажного дыхания, ласк, так сильно похожих на поцелуй мужчины - это просто иллюзии, мираж, не так ли?

Некоторые галлюцинации бывают очень реальными. Настолько, что мне сложно дышать. Настолько, что я чувствую две тёплые и мощные ладони по обеим сторонам своего лица, они сжимают, сдавливают, не больно, но достаточно сильно, чтобы я осознавала - это не иллюзия.

Мы целуемся. Жарко, жадно, искренне. Растягивая рты до боли в челюстях, стараясь захватить как можно больше, сталкиваясь языками.

Я чувствую знакомое давление внизу живота. Разве должна я его чувствовать? Я же не женщина, не женщина...

Дамиен нависает надо мной, и тяжесть его тела не просто желанная, она сладкая. Каждый кубический миллиметр его, каждый миллиграмм.

Боже, это вынести невозможно. Боюсь, моё бесполое существо вот-вот разорвёт от необходимости содрать с нас обоих одежду и впиться своими бёдрами в его. Забрать его в себя полностью. Вжаться так, чтобы до боли.

А больно будет точно. Не может не быть. Но мне плевать, потому что ноющая в теле потребность гораздо больше. Вопрос только в том, готова ли я признать, что речь в большей мере не о теле вовсе, а о душе. И что будет с ней, когда всё закончится?

Но он отрывается, ставит точку в этом неожиданном и странном забеге:

- Вот, что я всегда хотел с тобой сделать! - сообщает, задыхаясь. - Забавно, да? Как здорово у меня получалось это скрывать!

Мне сложно прийти в себя, нелегко вынырнуть из того моря, в котором мы плавали секунду назад, но я нахожу в себе силы казаться невозмутимой:

- Они ржали надо мной!

- Да. Но если тебе будет от этого легче: я смеялся громче всех внутри себя и над самим собой. Тяжело осознавать себя поражённым, особенно, когда соперник даже не подозревает об этом.

- Это неправда... - тихонько возражаю.

- Правда. Самая настоящая, горькая правда. И знаешь, что хуже всего?

Я знаю. Знаю! Но пусть он сам об этом скажет.

- Если бы мы были в курсе, кем приходимся друг другу, я не думаю... вернее, теперь уверен, что ничего бы не изменилось. Всё было бы точно так же, и рано или поздно мы столкнулись бы в каком-нибудь чулане и... этому вулкану суждено было взорваться. Мы не первые, Ева. И не последние. Байрон, Калигула... Кто знает, сколько их ещё было? Таких же «неправильных» как мы?

Он не сказал «извращенцев». Не сказал.

- Извращенцев? – говорю за него.

Дамиен молчит. Я тоже боюсь издать хоть звук.

- Это неверное слово, - произносит, наконец, ровным и немного жёстким тоном. - Я не считаю нас извращенцами. Извращение – это то, что люди делают в погоне за остротой ощущений. А мы просто не можем иначе, не способны выжить. Кто-то умеет принять меньшее, согласиться на пустоту в душе в обмен на вывеску «порядочности», а кто-то, как мы, расшибает лбы прежде, чем понять: нет иного пути, кроме как «наперекор» порядку. Просто наши личности не способны на компромиссы. Поэтому мы так не ладили в детстве, поэтому не можем выжить друг без друга во взрослой жизни. Можно научиться уступать и прощать, но нельзя научиться любить или не любить. Любить сестру и спать с ней по этой причине, а не потому, что запретный плод сладок, и просто секс с сестрой – это разные вещи. Второе – извращение. Первое – любовь. А любовь не бывает от дьявола, она всегда от Бога. Если ты ещё веришь в него, конечно.

Откуда он знает? Откуда он, чёрт возьми, всегда и всё обо мне знает?

- Я сомневаюсь, верю ли вообще во что-либо... - признаюсь.

- Я хочу, чтобы ты верила в меня. Хотя именно я предал тебя даже в большей степени, чем Он. Как думаешь, возможно это?

Что на такое ответить?

- Нельзя верить тому, кто однажды уже предал, Дамиен.

- Можно. Если это единственный способ выжить.

После звёзд и ночной свежести всегда безумствует аппетит. Мы на кухне: Дамиен в своей коляске, а я у него на руках.

- Мне очень хорошо с тобой! Так хорошо! – честно признаюсь ему.

И он отвечает так, как считает нужным: поцелуи. Мягкие, нежные, невесомые. Они не берут, они отдают, причём всё, что могут. Я чувствую это не только кожей, но и всем своим существом.

- Поверить не могу, что это тот самый Дамиен, который швырял в меня мячом! – заставляю себя рассмеяться, чтобы не заплакать.

- Я думал, мы всё уже выяснили о мячах! – вздыхает.

- Выяснили, - соглашаюсь, едва дыша.

Я не хочу думать о том, что было, и что прошло. Мячи из детства – лёгкая пыль в сравнении с той грязью, что принесла нам жизнь взрослая. Сейчас он здесь, в одной со мной комнате, в одном со мной доме, моя рука в его руке, и нас никто и никогда не сможет прервать просто потому, что больше никому.

Мы слушаем музыку, прильнув друг к другу. Дамиен обнимает мою талию, я его плечи, и наши неуклюжие движения рождают неловкие улыбки. Он поднимает руку и ладонью прижимает мою голову к своему плечу. Я чувствую расслабляющие движения его пальцев в своих волосах, будто одного касания им мало, нужны ещё, и замечаю на зеркальной поверхности кухонных шкафов отражение наших фигур. Глаза Дамиена закрыты, закрываю и я свои, прислушиваясь к тому, как он с чувством втягивает носом запах моего бальзама для волос. Я старалась. Хотела нравиться. Мечтала привлечь его снова, и вот, кажется, получилось. Моё ухо прижато к его груди не просто так: он хотел, чтобы я услышала его сердце. И я слышу – быстрый, громкий, рваный ритм – как всё в этом мире беспокойно! И это полнейшее отсутствие покоя вызывает улыбку на моём лице.

- Не умолкай! – шёпотом прошу его. – Бейся так долго! Стучи, отбивай свои удары, а я

буду их слушать...

Пауза... испуганное затишье и вдруг: Бух! Тук-тук-тук. Бух!

- Не затихай, иначе он уйдёт от меня! – объясняю ему ещё тише. – Пока ты бьёшься, он любит, и он здесь...

И вдруг слышу негромкое:

- Не уйду. А оно не утихнет, и ты это знаешь. Знаешь ведь! Столько лет уже бьётся, и только для тебя...

- И никогда не перестанет? Обещаешь?

- Когда-нибудь перестанет. Но только тогда, когда не станет тебя.

Я прижимаюсь носом и губами к футболке, скрывающей самую нужную мне грудь во Вселенной. И, наконец, слышу:

- Я люблю тебя, мой Опиум. Мой Опиум...

Глава 36. ЭТО

Это случилось в тот же день, когда к нам приезжала Лурдес с детьми. Самые первые её визиты с близнецами были для меня почти испытанием – очень трудно совладать с завистью, осознавая несбыточность счастья материнства для меня. Невероятно тяжело.

Но Лурдес знала, что делала, и спустя год её дети стали частью моей жизни. Вот так просто влились в неё, втиснулись, являясь вместе со своей матерью, когда вздумается, раскидывая по моему дому игрушки и использованные подгузники. У меня завелись детские смеси, кресла-качалки, игрушки, упаковки с подгузниками, соски, бутылки и даже устройства для их стерилизации. Я не заметила, как полюбила их и какое невероятное облегчение при этом сама испытала.

Лурдес приезжает в Ванкувер часто, говорит, что ей нужно развеяться, но на самом деле, я знаю, она приезжает ко мне – проверяет, как обстоят мои дела. Ну и развлекаться, конечно, тоже. С тех пор как Дамиен поселился со мной, Лурдес стала ненадолго оставлять нам детей и выезжать в город на шопинг.

- Вам всё равно не фиг делать целыми днями! А благодаря мне хоть принесёте пользу обществу! – ставит нас перед фактом, тряхнув, по своему обыкновению, распрекрасной гривой.

Вернувшись с променада, Лурдес важно повязывает кухонное полотенце на свои крутые джинсы европейского бренда и спешит обрадовать:

- Сейчас я приготовлю вам нормальной еды, а то жрёте тут одну пиццу! Ждите русские блины!

Кисть её руки выписывает в воздухе крендель, обозначающий нечто вроде «это невероятно вкусно!», Дамиен мягко улыбается и смотрит на меня. Я всё жду хоть одного его восхищённого взгляда в адрес Лурдес, потому что, если быть честной, даже Мелания вянет рядом с её красотой и неудержимой энергетикой, но глаза брата всегда на мне. Когда ни взгляну в его сторону – встречаюсь с каре-зелёным взглядом.

У Лурдес двойня – мальчик и девочка. Врачи в течение всего срока беременности обещали ей двух парней, но одним из них оказалась замаскированная девочка. Лурдес назвала своих детей Адамом и Евой.

Дамиен держит на руках Еву, всматривается в её кареглазое лицо и трогает маленький носик кончиком своего указательного пальца.

- Зря ты так назвала их... - говорит задумчиво.

Лурдес одним грациозным движением головы откидывает волосы и отвечает:

- Если намекаешь на вас двоих, - тычет своим пальцем, испачканным в муке, между мной и Дамиеном, - то всё это глупости! Если с моими детьми суждено случиться такому же недоразумению, то имена Филиппа и Гордон не остановили бы их, уж поверь!

- Я бы не называл такие вещи недоразумением, - спокойно замечает мой брат.

- Ой, ну извини! Мы же не в детской песочнице, чтобы к словам цепляться, правда? И, кроме того, такая же парочка имеется и в нашем семействе.

Я догадываюсь, о ком она говорит, хотя никогда раньше эта тема не поднималась – Амаэль и Айви. Мне запомнились эти дети после Рождества, проведённого в доме

родителей Лурдес. То, что они без конца носились вдвоём, не бросалось в глаза так, как трепетное друг к другу отношение. Если Лера давала печенье Айви, то девочка брала сразу два – себе и Амаэлю. Если Амаэль приставлял стул к высокому столу, то делал это вначале для Айви и лишь потом для себя. Их головы всё время были вместе, и они часто держались за руки, как будто общения им было мало, нужно было ещё и прикоснуться друг к дружке.

- Амаэль и Айви? – делаю предположение.

- Что так заметно? – с улыбкой интересуется Лурдес.

Я киваю, стараясь воздержаться от изложения своих наблюдений.

- Да, это они, - лицо Лурдес становится серьёзным. – Но никто из нас, включая их родителей, не делает из этого трагедии. Если этих двоих так тянет друг к другу, и они действительно станут парой, то какая к чёрту разница? Они такие же точно люди, как и все остальные, с тем лишь отличием, что состоят в родстве. В плане воспроизводства уже сейчас существует масса решений, а к тому моменту, когда они решат стать родителями, будет ещё больше! Мама с отцом относятся к этому толерантно. Сонька с Эштоном тоже.

- Я хорошо знаю твоего отца, - внезапно заявляет Дамиен.

Мои брови взлетают, но Лурдес не удивлена:

- Он тебя тоже очень хорошо знает, - подмигивает. – Ты б ещё на коленке её покачал! – кивает на свою дочь.

Дамиен корчит ей рожу, а я чувствую, но не могу понять, что именно ускользает от моего понимания.

- Как вы познакомились? – спрашиваю у Дамиена.

- Работали вместе, - отвечает, играя с рукой Адама.

Лурдес бросает первый жёлтый круг на тарелку и отдаёт её Дамиену:

- Пробуй!

- Я тоже хочу! – возмущаюсь.

- Мужчины вперёд! – смеётся Лурдес. – Они вечно голодные!

«Может, я плохо его кормлю?» – всплывает мысль.

- Уммм! Какие божественные панкейки, Лу! – мурлычет Дамиен, как кот.

- Это не панкейки! Это блины! - возмущается повар.

- Sorry, мне не важно, как это называется, но ничего вкуснее я ещё не ел!

Дамиен в азарте, и это не просто меня радует, а почти поднимает в поднебесье. Короткий миг я переживаю состояние внезапно накатившего ощущения счастья, когда кажется, что всё настолько хорошо, что лучшего даже не хочется.

- Знаешь, вся эта ваша ситуация напоминает мне историю моих родителей, - задумчиво заявляет Лурдес, размазывая по тарелке кленовый сироп.

- Серьёзно? - спрашиваю, уплетая её блины.

- Дааа, - тянет, и я уже знаю, что за этой многозначительной паузой последует «нечто». - Был у них такой сложный период в жизни, когда отец болел. Правда, намного серьёзнее тебя, - тычет пальцем Дамиену в грудь, отчего тот буквально давится.

- Насколько серьёзно? - допытываюсь.

- Рак крови, третья стадия, метастазы в печени. Не жилец он был и одной ногой пребывал в могиле. Маменька бросила детей и мужа, рванула выскребать свою любовь с того света. Жили они так в уединении аж три месяца. Никого кроме друг друга почти не видели. С этого у них всё и началось: отец выкарабкался, перья почистил и выкрал мамочку в единоличное пользование. Развёл её и тут же сам женился. А через два года родилась я! –

заявляет с особенной гордостью.

Прожевав откусанное, добавляет:

- Никто не знает, что в книге с названием «Судьба» написано. Но могу вам без преувеличения сказать: настолько сильного чувства, как между моими родителями, я в жизни не встречала. Я люблю Антона, он любит меня, Эштон любит Соньку, а она его, но всё это ни разу не так надрывно, трагично, неудержимо и непреодолимо, как у отца с матерью. Видел, как он на неё смотрит? – обращается к Дамиену.

- Да, - рот Дамиена растягивается в бесконечной улыбке, глаза сощуриваются так, как это бывает у него только в моменты искренней радости. - Этот его взгляд сложно не заметить! - добавляет с восхищением.

Лурдес, поднимает руки, чтобы вновь закрутить свою рассыпавшуюся гриву в узел, и как бы невзначай бросает:

- А ведь ты точно так же смотришь на неё, - кивает в мою сторону. – Единственная пара, у кого я наблюдала нечто похожее – вы двое.

Последнюю фразу она произносит с подчёркнутой серьёзностью, а мы с Дамиеном боимся даже взглянуть друг на друга. Моё сердце теряет здоровый ритм, спотыкается и никак не может вернуть размеренность. Я бросаю на Дамиена только один короткий взгляд, но вижу, что и он теперь смотрит на меня пристально, не отрываясь. Мы оба думаем об одном и том же. Мы оба осознаём свои возможности, страхи, последствия поступков. Мы оба хотим одного и того же. Нет, жаждем одного – быть несмотря ни на что вместе.

Лурдес уезжает засветло – в пять вечера, потому что на американской таможне в воскресенье длинющие очереди. Я помогаю ей усадить сытых детей в автокресла, мы обнимаемся, и Лурдес тихонько шепчет мне на ухо:

- Не дай ему уйти на этот раз. Он и сам не хочет, но ты держишь дверь слишком широко открытой, закрой её! Дай ему хотя бы понять, что хочешь, чтобы он остался!

Внедорожник Лурдес скрывается за поворотом, а я стою на мокром асфальте, ежась и кутаясь в свою куртку под морозящим дождём. От дома, в который я сейчас вернусь, исходит тепло. И я хорошо осознаю его источник: меня впервые в жизни ждут. Я больше не живу одна, и стены перестали быть просто стенами, они стали домом. Это чувство нужности кому-то и тепла так не хочется терять. Так страшно снова оказаться одной. У Мел есть её сын, а у меня кроме Дамиена никого.

Я поворачиваю голову в сторону нашей входной двери и вижу Дамиена на пороге: он ждёт меня в своей коляске и улыбается. Его улыбка невесомая, но искренняя, а в глазах то же самое выражение, какое я видела у отца Лурдес, когда он смотрел на свою жену. И пусть у него птицы и цветы сакуры на предплечьях, его взгляд, как и его чувства, неизменны.

Я возвращаюсь, толкая перед собой коляску и не обращая внимания на извечное «Я сам!».

Мы быстро убираем в кухне и столовой, слушая музыку по радио, затем Дамиен укатывает принимать свой вечерний душ, я поднимаюсь к себе и делаю это же.

Моя постель холодная, и я не вижу никакого смысла в том, чтобы мёрзнуть в ней в одиночестве. Лурдес велела хлопнуть дверь, а она – мой официальный лечащий врач.

Спускаюсь, тихонько толкаю дверь в его комнату и стою в нерешительности в крошечной тьме. Вдруг слышу:

- Ну же, иди ко мне...

Наши губы болят от поцелуев, но стоит мне отвернуться, как Дамиен прикидывается к моей

щеке или шее. Нам обоим хорошо. Несмотря даже на то, что мой кавалер не может подняться с кровати, а мы оба, возможно, больше совсем не пригодны для секса. Никому нет до нас никакого дела, а нам на всех наплевать: в этой комнате мы равны, получаем друг у друга благословение на удовольствия, радуемся доступному и поэтому счастливы.

- Ты бываешь счастлив?

- Конечно! Я всегда счастлив.

- Нет, так чтобы безмерно? Чтобы как удар молнии?

- Да! - тянет и улыбается, щурясь. - Каждый раз, как ты раздвигаешь для меня бёдра...

- Да ну тебя! - смущаюсь.

- Нет, я серьёзно. Дело не в сексе, вернее, не только в нём: ты как будто принимаешь меня несмотря ни на что. Это волнительно. И много для меня значит. Очень много!

Моё сердце сейчас пробьёт грудную клетку. Он... намекает? «Несмотря ни на что»... Каждый раз... Он ведь не случайно так сказал: между нами в полном сознании и «знании» ЭТО случилось только один раз. Лишь однажды я допустила между нами близость, и судьба наказала меня. Его тоже. Но сейчас Дамиен произнёс то, что уже давно поселилось в моей голове навязчивой мыслью, вертится и вертится, крутится вокруг одной и той же идеи: «любить, несмотря ни на что...».

Я не знаю, способен ли он сейчас на секс, и понятия не имею, смогу ли сама. Мне неизвестны ни последствия пережитой мною операции, ни его интимные возможности. Врач об этом со мной не говорил, что логично: кто я Дамиену? Он всё сказал жене, и та от него отказалась.

Но вот это «каждый раз»... Он хочет, чтобы кроме того одного раза, были ещё?

Дамиен прижимается губами к моим закрытым векам:

- Знаешь, мне часто снились твои глаза.

- Знаю.

- Откуда?

- Неважно.

- Всё в жизни важно.

- Неправда. Есть много вещей, которые не стоят внимания.

- Каждая мелочь стоит внимания, если она связана с тем, кого ты любишь...

Боже, снова это ощущение падения в бездонную пропасть, где с каждым метром погружения голова кружится всё больше, а в груди растёт щекочущее чувство невесомости.

Дамиен прижимает меня к своей груди, и я краешком сознания замечаю, что на нём нет футболки. И штанов тоже. И белья.

Его руки стягивают мою одежду, ловко справляясь с каждой деталью, и в уверенности его движений растворяются все мои сомнения: глупо было предполагать, что он не способен на секс: только не Дамиен. Неразумно было страшиться боли: только не с ним!

Кажется... мы счастливы. О том, что будет завтра, думать сейчас неразумно, поэтому Дамиен и Ева, сознательно не оглядываясь на пережитое прошлое и ожидающее будущее, просто отдаются моменту. Рукам друг друга, губам. Ласкам и поцелуям.

Дыхание у моего уха говорит о том, что остановиться уже нельзя, даже если бы мне очень этого захотелось. Сдержать этого мужчину уже невозможно. Его тёплая рука раздвигает мои бёдра, нежно скользит по коже, и у меня нет сил её отбросить. А хочу ли я её отбрасывать?

И я, наконец, произношу то, что уже давно хотела ему сказать:

- Заполни мою пустоту! Дааа-ми-ееен...

В ответ он выдыхает жаркое согласие и толкается: смело, уверенно, даже напористо, совсем не так, как в тот злополучный прошлый раз, который обернулся моей трагедией.

Мне настолько хорошо, так сладко, что совершенно неожиданно я слышу собственный стон. Пусть тихий, глухой, слабый, но всё же это был стон, и именно он заставил сознание вернуться в мою обезумевшую голову. А в реальности мужчина, покалеченный аварией и неспособный самостоятельно передвигаться, занимается со мной сексом, нависает надо мной и вот прямо сейчас упирается коленями в матрас, совершая движения в том самом уникальном, одному ему известном ритме, способном творить чудеса. В полумраке спальни я наблюдаю за тем, как он кончает, вжимаясь в мои бёдра и откинув назад голову, как с силой вздымается его грудь, совершая быстрые частые вдохи, и пытаюсь понять, что происходит: я сплю? Грежу? У меня галлюцинации? Или больной внезапно исцелился?

Очнувшись от быстротечного затмения, Дамиен опускается, прижимается лицом к моему и затихает на несколько мгновений. Его горячие влажные губы сползают с виска на шею и начинают целовать. Я внимательно слушаю его рваное дыхание и собственное заячье биение сердца, пока Дамиен не прекращает своих поцелуев.

- Дамиен...

- Да? – замирает.

- Ты стоишь на коленях.

Тишина.

- И ты только что двигал своей чёртовой задницей! – мой голос повышается на октаву с каждым произнесённым словом.

- Да?! – он как будто не удивлён.

- Да!

Я упираю руки в его взмокшую грудь и отталкиваю, резко скинув с себя.

- Да! – уже почти взвизгиваю. – Как давно?!

Моему возмущению нет предела.

- Я не знаю... только что... – неуверенно отвечает.

- Не ври!

Слышу протяжный вздох и шорохи, внезапно загорается прикроватная лампа, заполняя спальню тёплым светом, и я вижу Дамиена, стоящего у кровати на своих чёртовых собственных ногах...

Я смотрю в тёмные глаза, полные замешательства, и понимаю, что меня, кажется, давно дурачили.

- Ты с самого начала мог ходить? – на этот раз мой голос спокоен, и это верный признак приближающегося урагана. Этого лгуна ждёт шквал моего гнева.

- Нет, не с самого начала... - улыбается, виновато хлопая глазами.

- С какого времени тогда?

- Ну... пару месяцев, может быть...

Мы смотрим в глаза друг друга, не отрываясь. И я бы тонула в тепле и мягкости его взгляда, если бы не чудовищная обида: он снова меня обманул. Опять!

- Зачем? – спрашиваю и слышу сама, как вибрирует мой голос.

Его взгляд скользит по моему телу, он видит шрам на моём животе и улыбка мгновенно слетает с его лица. Мне больно видеть то, КАК он смотрит теперь на меня: на его лице ужас и, наверное, отвращение. Его глаза неуверенно возвращаются к моим, и мы смотрим друг на

друга вечность.

Господи, как я могла забыть об этом шраме? Как? Зачем позволила ему включить свет? Почему не закрылась простынёй или хотя бы какой-нибудь своей тряпкой...

Он чувствует моё смятение и, совершенно уверенно ступая ногами по деревянному лакированному полу, подходит ко мне.

- Не подходи! – предупреждаю, поднимая руку. – Не подходи, или я убью тебя!

- Ева, - он тянет ко мне ладони. – Ева, не злись! Прошу тебя!

Но я злюсь, и злюсь сильно. Так мощно, как ещё, чёрт возьми, никогда! Да я его на куски порву, этого подлого симулянта!

- Ева, я сейчас всё объясню! Ты только не дыши так нервно, - просит. – Тише, тише, тише... - оборачивает руки вокруг моей талии, но я вырываюсь, чтобы вlepить пощёчину в его подлую физиономию.

Глава 37. Театр иллюзий

- Кулаками споры не решают! – вбивает в мою голову всю дорогу по пути от школы до дома отец.

Я не согласен, а потому насуплен, нахохлен, ершист. Все шипы наружу, все иголки. И вдруг вижу на каменном парапете нашего подъезда к дому девчонку. Она скачет по нему на одной ножке, обутой в сандалию с лиловой бабочкой: раз, два, три – сменила ногу, и снова: раз, два, три.

Мой взгляд примагничен, мозг залип на этом простом представлении, и я даже не задаюсь вопросом: кто это и что ОНА делает на нашем полуразвалившемся каменном заборчике под старыми, посаженными в ряд туями?

Её распущенные волосы, забавно подскакивающие с каждым прыжком, короткое платье красного цвета с принтом из белых котов нравятся мне с первого взгляда. С самого первого мгновения, как мои восьмилетние глаза увидели эти худые ноги, острые коленки и тонкие руки, с первого столкновения с карим прожигающим взглядом мой мир окрасился в новые тона и краски. Это был не взгляд, это был лазерный бластер - один прицельный выстрел, и ты труп.

А потом её мать... наша мать, сказала, что мы будем жить вместе. Ева фыркнула, я сделал то же самое в ответ. На следующий день она нечаянно разбила чашку и не призналась, пока отец извращался в наказаниях. Я молча принимал кару и придумывал, как буду мстить. Кажется, это было её кошачье платье – я вырезал в нём дыру. И насыпал древесных муравьёв в постель, и они искусали её, оставив на коже шишки сливового оттенка. Стыдно вспоминать теперь, но это было. Всё это было, и всё это прошло.

Теперь я – в инвалидном кресле, она – в раковине своего комфортного психического расстройства и килограммах маскировки. Живёт, будто по реке плывёт, и не важно, что проскакивает мимо на её берегах, а позади остаётся очень многое: увлечения, стремления и мечты, жизнь, семья, любовь.

Самое тяжёлое, самое жуткое для меня сейчас – отсутствие её взгляда. Она не смотрит в мои глаза. Совсем. И так с самого начала. Лурдес об этом предупреждала, но иметь дело с психически нездоровым человеком не так просто. Я не знаю, когда мне можно говорить, и что именно. Я не знаю, слушает ли она меня. На вопросы отвечает, но не на все - больше половины игнорирует, и я даже не представляю, слышит ли она меня.

Это жутко, это больно, и это тяжело.

Но какой бы ни была моя ноша, я понесу её до конца. До самого.

В груди жжёт. Я пью отцовский коньяк, глядя на мокрые листья вечнозелёных кустов под нашим окном. Зима, а им хоть бы что, блестят в фонарном свете, уже который день вымоченные дождём. Забавно, летом наши лужайки высыхают, а зимой благоухают. Никогда не думал об этом раньше.

Но часто вспоминаю наш разговор с Лурдес:

- У неё шизофрения?

- Я склонна думать, что нет. Мой диагноз: острое полиморфное психотическое расстройство.

- А в чём разница?

- В прогнозе. Если я скажу тебе, что она – шизофреничка, ты оставишь её здесь и пойдёшь запивать горе алкоголем. Потом вернёшься к жене и стыдливо признаешься, что твоя сестра сошла с ума. А если я скажу тебе, что у неё психотическое расстройство, и оно полностью излечимо, не оставляя никаких последствий, то ты, скорее всего, заберёшь её отсюда. И у неё будет шанс.

Я смотрю на носки своих туфель - Ева всегда обращала внимание на мою обувь:

- Лурдес, ты ведь меня совсем не знаешь, - поднимаю голову, чтобы видеть её глаза. - Мы с тобой, в сущности, никогда не общались.

Она поджимает губы, но слушает, не перебивая.

- Знаешь, что самое страшное? – стараюсь не терять самообладания. - Ты видишь меня Её глазами, и это означает, что так ОНА видит меня.

Я снова опускаю свою тяжёлую голову и пытаюсь выжать боль, растирая, что есть мочи, пальцами глаза и виски. Но это бесполезно: её не унять, голова вот-вот расколется от напряжения. Встаю и, взглянув в последний раз в глаза единственного друга Евы, объясняю себя:

- Но вы ошибаетесь обе: я не оставлю её в любом случае. При любом диагнозе.

Направляюсь к двери и получаю вдогонку:

- Ты УЖЕ её оставил. Поздно пить Боржоми...

Я не знаю, что такое Боржоми, и что именно врач-психиатр с репутацией хотел этим сказать, но очень хорошо понял первую фразу.

Да, я её бросил. Один на один с одиночеством, страхами и растоптанной моралью.

Глава 38. Женщина, которой нет

Я разыграл эту партию и выйду из неё победителем.

У меня уже есть результаты – она реагирует на мою боль. Словно просыпается, когда я жалуюсь. Всегда слышит меня, если прошу помочь.

Это странно для меня, но не для Лурдес. Ева откликается на мою боль, потому что это то, что ещё имеет для неё значение.

Никто не знает, что именно происходит в её мире, но однажды она упомянула о необходимости уйти с работы, чтобы ухаживать за мной. Я поинтересовался, чем она там занимается, и выяснил, что работает психологом.

Неопытный, я тут же спросил, как ей дали эту работу, если у неё нет диплома, и отхватил злобный «сквозной» взгляд. Сейчас даже это - редкая роскошь, но и в такие моменты Ева смотрит лишь в моём направлении, но не на меня.

- Я давно получила свой диплом!

- Покажи его, - мягко прошу.

Она резко поднимается и идёт искать. Спустя три часа появляется, совершенно забыв, зачем поднималась.

В её руках нет диплома, и не может быть, потому что моя сестра никогда не оканчивала свой институт, как и никогда не работала психологом.

Все месяцы после лечения в психиатрической клинике Ева жила в доме у залива, который я купил для неё - она всегда мечтала «пить кофе по утрам, глядя на ласковое море». Моря у нас нет, и заливы не ласковы, но вода есть, и я надеялся, что эти перемены в её жизни помогут.

Не помогли. Она не подпускала меня к себе, вычеркнула из своего мира, поэтому я был вынужден заботиться о ней на расстоянии: оплачивать счета и следить за тем, чтобы растворившаяся в семье и детях Лурдес регулярно находила время на свои визиты.

Увы, я остался только персонажем в скрытом мире самого главного в моей жизни человека: у меня есть история и лицо, но мне запрещён вход. Ева больше не видит людей, способных причинить ей боль, напомнить о том, что с ней случилось, отчего она так тщательно закрылась, и о чём молчит.

И вдруг меня «впустили»: наглухо закрытая до этого дверь приоткрылась. Это случилось неожиданно, но, по мнению Лурдес, закономерно: со мной произошла беда - авария. Я покалечился и опустился на несколько ступеней ниже в воображаемом мире, где отсутствие способности ходить становится моим проходным билетом в «запретную зону».

Ева заботится обо мне. Ухаживает, отдаваясь своим обязанностям со всей серьёзностью. Мы не врали о моих ногах: в её сознании больничная коляска «породила» моё увечье. И оно настолько для неё реально, что даже если я забудусь и дёрну «неживой» ногой, Ева этого не заметит. В её скрытом от всех мире мои ноги мертвы, а мне нужна её помощь. Поэтому я рядом. Поэтому днями напролёт не вылезаю из проклятой коляски.

Я заставляю себя верить, что у Евы не шизофрения, у неё – посттравматическое психотическое расстройство, которое может либо пройти, либо усугубиться и стать шизофренией. Поэтому буду инвалидом ровно столько, сколько потребуется. Буду позволять

заботиться о себе и страдать от беспомощности, отращивать на голове волосы и терять мышцы, но дождусь того момента, когда настоящая Ева вынырнет из своей норы: я схвачу её обеими руками, сожму и не отпущу обратно. Никогда уже не отпущу.

Все вокруг считают, что я совершаю «благородный» поступок: тётка, Рон, Лурдес и даже Мелания. Но ни черта, в таком случае, они обо мне не знают: я здесь не по причине благородства. Вернее, в первую очередь не по этой причине.

Я люблю её.

Сложно объяснить силу и глубину этого чувства: оно не игривое, не страстное и не бурлящее, как когда-то в юности, не вызывающее головокружений и биения сердца, норовящего разорвать грудь. Оно как древнее дерево в засушливой местности, глубокими корнями тянущееся к воде. Все вокруг умерли, а оно упорно живое и будет жить, потому что слишком глубоко вросло в землю. Там есть вода, много воды, хватит обоим.

А Ева как засохшая ветка: она есть, очертания те же, но жизни и цветения нет.

Одни происшествия и события дают мне надежду, другие отбирают.

Страшнее всего стало, когда Ева пожаловалась Лурдес на Меланию, «обобравшую меня до нитки и лишившую сына». Это жутко, но ещё ужаснее то, что в выдуманной реальности Еве угрожают и продолжают играть с ней в игры. Значит, в ней уже не так комфортно. Значит, она либо вернётся обратно к нам, реальным людям, ко мне, давно разведённому и не видящему сына только потому, что это временно недоступно из-за моего проекта «Вернуть Еву любой ценой», либо нарисует новую, и я потеряю её окончательно.

Ева и Мел ни разу не встречались со школьных времён. Мел никогда не говорила мне, что родила ребёнка не от меня: мы развелись потому, что не нашли в себе сил тянуть и дальше то, что изначально не стоило и начинать. Наше имущество разделено согласно закону, как и опека над сыном. Мел не только не препятствует нашим встречам, но и поощряет их, уверенная, что Дариусу нужен отец. Нужен я.

Но я полон надежд: забирая меня из больницы, Ева повезла меня не в свой просторный новый дом на берегу залива, а в изрядно уже запущенный родительский. И в этом её выборе я вижу бездну возможностей для нас: мы возвращаемся туда, где всё началось и где закончилось. Заходим на новый круг, новый виток, и на этот раз я не допущу ошибки.

Наше обычное, стандартное утро: медовые хлопья, бекон, круасаны из Safeway, запах кофе со сливками и полнейшая тишина. Словно мы немые, или один из нас существует лишь в воображении другого. Или мы оба.

Пью приготовленный её руками зелёный чай и наблюдаю: она ест, вздыхая, затем, словно почувствовав на себе взгляд, замирает. А я перестаю дышать и ловлю момент: Ева будто на мгновение ожила.

Наконец, она поднимает глаза и впервые по-настоящему смотрит в мои. Пронзительно, глубоко. И я вижу её, я узнаю. Это недолгий зрительный контакт, короткий, потому что самый первый, но я успеваю спросить глазами: «Господи, Ева... Что я сделал с тобой? Что? Я должен знать! Скажи мне, Ева! Пожалуйста, скажи!»

Вздрогнув, она резко отводит глаза, и по моему позвоночнику ледяной змеей сползает понимание – услышала. Услышала и тут же спряталась.

И снова тишина, пустые глаза, затянутые плёнкой отрешённости.

На следующий день я говорю ей, что мне нужна помощь в ванной – хочу помыться, но самому не справиться.

Ева не задаётся вопросом, как я мылся до этого – в течение всех последних девяносто

семи дней, что мы живём в этом странноватом уединении. Она ни о чём не спрашивает, молча соглашается.

Когда её руки касаются моей кожи, мне хочется рыдать от понимания степени «нездоровья» наших отношений. Вернее, от того, что всю эту комедию в ванной я ломаю не ради неё, а ради себя.

Человек во мне, обычный, уязвимый и способный на страдания, истосковался по ней, изголодался. Евы нет, и неизвестно, вернётся ли она, а эта иллюзия, ожидание, что физический контакт принесёт облегчение – сплошной обман.

Невыносимо больно любить женщину, которой нет. Она как бы есть, но это давно уже не она. Даже оболочка изменилась, что уж говорить о душе.

В тот момент, когда её ладонь ласково касается моего бедра и совершает лишь одно невесомое поглаживание, словно сожалея о чём-то, я на грани катастрофы – у меня эрекция. Самая, что ни на есть откровенная реакция здорового мужика, вынужденного блюсти целибат.

Да, это непросто, жить рядом с любимой женщиной, хотеть её и не иметь возможности прикоснуться. НЕ иметь ПРАВА. Ни морального, ни легального.

Я запрокидываю голову и, закрыв глаза, представляю себе, как её губы касаются моих. Даже чувствую их вкус, мягкость, такие знакомые движения, потому что так, как целуется моя Ева, не целуется больше никто: уникальный микс нежности и страсти, желания отдать всю себя и стремления забрать ещё больше.

Сердце распирает грудную клетку: я разделся перед её глазами нарочно, не оставил на себе ничего из того, что способно скрыть наготу и греховность моего тела. Если до души не достучаться, может быть, она хотя бы так вспомнит меня? Ведь реагирует же на мою боль?

Но она безразлична. Её руки, нежные и медлительные, моют меня, делают то, о чём я попросил, и ничего более. Смыв ладонями пену с моего тела, Ева укрывает меня тремя полотенцами и спрашивает, нужна ли мне помощь, чтобы пересест в коляску.

Я злюсь от того, что мой замысел не удался, и совершаю позорный выпад:

- Почему не спросила, нужна ли мне помощь, чтобы перелезть из неё сюда, в ванну?

И получаю под дых:

- Прости, пожалуйста, я не подумала... Я... я виновата! Мне очень жаль... Знаю, что тебе тяжело, и всё время забываю, что должна помогать...

Я закрываю лицо руками – мне стыдно. До щемящих слёз. До кома, сдавившего горло и грудную клетку.

И Ева «помогает» мне пересест, больше мешая, конечно, и не заметив, как обычно, что я опираюсь на свои «мёртвые» ноги.

Я совершаю ошибки. Тактические и методические:

- Ева, - спрашиваю мягко, негромко, аккуратно, - где твоё кольцо?

- Какое?

Она будто спит и бредит во сне, а я пытаюсь стучать в её сон реальностью:

- Моё кольцо...

Просто хочу понять, определить для себя некоторые базовые вещи: кольцо – символ обещания, которое я не сдержал, и мне нужно знать, как глубоко проросла в её душу обида.

И лучше б у меня отсох язык, а вместе с ними беспутный мозг. Что видят мои глаза, сердце не способно выдержать: Ева почти задыхается, хватая ртом воздух, сдавливая одной рукой собственное горло, а второй, добела сомкнутой в кулак, сжимает свою футболку в

одном очень важном месте – на груди. Как раз там, где находится её... наша татуировка - знак наших чувств и взаимных обещаний. В её глазах слёзы и боль, я пытаюсь обнять, отрывая руку, которой она себя душит, но силы в ней невероятные. Какие-то не женские, ненормальные. В следующую секунду она срывается и летит вверх, захлопнув дверь, дав мне понять щелчком замка, что вход воспрещён. Я пытаюсь стучать, кричать, угрожать, потому что с ужасом осознаю, на какие шаги способна Ева. Обещаю выломать дверь, но, в итоге, нахожу более разумный, хоть и уже изрядно забытый за все годы способ – спрыгиваю с балкона своей бывшей мансарды на террасу Евиной комнаты. Она лежит на своей постели, скрючившись, сжавшись в нечто, напоминающее человеческий эмбрион, и тихонько воет, зарывшись лицом в плед. Я понимаю, что обязан оставить её в покое, но уйти боюсь, а потому почти всю ночь мокну на террасе, прижавшись спиной к стене и скрутившись от холода в эмбрион, похожий на Евин.

Глава 39. Гроза

Я проснулся от грома. Грома, которого никогда не бывает в наших краях даже в мае. Лежу, смотрю в потолок и словно вижу нас двоих под раскидистым дубом во Флоренции.

Тёплый августовский ливневый дождь и солнце - странное сочетание воды и света, сиреневой серости и золота. Ева прижималась ко мне, и в эти мгновения, где она мокрая разгорячённая от бега прячет свой нос у меня на груди, ищет в моих руках защиты, я чувствовал себя живее всех живых. Невероятное, фантастическое ощущение нужности, настолько сильной необходимости кому-то. Кому-то, кто нужен, как воздух, тебе самому. Эйфория от осознания всей магии этого простого и сложного совпадения.

Дерево, спасшее нас от неожиданного флорентийского ливня, жило своей многовековой жизнью в небольшом сквере неподалёку от железнодорожного вокзала в Коверчано, где мы с Евой остановились на время моего обучения. Это была спокойная западная часть города на улице Санторе ди Сантароса, далековато от центра, реки Арно, всех основных достопримечательностей и Джелатерии дей Нери, в которой я медленно, но уверенно постигал науку приготовления лучшего в мире мороженого. Мой мастер-класс длился всего неделю, но все часы, проведённые в старинной кухне с высоченными арочными окнами, вытягивали из меня душу. Потому что где-то по узким улочкам Флоренции бродила моя непоседливая Ева-фотограф. Я всегда поражался тому, как чётко она видит кадр. Как, совершенно не владея наукой фотографирования, чутьём и умом улавливает тонкости игры света, расположения объектов и цветовых пятен на снимках.

По вечерам, нагулявшись по городу, мы любили забираться на одну из смотровых площадок вдоль Арно и, свешивая ноги с высоких парапетов, любоваться ночным городом и рассматривать сделанные Евой за день фотографии. Её снимки были отличными, некоторые даже выглядели открытками, но, если она бывала в настроении снимать портреты случайных прохожих, туристов или жителей, у неё выходили настоящие шедевры: румяный пекарь в белом костюме, уставшие глаза пожилой женщины, глядящие друг на друга влюблённые, капризный ребёнок, весёлый ребёнок, и я... немного пришибленный, потому что счастливый.

Тогда под деревом Ева сказала мне:

- Хорошо, что нет грозы.

- Неужели боишься? – усмехаюсь.

- Угу, - признаётся.

- Ну ты даёшь! А я уж думал, Еве совсем не знаком страх!

- Я не боюсь людей, но кто я против стихии? Страшно! Чувствуешь себя хрупкой беспомощной букашкой!

- Глупая... людей нужно бояться, а не грозы!

Раздаётся ещё залп грома: небо словно разверзлось прямо над нашим домом. Ева сейчас одна в своей комнате, и я чувствую, что она боится. Сама смастерила себе клетку и теперь сидит в ней, один на один со своими страхами - смешно и горько одновременно. Меня терзает желание подняться к ней, обнять, успокоить. Если не оградить, то хотя бы дать ей это чувство – безопасности и защищённости, спрятать в своих руках от её внутренних

страхов.

Ещё один удар грома, и я не выдерживаю: вскакиваю, лечу по лестнице, перепрыгивая ступеньки, в её комнату, распахиваю дверь, но её постель пустая – Евы нет. Господи, думаю, куда она могла деться? Постепенно глаза привыкают к темноте, и я шарю ими по комнате, не решаясь включить свет. И, наконец, нахожу её...

Мои глаза закрываются, потому что смотреть на это невозможно. Я не врач, не специалист, я просто человек, который имеет лишь общее представление о шизофрении, знания, полученные в сети, и проявления этой болезни у любимой женщины не просто пугают, они убивают: Ева забилась в самый дальний от окон угол, спрятав лицо между стеной и ребром Икеевской полки с книгами, которые читала когда-то в юности. Когда-то, когда жила здесь, когда любила меня и верила. Мне больно видеть эту душераздирающую картину. Больно до слёз. Я не думаю о том, что делаю, не взвешиваю последствий, просто хватаю её на руки и переносу в постель, укрываю нас обоих одеялом, потому что её руки, ноги и нос холодные как лёд.

Еву трясёт то ли от холода, то ли от страха, она плачет, а мне кажется, что я вот-вот сам сойду с ума от её боли. И хотя мне так и не удалось ничего выяснить о происшествии, повлекшем настолько тяжёлые последствия, меня не покидает навязчивое чувство, что всё я знаю. Каким-то непостижимым чутьём, буквально каждой своей клеткой или фибрами души осознаю причину.

Я лихорадочно глажу Еву по голове, совершая ладонями быстрые, рваные движения, и вжимая их с силой большей, чем следовало бы, словно стремлюсь выдавить из неё воспоминания, требую показать мне, что там?

Непривычно короткие волосы рвут мне душу – когда-то они были не просто красивыми и длинными, они сводили меня с ума, и каждый раз, как мои пальцы зарывались в них, а ноздри втягивали запах, я впадал в эйфорический транс, получал самый уникальный, ни с чем не сравнимый кайф в природе.

А потом случается то, что раздавит мою выдержку – Ева сжимает в кулаке футболку на моей груди и с силой вдавливая своё лицо в то же место, как когда-то в Италии – туда, где должна была быть татуировка.

Её татуировка. Знак моей любви к ней и обещание верности.

Я должен был заботиться о ней несмотря ни на что.

Я должен был любить её несмотря ни на что.

Я не имел права уходить.

Не имел, чёрт возьми, права оставлять её одну в этом доме с ними, с людьми, поломавшими нашу жизнь, отравившими наши чувства, лишившими не только семьи и родительской любви, но и возможности любить друг друга!

Утро. Ева не задаётся вопросом, что я делаю в её постели, и где моя коляска. Поднимается так, словно ничего прошлой ночью не произошло. Ровным счётом ничего.

Мои глаза не готовы слушать призывы разума и совести. Я говорю им, что Ева больна, но они не спорят, а просто смотрят. Смотрят и видят изменившиеся линии так хорошо когда-то известного мне тела.

А я всё равно хочу её. Всегда хотел. Её душа болеет, тело расплнело, между нами пропасть предательства, кровного родства и отстранённости, но в это мгновение я мечтаю содрать с неё одежду и трогать, гладить, прижимать к себе...

Ева стаскивает с себя футболку, в которой спала, оставаясь в одном белье. Моё сердце

останавливается, во рту пересохло, в глазах темнеет, в паху... там и до этого было максимальное напряжение. Я впитываю, пожираю глазами каждое её движение: Ева приседает на корточки, выдвигая ящики, тянется к верхнему, наклоняется, но мне видно только спину. А нужно до одури, до изнеможения, чтобы она развернулась лицом.

Она находит то, что искала, и уходит в ванную.

А я пытаюсь прийти в себя: глупец, она даже не пыталась тебя соблазнить! Она тебя не видит, не воспринимает, не помнит, кто ты, и кем был для неё!

Стараюсь дышать глубже, думать позитивно. Но до чего же, чёрт возьми, больно стать никем! И продолжать чувствовать...

Ева возвращается после утреннего душа влажная, замотанная в полотенца. Снимает их, чтобы переодеться, но я больше на неё не смотрю.

На подушке лежит скомканная футболка - та, в которой Ева обычно спит и, конечно, потеет, когда жарко или страшно. Ей бывает страшно во сне - я знаю, потому что регулярно слышу, как она кричит.

Протягиваю руку, стягиваю её с подушки и подношу к своему лицу. Ева невозмутимо наблюдает.

- Ты так сладко пахнешь! - втягиваю носом её запах и слежу за реакцией.

Я делал это и раньше, но никогда у неё на глазах. Теперь хочу, чтобы она видела и знала, потому что больше не могу скрывать то, что чувствую. Не хочу стыдиться: здесь, в этих стенах, где время остановилось, и нет проклятых осуждающих глаз, любопытных ушей, я не хочу притворяться, мне нужно быть настоящим. Честным, искренним, откровенным.

В чём бы мы с Евой ни соревновались, она всегда выигрывает. Даже если её душа заболела, а разум играет в прятки: всё с тем же невозмутимым лицом моя непотопляемая девочка раскрывает дверь стенного шкафа, некоторое время копается в нём, согнувшись в три погибели, и, наконец, вынимает старую, уже пожелтевшую от времени футболку. Расправляет на своих вытянутых руках, и я с ужасом её узнаю - это моя. В самом низу имеются три довольно крупных коричневых пятна: это моя кровь, я однажды порезался, экспериментируя с новыми ножами. Ева хранила её всё это время, как воспоминание о наших самых беззаботных и счастливых днях, полных надежд и мечтаний. Да! Мы мечтали... Мечтали много и мечтали смело.

- Она пахла тобой почти год. Потом перестала, - пожимает плечами, кладёт футболку на место и равнодушно выходит из комнаты.

Я слушаю её удаляющиеся глухие шаги по деревянной лестнице, и сжимаю в руках собственное лицо.

Почему мне так больно?

Я же говорил! Во что бы мы ни играли, она всегда выигрывает.

Через время спускаюсь вслед за ней на своих здоровых ногах. Ева занята, сосредоточена на приготовлении завтрака, поэтому не видит моих передвижений. А я даже некоторое время стою, как вкопанный, жду, что она обернётся и увидит меня.

Но она не оборачивается.

«Почему до неё никак не дойдёт, что на парализованные ноги нельзя опираться?» - всё чаще и чаще задаю себе этот вопрос.

И начинаю наглеть - повторять снова и снова. Заниматься по ночам спортом, на ногах передвигаться по кухне и смешивать себе ночные горячительные коктейли.

Однажды Ева ловит меня с поличным и, не заметив того, что я сижу на барном стуле, а

поблизости нет коляски, делает робкое замечание о том, что мне не стоит пить.

С этого момента она обеспокоена моей «душевной болью», и моя миссия получает неожиданный сдвиг с мёртвой точки: следующей дождливой ночью под предлогом боязни грозы она впервые залезает в мою постель сама.

Уткнувшись носом мне в грудь, которая на этот раз не в футболке, долго и почти беззвучно плачет. Я глажу её спину, обнимаю обеими руками, прижимаю к себе и вместо «не бойся грозы, это же совсем не страшно» раз за разом повторяю ей:

- Всё пройдёт! Нет ничего такого, чего мы не смогли бы с тобой пережить!

Дождь затихает, а вместе с ним и моя Ева. Она спит, и её размеренное дыхание – единственное, что имеет для меня какое-нибудь значение.

А утром, едва открыв глаза, я получаю взгляд: осознанный, настоящий, как тогда на кухне, почти месяц назад, но теперь она его не отводит, а смотрит долго и без страха.

Я хочу улыбнуться и поздороваться с ней, но не могу – рот сковало спазмом, а в голове вырастает вопрос: кто из нас двоих душевно болен?

Когда её взгляд медленно сползает на мои губы, я чувствую, как учащается собственное сердцебиение: кажется, один только поцелуй в это мгновение имел бы для меня большее значение, чем вся моя жизнь. Но Ева не целует, она неспешно, словно делая первое своё открытие, обводит мои губы, едва касаясь их кончиками своих пальцев. И это прикосновение даёт мне даже больше, чем сам поцелуй: она узнаёт меня. Вспоминает или открывает заново – не важно, главное, теперь Ева видит меня!

А я лежу, боясь пошевелиться и даже дышать, млея и одновременно позволяя исследовать себя её мягким и тёплым пальцам: губы, брови, веки, скулы, волосы, шея. Когда они добираются до ключиц, я теряю контроль – загребаю руками так давно уже нужное мне тело, сгорая от желания целовать каждый его микрон, боготворить, вымалывать прощение и миллионы раз повторять, что больше никогда не обижу, не брошу, не позволю ни одной живой душе причинить вред...

Моей Еве. Моей сестре. Моей женщине...

Но от самого первого касания моих губ она снова прячется в свою проклятую раковину: вырывается, с силой откинув мои руки, и убегает.

Однако процесс запущен: я не просто существую, я рядом. И теперь она об этом знает.

Знает и смотрит: иногда, искоса, исподтишка, стараясь, чтобы я не заметил, не обнаружил её живее всех живых взглядов. Заинтересованных, женских, желающих.

Однажды утром замечаю перемены: Ева не насыпает себе полную миску хлопьев и не кладёт сахар в кофе, наполовину разбавленный жирными сливками. Вместо привычной еды в её тарелке только черника.

Во время ланча нет булочек и пирожных, на ужин не приезжает надоевшая до чёртиков пицца. Ева, ходившая до этого кругами вокруг моей стряпни, решается, наконец, её заметить:

- Что ты готовишь?

- Мясо по-китайски.

- В кисло-сладком соусе?

- В нём самом.

- С ананасами?

- У нас их нет, но можно обойтись и сахаром.

- Хочешь, я съезжу?

- Давай вместе?

- Вместе? – отваживается, наконец, взглянуть на моё лицо. – Если тебе будет удобно... - нерешительно.

Конечно, Ева, мне будет удобно. Конечно. Особенно учитывая твоё «состояние». Особенно принимая в расчёт тот факт, что случилась эта беда с тобой из-за меня. Я покалечил твою душу, мне же её и лечить.

Однажды она говорит: «Туман рассеялся».

Затем спрашивает: «А на что мы живём?»

И я понимаю, что её разум совершает первые робкие шаги наружу, на поверхность. Мы начинаем разговаривать: помногу, подолгу, главным образом делимся своими детскими воспоминаниями, лёжа, как в юности, на её террасе.

И вот, наконец, наступает момент, когда она задаёт главный вопрос:

- Почему ты здесь, зачем?

- Потому что нужен тебе.

Она поджимает губы и отворачивается, смотрит в окно.

Я чувствую, что должен сказать правду, обязан признаться, поэтому говорю её затылку:

- И ты нужна мне, Ева. Глаза твои нужны каждый день, а не раз в пять лет, когда тебе плохо.

Я люблю тебя. Люблю больше, люблю сильнее, люблю глубже, чем когда-либо. Люблю осознанно, понимая риски и последствия, принимая ответственность. Люблю как сестру и люблю как женщину. Хочу жить с тобой и заботиться о тебе. Хочу тонуть в тебе. И хочу заниматься с тобой любовью.

Последнее произносить вслух стыдно. Когда-то я шептал ей на ухо по-настоящему грязные вещи, свои фантазии, а ей нравилось слушать. Теперь сложно отважиться на простое признание о физическом влечении. Оно есть, никуда не делось и, кажется, стало сильнее, фундаментальнее. Я не из тех мужчин, кто легко шагает по жизни, одаривая своей любовью многих. Я с самого детства тянусь только к одной, и все мои желания и мечты - о ней.

В моей жизни было достаточно секса для тела, и почти не было для души. Когда удовольствие не точечное и мимолетное, сосредоточенное в том месте, которое принято прикрывать на пляже, а ты погружаешься в него весь и целиком. Когда раздеваешься не для того, чтобы одежда не мешала процессу, а чтобы прижаться кожей к коже и потеряться в ощущениях. Когда вместо одной маленькой эмоции над тобой вырастает радуга, а в ней - всё, что ты чувствуешь: нежность, влечение, любовь, благодарность, восхищение, щемящую сердце потребность ласкать и получать ласку в ответ.

- Я хочу быть твоим миром, Ева! Я хочу быть всем для тебя! Я смогу! Можешь поверить в меня хотя бы раз в жизни? Просто верь в меня, и я перестану ошибаться!

- И что с нами будет?

- Жизнь.

- Только ты и я, и никто нам не нужен?

- Ты и я, и никто нам не нужен! - соглашаюсь.

Всего несколько слов, но как много в них смысла.

Её пальцы запутались в моих давным-давно не стриженных волосах. Она несильно тянет за них, и мне приятно, так приятно!

- У тебя уже такие длинные волосы! - замечает.

- Да, я скоро стану похож на Ариэль!

- Скорее на Рапунцель! - смеётся.

Справляться с желаниями становится всё труднее и труднее. Самое сложное - когда Ева принимает душ. Я гоню от себя навязчивые мысли, но они всегда возвращаются: на ней нет одежды, она незащищена и не сможет сопротивляться, застигнутая врасплох.

Я говорю себе безапелляционное «нет», запрещаю хотеть, желать, даже думать. Но больше всего от осознания, что когда-то я мог туда войти в любое время, и для этого у меня были не только основания, как сейчас, но и права. Больше того, меня там ждали и всегда были рады. Это была наша молодость: мы экспериментировали, жили на полную мощь, не боясь и не страшась потерь.

Я чувствовал, ждал, рассчитывал и надеялся, что это случится во время секса. Нашего первого секса.

Но секс – это не то слово, неправильное, неподходящее. Мы им не занимались, и любовью тоже. Мы просто жили в тот момент.

Для меня он не был случайностью или неожиданностью, я давно его ждал. Даже выжидал. Сомневался в успехе и боялся, что надежды не оправдаются, поэтому никак не мог решиться. Но мне неожиданно помогла наша природа и чувства, у которых, наверное, во всём этом сценарии главная роль.

Всё вышло само собой - просто время пришло. Без напряжения, без плана и репетиций мы кинулись друг к другу не только душой, но и физически. Нам это было нужно обоим.

И нам обоим было хорошо. Так хорошо, что я потерялся, забылся и... воспользовался своими «мёртвыми» ногами.

Она не сразу заметила: позволила довести себя до конца и дойти до него самому. А потом случилось то, чего я так ждал все последние месяцы - прозрение.

Ева позволила себе «заметить», что во время нашего с ней секса я не был инвалидом, осознала, что в постели с ней здоровый Дамиен. Она не предположила «воскрешение» моих ног, не допустила возможного «исцеления», а сразу обвинила во лжи.

Я включил свет, лихорадочно собирая мысли в одной точке, стараясь понять, как вести себя дальше, и внезапно увидел то, чего никак не ожидал – огромный, уродливый, ужасный шрам поперёк её живота. Разве хирурги теперь делают такие надрезы? У Мел после родов остался крохотный, аккуратный - всего несколько сантиметров, всегда спрятанный под бикини. Евин выглядит так, будто её препарировали...

Неосознанно ищу объяснения увиденному в её глазах, но тут же осекаюсь – Ева разочарована моей реакцией. Ей больно от моего взгляда, а мне от того, что меня не было рядом, когда ЭТО произошло. Почему я ничего не знаю?

Почему же, чёрт возьми, я ничего об этом не слышал?

Где я был?

Чем был занят? Чем жил? О чём заботился? Что занимало мои мысли в тот день, когда с Евой случилось жуткое ЭТО, след которого навсегда остался на её животе?

Я не способен на слова, да что там! В моей голове сейчас даже нет ни единой мысли. Не соображая сам, что делаю, бросаюсь к ней, потому что увиденное вот-вот раздавит меня, но получаю обжигающую пощёчину. Это отрезвляет и помогает собраться с мыслями:

- Ева... - получается выдавить.

Придерживаю горящую щёку рукой и смотрю в её глаза, полные обиды, слёз.

- Зачем? Зачем ты это сделал? – шепчет, а сама на грани срыва. – Не могу поверить! Ты притворился, Дамиен! Ты прикидывался инвалидом, чтобы... чтобы что?

- Ева, некоторым людям проще стать милосердными, чем принять помощь других. Помогая, мы открываемся сильнее, впускаем в себя, находим место в сердце, но главное, готовы простить многое, если не всё, но только тому, кто слабее, уязвимее!

- Этого ты добивался такой ценой? Прощения?

- Да, но не только!

- Чего ещё? Что ещё тебе было от меня нужно?

Я проглатываю ком боли, и она опускается ниже – в сердце. «Ты мужчина», - говорю себе, - «Терпи и тащи! Изю всех сил тащи, не сдавайся!»:

- Ты настоящая. Ты без груза прожитого. Ты, умеющая искренне улыбаться, танцевать, забываясь в музыке, хохотать над комедией до колик в животе, смотреть в глаза. Ева совсем не смотрела в мои глаза, когда пришла в госпиталь впервые – избегала моего взгляда! И потом тоже её не было. Не было! Какая-то незнакомка спрятала в себе МОЮ Еву! Мою! Скрыла, налепила на себя никогда не присущих ей черт, изменила внешность, вкусы, устремления!

Молчит, задумалась. Знает, что я прав. Знает.

- Ответственность за благополучие слабого сближает и рождает любовь. Не просто любовь, а чувство, очищенное от суррогата условностей, от примесей морали, ревности, желания мстить или отхватить себе больше других.

- Ты притворялся! – упрямо указывает на преступление. - Ты разыграл спектакль, манипулировал живым человеком, как и твоя жена! Мне иногда кажется, что я кукла на нитях, и вы двое по очереди за них тянете...

Я вижу слёзы. Я вижу, мать их, её слёзы! Так не должно было быть! Не должно было быть слёз и её боли!

- Нет! Ева! Нет! Я должен был достучаться до тебя! Люди уходят в запой, а ты ушла в отрицание! Если бы ты отреклась только от мира, но нет, ты отреклась от себя! Ты уничтожила Еву, не убила её тело, как собиралась, а спрятала её душу!

- Ты мог поговорить со мной! Уверена, мы бы услышали друг друга, - заявляет внезапно ровным, а от этого ещё более пугающим голосом.

- Разве? Ты не подпускала меня даже физически, что самое простое, а поговорить по душам, ты серьёзно? Я даже не видел в тебе тебя, как и о чём можно было говорить? А главное, с кем?

- Уходи.

- Куда?

- К ней. Уходи! – стонет.

- Мне некуда идти, Ева. Я уже полгода там, где должен быть. Там, где должен был быть всегда. Там, где буду всегда, до последнего своего дня – С ТОБОЙ!

Ещё всхлип, ещё один удар лезвием в сердце. Мне больно, мне так больно. Страх, что ничего не вышло, растекается по телу холодом. Ужасом.

- Дамиен, - тихо произносит, борясь с рыданиями, - твой... сын, он твой! – выпаливает.

Я с ужасом наблюдаю, как она кусает собственное запястье, впиваясь в него зубами, причиняя себе боль. Боль, способную заглушить муки души.

- Я знаю! – буквально кричу ей.

Боги! Наконец она поднимает глаза, полные слёз, смотрит в мои, и мне так легче держать её сознание:

- Я всегда это знал! Неужели, ты думаешь, я хоть на секунду поверил в этот бред?

- Не поверил?

Мой разум мечется. Сказать ей правду? А способна ли она её принять? Не слишком ли много для одной поломанной души груза в один заход?

- Нет! Конечно, нет, Ева!

- Тогда что ты здесь делаешь все эти месяцы? Что? Твой сын растёт без тебя!

Я никогда ещё не видел её глаза настолько большими. В них шок, непонимание.

- Я делаю то, что должен: возвращаю мою Еву. Еву, без которой не могу жить. Еву, которая не смогла жить без меня. Еву, которая каждое утро будет просыпаться рядом со мной. Еву, которая каждый вечер будет засыпать в моих руках. Еву, которая будет печь мне своё печенье. Еву, которая будет выводить меня из себя, и которая будет моей женой в этом мире. В этой жизни! И плевать на мораль. Плевать на людей! На всё плевать, кроме моей Евы! Слышишь?

Кивает, а в глазах снова потоп.

- Ты не уйдёшь? – спрашивает.

И от этого вопроса у меня, кажется, что-то отрывается в груди и отправляется в свободное плавание. Я выдыхаю. Вдыхаю. Выдыхаю. Дышу:

- Я никогда больше не уйду. Никогда и никуда.

Сердце! Его так много во мне! Больше, чем в юности. Больше, чем когда-либо. Я кладу её руки себе на грудь, вжимаю ладони плотнее, хочу, чтобы она почувствовала, как оно бьётся. Услышала. Вспомнила, какая роль отведена ей в этой нашей жизни – быть моим центром, смыслом и сутью, массой, рождающей непреодолимую силу тяготения – мою к ней Любовь:

- Я люблю тебя, всегда любил. Даже тогда, когда не понимал этого сам. Даже тогда, когда пытался отрицать, душить, ломать, вырывать клещами. Даже тогда, когда силился найти замену, нарисовал иллюзорный мир и поместил себя в комфорт и успешность. Никогда не переставал, никогда не останавливался, ни на мгновение не забывал и не терял ни капли.

Прижимаю губы к её уху и шёпотом, чтобы слышала только она и больше ни одна душа во Вселенной:

- А теперь главное: всегда буду. Даже если ты располнеешь. Если состаришься. Если заболеешь. Если потеряешь себя. Если ты уже будешь не ты, я всё равно всегда буду любить тебя, потому что для меня ты – это всегда ты. Потому что я пришёл в этот мир только затем, чтобы любить тебя...

Мои руки обнимают женщину, по венам которой несётся кровь, идентичная моей. Мои руки прижимают её к груди. Мои руки прячут, заключая хрупкую душу в кольцо нежности. В замкнутый круг чувства, не имеющего ничего общего с братским.

Мы долго лежим в объятиях друг друга и больше ничего не говорим. Я смотрю в окно, на серо-фиолетовые разводы на небе – скоро утро. Ева уже спит, а я слушаю её размеренное, спокойное дыхание.

Незаметно для себя самого начинаю проваливаться в сон вслед за ней, но заставляю сознание вернуться: с усилием разлепляю глаза и, убедившись в том, что моя главная забота рядом, прижимаю руку к её спине плотнее. Снова отключаюсь, утачив из реальности в сон ощущение покоя, умиротворения и разрешённости самой сложной в моей жизни задачи. Влажное тихое дыхание в изгибе моей шеи - единственное, что меня заботит, единственное, что имеет для меня значение.

Случаются в жизни моменты, когда накатывает. Это был один из них. Режиссёр Дамиен Блэйд только что гениально сыграл ключевую партию в своей реальной жизни – искренность. Признался в главном – в своих чувствах. А это ведь нелегко, особенно, если ты мужчина, и тебе уже за тридцать. Особенно, если ты познал славу и успех. Особенно, если твоё признание могут не услышать. Особенно, если ты признаёшься в запретной любви тому, кому она нужнее всех – своей родной сестре. Женщине, точно также безвозвратно отдавшей себя в твои руки, как и ты, когда-то давно, вручил ей себя без остатка и без права востребования.

Странно, но только теперь мне очевидна простая вещь: до этого момента, до того, как произнёс вслух то, что давным-давно хранилось в самом тёмном углу души Дамиена Блэйда, я до конца сам не понимал, что именно делаю в этом доме, в инвалидной коляске, рядом с женщиной, заболевшей душой.

Теперь понял: пытаюсь дать шанс не только ей, но и себе. Нам обоим.

Невыносимо тяжело и неожиданно легко в то же время. Разве может быть подобное? Это ведь абсурд, не так ли? Да вся моя жизнь абсурдна! Начиная с рождения, ведь я, оказывается, прибыл на этот свет мёртвым, и заканчивая тем, что как бы ни петляла моя судьба, вот он я – в постели с сестрой.

Тяжело признаться самому себе в том, что так упорно отрицал. Но сюрприз в невыразимом облегчении от того, что груз, наконец, сброшен! Вот она, голая правда: единственная женщина, которую я любил, люблю и буду любить – моя сестра. Женщина, которая не может выжить в этом стеклянном мире без меня – моя сестра. И мы спим в одной постели. Да, как извращенцы, как моральные уроды, как животные и не знаю ещё кто.

Но мне давно уже плевать. И ей тоже. Мы много чего доказали друг другу, самим себе и ничего не значащим для нас людям. А теперь мы просто хотим жить.

Дайте нам эту возможность?

Отвернитесь! Сделайте вид, что не узнали или никогда не видели наших лиц раньше.

Уделите время детям, супругам и работе. Сходите в кино! Съездите в путешествие.

И просто забудьте о нас. Сотрите из своей памяти.

Дайте нам жить...

Глава 40. Три года спустя

Ева

У меня есть мой личный ангел-хранитель - мой Дамиен. Не говорю муж, потому что брак в традиционном понимании для нас недоступен, но фактически мы живём как супруги: делим постель, зеркало в ванной, мыло, душ, завтраки и ужины. Мы проживаем своё время вместе, у нас общие планы на будущее, мечты и цели.

Но мы никогда не сможем быть нормальной парой, над нами всегда будет довлеть «мораль». Её вес искажает некоторые моменты нашей жизни, делая отличной от той, какую мы проживали бы, не будь между нами трагической кровной связи.

Дамиен не позволяет ласкать себя. Я могу целовать его лицо, губы, но на этом зона дозволенности заканчивается. В голове моего мужчины подобно опухоли выросло ТАБУ, граница которого почему-то пролегает именно на этой территории.

- Какая разница, я ведь делала это раньше и отлично всё помню! - спорю с ним, потому что от моей «морали» не осталось и следа.

Он долго смотрит своими умными глазами в мои и объясняет:

- Мне сложно совсем без секса, но без остального я вполне могу обойтись.

Дамиен не позволяет мне травмировать свою «мораль», но сам ласкает меня без ограничений. На мои протесты отвечает: «Мне это нужно!», и я соглашаюсь со всем: с каждым его словом, мнением, желанием.

Я не верю в Бога, я верю в Дамиена. Он - мой мир, моя вера и моя причина жить. Каждый мой день начинается им и им же заканчивается. Дамиен принимает все наши решения, а я безоглядно верю в его правоту и мудрость. Как он скажет, так мы и делаем. Как считает приемлемым, так и поступаем.

Но иногда бывает тяжело. Чаще всего любые перемены в его настроении оборачиваются для меня подавленностью и депрессией. Если он приходит домой уставшим, рассеянным, закрытым, я всякий раз возвращаюсь к мысли о том, что он несчастлив. Со мной.

Я недостаточно или совсем несексуальна, и Дамиен чувствует себя затворником, вынужденным находиться рядом с нездоровым человеком. Я не могу рожать ему детей и быть полноценной насадкой, женой. Из-за меня у него нет «нужных», «правильных» друзей, остались только самые близкие. Он стыдится наших отношений, того, что, по сути, является семьёй, но ни один из нас ни разу не произнёс этого слова.

Я замыкаюсь в себе и тону в боли. Хлопочу молча на кухне, смахивая слёзы, пряча их, чтобы он не увидел. Потом поднимаюсь в спальню или прячусь в одной из ванн, чтобы слить свои страхи слезами.

Пока Дамиен не находит меня.

Он говорит, что я очень ранима, и поэтому так реагирую на обычные, ничего не значащие моменты. Под его «так» подразумевается «неадекватно», но вслух он никогда этого не скажет. Дамиен особенно крепко и долго обнимает меня и всегда просит прощения за свою «слепоту». Объясняет задумчивость или плохое настроение проблемами в работе, рассказывает в деталях, что именно произошло, называет имена, места, события и обстоятельства, им сопутствующие.

Мы оба с ним знаем, что я - психически нездоровый человек. Он взял на себя ответственность за мою поломанную душу, и, несмотря на то, что из нас двоих доктор - я, лечит он.

Вылечить меня полностью, наверное, невозможно, поэтому «на лекарствах» я живу в стадии постоянной ремиссии. В списке медикаментов: поцелуи, объятия, ласки, искренние улыбки, которые я нюхом ищейки отличаю от искусственных.

Но самое действенное средство - секс и фраза «я люблю тебя». Последнее - прямая реанимирующая инъекция в мозг.

Мне нравится целоваться. Так безумно нравится! Дамиен ограничивает себя в сексе, но отдаётся без остатка поцелуям. Каждый - как маленькая жизнь, как фильм с началом, кульминацией и концом, с десятками неожиданных поворотов и приключений. Наверное, он решил для себя, что в поцелуях нет ничего для нас запретного, что табу на них не распространяется.

Дамиен тайно ведёт дневник. Уединяется в библиотеке, когда я сплю, пишет от руки в зелёной тетради свои мысли и прячет их в кресле под сиденьем. Я понимаю, что зелёная тетрадь - его личный психотерапевт, и их встречи нерегулярны.

Он пишет своим печатным почерком совсем небольшие откровения самому себе, выплёскивая накопившуюся усталость, а иногда и отчаяние. В его словах – сожаления о допущенной однажды ошибке и её последствиях. В каждой фразе, предложении – тяжесть чувства вины и терзания от того, что он не знает моей тайны.

Однако глубоко внутри, в душе, он догадывается, что произошло нечто ужасное и непоправимое: «Понимаю: обязан выяснить, что с ней случилось, что именно так изломало её, но боюсь идти до конца. Не уверен, что сам смогу вынести это «знание». Что захочу жить с ним».

Он много говорит о любви. Это слово – самое частое. Его много в предложениях и отдельных неоконченных фразах. Иногда просто написано:

«Люблю»

«Люблю так сильно, что испытываю физическую боль от того, как мучается её душа. Хочу дать ей облегчение, но не знаю как...»

А однажды после долгого неспешного секса тончайшим грифелем написал:

«У нашей любви два лица: мы любим друг друга как брат и сестра - нежно и глубоко, осознавая необратимость кровной связи; и мы любим как мужчина и женщина – одержимо желая близости».

С каждым прочитанным словом, прожитым вместе днём, каждой обволакивающей уверенностью улыбкой, поцелуем, объятиями я отпускаю себя всё больше и больше, осознанно и без сожалений погружаясь в зависимость.

Только однажды мне довелось увидеть их рядом, моего Дамиена и его бывшую жену, мать его единственного ребёнка – Мел. Мы приехали в Ванкувер на похороны: Крис разбился на мотоцикле, вылетел с моста в залив. Несмотря на то, что официально его смерть была признана несчастным случаем, множество свидетелей указывали на самоубийство. Дамиен нервно настаивал на расследовании, Мел упиралась:

- Он УЖЕ умер, Дамиен! Какая разница почему? Кому будет легче от знания причин? Мне – нет! Я не хочу ничего знать!

И хотя они обсуждали свои проблемы на повышенных тонах, перед моими глазами проплывали кадры совсем иного их общения - из того злосчастного ролика: она с огромным

животом, и его ласковые руки на ней...

Мне стало плохо.

Дамиен это заметил, скорее даже почувствовал: когда собственная чернота начала меня душить, он резко замолчал, чтобы взглянуть на меня. И то, что он увидел в моих глазах, заставило его забыть о распрях с бывшей женой, неувязках, неурядицах и необходимости расследовать причины смерти её брата. Он, не раздумывая, направился ко мне, чтобы обнять.

Дамиен ничего не стал мне говорить, в такие моменты он часто теряется сам, но страх в его глазах, боязнь потерять меня, снова лишиться «нас» всегда толкают его в мои объятия. Он очень бережно ко мне относится, прощает любые промахи, никогда не злится и говорит только приятные слова. Он всегда меня хвалит, всегда спрашивает, что у меня на душе, хорошо ли мне. Я знаю, что больна. Знаю. Вернее, сейчас болезни нет, но всем нам известно, что она лишь ждёт часа себя проявить. Именно поэтому Дамиен так осторожен, по этой причине оберегает, старается от всего плохого укрыть, защитить, спрятать. И у него получается.

Я давно уже не та Ева, что была раньше, нет больше во мне дерзости, воинственности и способности отражать любой удар - я уязвима, и только Дамиен знает, насколько. Я доверяю ему, потому что знаю, он больше никогда не предаст, потому что теперь это будет всё равно, что выстрелить мне в висок. Тело моё, может и останется, но меня уже в нём не будет. И Дамиену это известно лучше, чем кому-либо, он полностью осознаёт ответственность и именно по этой причине так боится оступиться.

После всего, через что мы прошли, видя то, как он борется за нас, не допуская даже мысли сдаться, я, наконец, отпустила себя, разжала внутренний замок и позволила ему войти.

«Ты – мой опиум» - Дамиен любил повторять это в юности, часто вспоминает и теперь. Но в этой жизни всё иначе – на этот раз зависима я, и моя точка невозврата давно пройдена. Я могла бы просуществовать свою жизнь толстой коровой, заточённой в страхи и воспоминания о потерях, но Дамиен пришёл вовремя: вытянул из провала в сознании, встряхнул и заставил жить.

- Помнишь, ты сказал однажды, что мать любила меня. И ты это просто знаешь. Можешь теперь сказать, почему?

- Могу.

- Почему?

- У нас с ней был разговор. Не раз, вообще-то, но именно после одного особенного я понял, как сильно на самом деле, она тебя любит. Нас обоих.

- Ну же! Что она сказала?

Он делает долгую паузу, будто собирается с мыслями или никак не может решиться. Наконец, это происходит:

- Мел с самого начала хотела ребёнка. Не то, чтобы я был против, просто... наверное, ещё не созрел для отцовства. Но она настаивала, предупредила о возможных проблемах с зачатием и сказала, что чем раньше мы начнём, тем больше у нас будет шансов. Ты ведь знаешь, они с матерью всегда дружили, и именно это, наверное, я и не мог простить Энни. Хотел, чтобы она была ласковее и добрее с тобой. Тебе это было нужнее, чем моей жене, но мать этого не понимала. Я ненавидел её, поскольку считал, что она тебя не любит. Так я думал до определённого момента. В общем, после двух лет попыток мы были вынуждены,

как ты знаешь, прибегнуть к искусственной фертилизации. Врачи пообещали Мел, что с этим методом всё получится быстро, и та похвасталась матери. И вот уже накануне этой процедуры Энни позвонила и сказала, что хочет поговорить со мной. Наедине. Мы встретились, и она почти сразу призналась, что предмет разговора – наши с Мел планы родительства. Она попросила не торопиться, подумать, взвесить и прочее. Я привёл наши с Мел аргументы, она слушала и кивала, а потом вдруг растрогалась. Да, Ева, она плакала и сказала мне кое-что.

- Что?

- Что не уверена в правильности их с отцом поступка.

- Какого?

Дамиен выпрямляет спину, вытягивается, суетится, будто хочет отвлечь меня от смысла нашей беседы:

- Речь была о том, КАК они нам рассказали. Она считала, что сделать это нужно было иначе, чтобы...

- Что?!

- Чтобы мы могли спокойно всё обдумать и вместе решить, что делать, прежде чем разбежаться. «Кто его знает, что правильно, а что нет? Кому что на роду написано?» - это были её слова.

- Она, скорее всего, о тебе думала, когда это говорила.

- Нет, Ева. О тебе. Я был увлечён работой, пропадал сутками на съёмках, в то время мне было не до хандры. Уже уходя, она попросила не публиковать наши с Мел личные фото в сети и прессе. Я ответил, что контролировать это сложно, всё это – часть пиар-компании моего имени как бренда. Люди всегда хотят личных и даже интимных подробностей, и пока они говорят о тебе – фильмы продаются. Знаешь, что она на это ответила?

- Что?

- «Ева важнее твоих фильмов».

- Так и сказала?

- Да. Я стал допытываться, всё ли с тобой в порядке, и она ответила: «Ты справился, а она так и не смогла. И сейчас ты её топишь!». Этот разговор случился незадолго до аварии, уже после того...

- ...как я приходила к тебе, - помогаю ему закончить мысль.

- Да, - вздыхает.

И я чувствую ладонь на затылке, мгновение и моя голова прижата к его груди. Губы нежно трогают мой лоб, спускаются к переносице:

- Ева, не прощай меня. Никогда не прощай, помни, что я сделал, но дай шанс исправить.

- Ты уже исправил, - выдавливаю.

- Нет, только пытаюсь. Ты не позволяешь, не впускаешь меня. Это правильно и разумно, но если ты не сдашься, у меня ничего не выйдет. А я хочу одного - помочь тебе. Нам обоим.

Глава 41. Дамиен

Дамиен

Я хотел снимать фильмы, ставить сцены, перевоплощать картинки, рождающиеся в излишне активной голове, в реальные живые кадры. Но в режиссёры таких, как я, не берут - слишком высоки риски и цена потерь.

А сценарист всегда остаётся в тени, особенно если прячется за псевдонимом. В режиссуре немалую роль играет пиар, и твоё лицо, независимо от твоей воли, обязано мелькать на фото, экранах, фестивалях, премьерах, встречах и просто в сплетнях, неважно, жёлтых или глянцевого страниц. Кинопроизводство - это система, сложный мир со своими законами, правилами и хитросплетениями. Тебе не запрещено выделяться, отнюдь! Твоя особенность может сыграть даже на руку в продвижении фильма, если ты, по случаю, принадлежишь лагерю граждан с нетрадиционной ориентацией. Это нормально, и ты своим примером раз за разом будешь показывать миру, что «непохожесть» и талант, порою, шагают рука об руку. Ты можешь отрастить себе женскую грудь или пережить трансгендерные операции, шокировать общественность вызывающими физическими несовместимостями, как, например, пышный бюст, тонкая талия и борода, главное - быть в тренде.

Инцест в моде никогда не будет. Он опасен для человеческого рода, а ещё аморален, запрещен, порочен. И это никакая не «особенность», а «извращение», и за него тебе скорее поломают рёбра, нежели позволят снимать кино, а значит, нести «свой разврат в массы». Однако ты можешь творить словом, щедро вываливая народу собственные мысли, позволяя копать в них, препарировать, понимать и не понимать, принимать и лезть на амбразуру с собственным в корне отличающимся мнением.

Имени моего из титров «Опиума» уже не вырезать, а между тем продажи остаются самыми высокими из всего, что снималось в Ванкувере за последние десять лет. Отныне и навсегда он останется фильмом, снятым «тем парнем, который живёт со своей сестрой». И никто даже не посмеет произнести или написать в своём блоге «спит» со своей сестрой, хотя каждый отлично осознаёт смысл, вкладываемый в слово «живёт». Табу.

Но все эти перемены неожиданно оказались для меня не так травматичны, как изначально предполагалось. Речь, разумеется, не о полном безразличии, но... оказалось, что в моей жизни есть нечто более важное.

Я не знал, что обычное человеческое сердце из плоти, лимфы и крови способно так любить, как любит моё. И я уверен, что это не мозг, не душа; это именно сердце, потому что всякий раз, как я вижу Еву вжимающейся в меня ночью, будто прячущейся от жизни, оно ноет глубинной фундаментальной болью.

Я боюсь её потерять. До одури. До изнеможения. Страх, что она исчезнет из пространства и времени, сжимает в тиски, прессует во мне всё живое, заставляя испытывать боль и искать пути, способы её сохранить.

Моя Ева – психически изломанный человек. Ребёнок, лишённый любви, понимания и поддержки. Затравленная душа, искусанная жизнью, изувеченная судьбой. И то, насколько сильно она отличается от здоровых счастливых людей, рождает в моём сердце больше

нежности. Я хочу быть для неё домом, крепостью, защитой, лекарством, утоляющим боль. Я хочу быть её мужчиной, хоть и не могу назвать своей женой.

Я люблю её, мою Еву. Люблю безмерно. Люблю безгранично. Люблю той любовью, которая наполняет человека особенным смыслом, позволяя ему расти и возвышаться над самим собой.

Все амбиции и достижения ничтожны в сравнении с тем, что у меня есть теперь – её умиротворённое сном и моей близостью лицо, те совсем небольшие кусочки счастья, которые нам обоим удаётся вырвать у жестокого шулера, называемого Судьбой, так и не обыграв его в главном – в доверии.

Ева не до конца доверяет мне. Она не отдалась полностью, не открылась, и мы оба знаем, что будет, если я вдруг оступлюсь. Поэтому в моей жизни больше совсем нет женщин. Никаких. Ни больших, ни маленьких. Ни сильных, ни слабых. Ни постоянных, ни мимолётных. Я принадлежу одной – своей сестре. Я - её единственный шанс на условно полноценную жизнь, она – моя потребность. Мой воздух и моё солнце. Мой свет. Моё счастье.

Счастье, способное жить даже там, где больше нет и не будет успеха, на который рассчитывал молодой и не в меру амбициозный Адам Дамиен Блэйд.

Не важно, каков мой потенциал и насколько талантливы предыдущие работы, моё имя стёрто из профессии. Для меня нет будущего и перспектив. Я порочен тем видом порочности, который, к несчастью, никак не пригоден для пиара.

И мне всё равно. Теперь уже да, плевать на потери, потому что сердце каждое утро напоминает о том, что всё правильно. Сердце, стонущее, волнующееся в предвкушении Её пробуждения, взгляда Опиума, проникающего в самый центр моей души.

- Я люблю тебя! – шепчу в её губы и чувствую, как они растягиваются в улыбке.

Мы купили дом в Доминиканской республике в деревушке Кабарет на севере острова. Место уникально тем, что помимо песка и традиционных пальм здесь находится национальный парк Эль Чоко, так что живём мы теперь в лесу и на берегу одновременно. Старый дом пришлось разрушить и построить новый. Он получился особенным, хотя нам с Евой было нужно лишь простое и уютное место. Всё дело в проекте – его для нас создал друг, имеющий «особенное отношение к большой любви».

Иногда удивляешься тому, насколько тесен наш необъятный мир: я знаю Алекса с тех пор, как снимал свой первый фильм – он был одним из продюсеров, а Еву с ним познакомила её любимая и единственная подруга Лурдес. Алекс Соболев – её отец.

Теперь у нас много свободного пространства и света - одна стена и даже частично крыша сделаны из стекла. Спальня – особенное место: окна не только в стенах, но и на потолке, поэтому, засыпая, мы с Евой любимемся на звёзды или наблюдаем, как врезаются в наш потолок дождевые капли и солнечные лучи. Ева шутит, что мы можем загорать, не выходя из спальни.

У нас есть бассейн, пусть и небольшой, терраса, собственный пляж и полное отсутствие соседей - идеальное место, именно о таком я когда-то мечтал. Теперь моя мечта сбылась, но главное в ней, конечно же, не дом и не лес, не пляж и не уединение, а женская ладонь, всегда зажатая в моей, единственная во всём мире, которую я не хочу выпускать.

Ева улыбается, ей здесь нравится, и это - самое важное для меня условие.

Жизнь на берегу имеет свои особенности: каждый день мы гуляем вдоль прибоя, держась за руки, мне больше не нужно втискиваться в тесные туфли и узкие брюки, душить

себя галстуками и бабочками – я живу в футболках и шортах, редко стригусь, но часто бреюсь – так нравится моей Еве. Она надевает просторные платья и сарафаны, иногда шорты и топы с тонкими лямками. Я обожаю её золотой загар и привычку не носить бельё. Мы этим пользуемся. Часто.

Мать Лурдес, Валерия, написала книгу – необыкновенную историю своей «неправильной» большой любви. Покаялась, раскрыла тайны, поделилась мудростью. Она доверила мне свою рукопись и право быть первым, кто прочтёт её откровение. Ну, после мужа Алекса, героя всей истории, разумеется.

Я сказал ей:

- Лера, твоя книга хороша, а фильм может получиться ещё лучше. Но есть одно «но»!

- Какое? – я слышу в её голосе тревогу.

И мне до боли знакомо это чувство тремора в ожидании того, как люди воспримут твоё творение. Что скажут? Поймут ли?

- Ты не всё рассказала! Утаила самое главное, - стараюсь придать своей критике шуточный тон, чтобы сгладить её восприятие.

- Что?

- Секс. С него всё у вас началось, на нём так много всего завязано, но ты так и не рассказала, каков он в постели.

- Я сказала: он Бог!

- Вот именно, ты просто дала ему оценку. Но для нас, читателей, она не имеет веса. Ты должна убедить, показать, предъявить факты. Писатель, как и режиссёр, рассказывает сценами и образами.

- Да ну тебя! Издеваешься!

- Нет. Книга не похожа на другие, в ней много смысла, идей, чувственности и эмоциональности в ключевых эпизодах, но для популярности нет важного – секса.

- Её же будут читать мои дети, этого не избежать! Нет, нет и нет!

- Лера, секс в хорошей книге, как и в хорошем кино – это искусство. Причём тончайшая и сложнейшая его форма. Найди грань и пройди по ней. Уверен, у тебя получится. В некоторых моментах ты уже это сделала, но рискни пойти дальше, открой больше. Я знаю, ты не скатишься туда, куда не следует, но сказать об этом должна.

Мои слова её убедили. Через месяц я получил более толстую рукопись: и в ней появился не только секс, но и атмосфера. Эта книга теперь рассказывала не просто историю, а жизнь.

- Алекс согласился с твоим мнением. Он вообще всю жизнь считает меня излишне зажатой, - призналась мне Лера.

- Зжатые люди не пишут о своих чувствах книги и не рассказывают так откровенно о своих ошибках и промахах, не боясь быть осуждёнными.

- Я не знаю, боюсь ли. Мне захотелось поговорить с людьми о том, как привычная упорядоченная жизнь может в одночасье закончиться. Как сказанные или несказанные вовремя слова могут изменить всё. Как счастье становится несчастьем из-за глупых, пустячных вещей и событий, нелепых страхов. Я хотела, чтобы люди задумались. Не одна я жила с повязкой на глазах, не только в моём воспитании были ошибки, таких людей тысячи, и мне важно, чтобы они увидели себя со стороны и перестали калечить свои жизни.

- Ты это сделала, Лера. Ты написала стоящую книгу. Её будут читать, поверь. Не всем она понравится, будь к этому готова, не все услышат твои мысли, не все захотят понять, но найдутся те, кому твои слова помогут. Откроют глаза. Чему-то научат.

-О, ты не поверишь! - смеётся. - Алекс тоже решил написать свою историю. Говорит, она сильно будет отличаться от моей!

- Это замечательная идея, обратная сторона медали! Паззл из двух наборов, а сложится трёхмерная картинка!

- Да ну тебя, ладно, пойду. Внуки разбушевались! От Алекса тебе привет.

- Спасибо! И ему от меня!

Мы с ним дружим уже очень долгое время – Алекс не только интересуется кинематографом, но и активно в него инвестирует. Редкий человек с редкой душой. Не так давно он предложил мне партнёрство – учредить собственную киностудию и снимать «достойные» фильмы.

Я отказался. Режиссёрская работа, как и продюсирование, требует полной стопроцентной отдачи. Нет нормированного рабочего графика, нет выходных и отпусков, есть сроки. Между ними – да, жизнь, но каждый проект поглощает тебя полностью и без остатка. Сегодня я не могу себе это позволить – у меня есть моя Ева, я нужен ей каждую минуту, и ничего важнее быть не может.

Ничто не происходит просто так – моя карьера режиссёра окончилась, не успев начаться, это был удар, но сам я не скоро бы понял и вряд ли бы вовремя остановился, осознав, что нужен Еве. Больше и чаще, чем редкими ночами и в перерывах между съемками.

У меня теперь другая жизнь: ответственность за самого дорогого и близкого человека, любимую женщину. Она особенная, не такая как все, и отношение моё к ней, как и наша жизнь – особенные.

У нас есть проблема, которая омрачает наши дни - доверие.

Иногда Ева крепко сжимает мою руку и спрашивает:

- Ты не уйдёшь?

И я знаю, что она не имеет в виду кровать, комнату, дом или этот день. Она говорит о своей жизни. И этот её вопрос меня убивает, душит, потому что она всё время ждёт моего ухода. Предательства. Удара в спину.

Ева так и не раскрыла свою тайну, не призналась, но я догадываюсь, что сотворил. В сущности, всегда это знал. Личность Евы нестигаема, она слишком горда, чтобы унижаться, но однажды ей пришлось перешагнуть свои принципы и попросить меня быть с ней. В первый раз мой отказ не имел последствий, но второй стал причиной её душевного разлома. Почему именно второй? Потому что на этот раз она была более уязвима. Но я до сих пор доподлинно не знаю, что именно сделало её такой.

Лурдес можно пытаться клещами, однако, безо всякой пользы. Ева непреклонна - всё так же отвечает на мой вопрос молчанием и при этом уходит в себя так глубоко и надолго, что я уже перестал спрашивать.

Каждый мой отъезд за сыном у Евы истерика. Не с жалобами, слезами и упреками, хуже! Она тихая, молчаливая, вся внутри и в отражении её переполненных страхом глаз.

Когда утром срабатывает мой будильник, Ева подскакивает как ошпаренная: она - комок нервов.

Я обнимаю её, глажу по голове и спине, целую и прошу успокоиться. И она, конечно, уверяет, что всё в порядке, что “просто будет скучать”, но вид её сцепленных рук и кое-как спрятанных эмоций рвёт мою душу в клочья. И когда я, полностью одетый и закинувший небольшую сумку на плечо, прижимаю свою Еву на прощание, её глаза наполняются слезами, и она задаёт тот самый вопрос:

- Ты вернёшься?

И я готов взвыть. Заорать и рвать волосы на своей голове.

Видеть её такой невыносимо. Моё сердце стонет от обиды, но я знаю, что не могу требовать от неё многого - я виноват во всём этом. На мне ответственность.

Поездки за сыном стали серьёзной проблемой. С одной стороны, Ева любит его и ждёт, с другой, каждый раз мы оба переживаем стресс: она - из-за моего отъезда, я - по причине её страхов и страданий.

Единственное решение, какое я смог придумать, это попросить Мел летать с ребёнком вместо меня:

- Мел, мне нужно, чтобы ты привозила Дариуса ко мне. Я не могу летать.

- Почему это?

- Есть причина.

- Это она? Твоя сестра?

Последнее слово произнесено особым, изощрённым тоном. Я бы не смог повторить, даже если бы очень постарался. И откуда в женщинах столько ехидства?

- Да, это из-за неё, - соглашаюсь.

- Это потому что ты – кобель, и она об этом знает. Я бы на её месте тоже не доверяла, - сообщает, хитро сощутив глаза.

- Пусть так. Сможешь делать то, о чём прошу?

- Сознайся, ты и ей тоже изменяешь?

- Это не твоего ума дело, Мел. И уже давно!

Именно этот момент она выбирает, чтобы ударить меня своей главной претензией:

- Если бы не эта твоя... связь, кем бы ты мог стать! И финансово тоже! Подумай, как многого ты лишил своего сына, а ведь мог всё это время полноценно работать! - в её глазах почти ненависть.

- Ну, тебе и Дариусу на жизнь хватает, и притом нескромную, нам с Евой – тоже, хоть и скромнее. И, кроме того, ты тоже могла бы и работать, - держу удар.

- Я работала!

- Со дня нашей свадьбы - ни дня, - рублю правду.

Да, недостойно предъявлять такое женщине, особенно матери твоего сына, но она уже достала меня своими финансовыми запросами.

- У меня был состоятельный муж! – взвизгивает.

- Его уже годы как нет, - гашу её.

- Пфффф... твоя Ева тоже могла бы круглогодично не загорать!

- Нет, не могла. И что важно: Ева всегда очень ждёт Дариуса. В прошлый раз я насчитал пятнадцать блюд, приготовленных к его приезду, и это не считая подарков, - съезжаю на нужную мне тему.

- Да, я помню: у вас не может быть детей, - её тон смягчается.

- Ты даже не можешь себе представить, насколько безнадёжно у нас не может быть детей.

В итоге моя бывшая жена пронзительно смотрит на меня и соглашается:

- Ладно, я буду его привозить.

Вероятно, нечто от существа женского, а значит способного на сострадание и заботу, в ней всё же есть. В зачаточном состоянии.

С этого момента я больше ни на день не покидаю свою Еву. И ей становится легче,

спокойнее. Намного.

Но я плохо сплю по ночам, просыпаюсь затемно и больше не могу уснуть. В тусклом свете начинающегося дня подолгу рассматриваю спящую Еву, и с ужасом понимаю, что могу делать это часами - возможно, моя психика также пострадала. Не в той, конечно, степени, как это случилось у Евы, но вряд ли меня можно назвать полностью психически здоровым человеком.

Ева спит чутко, но мои прикосновения, если быть аккуратным, её не будят. Скорее всего, за эти годы, что мы вместе, она к ним привыкла и может спать, невзирая на мои странности.

У меня завелась назойливая привычка – поправлять её волосы. Не знаю, что моя беспокойная девочка творит во сне, как именно крутится, но они вечно на её лице и мешают ей... дышать, наверное. Подозреваю, что на самом деле мне просто нужна более-менее веская причина касаться их.

Женские волосы – это почти всегда красиво. А волосы любимой – магия, потому что ни один мировой шедевр в Ватикане, включая восхитительные фрески Микель Анджело в Сикстинской капелле, не вызывали во мне столько восторга, сколько тёмные пряди Евы. На них можно смотреть и смотреть, особенно если день ветреный, и они живут в его слабом движении или резких порывах особенной, почти волшебной жизнью. Мне хочется их целовать, гладить, трогать руками. Играть, пропускать между пальцев или просто поправлять. Я люблю их запах, люблю цвет и блеск, люблю наполнять ими свои ладони, когда, задыхаясь, забываюсь в оргазме. И он никогда не был таким же с другими. Не может быть.

На постели тусклое ноябрьское солнце, словно вуаль одевает нас и наши простыни. Моя ладонь на её животе. Там шрам, след, оставленный болью и горем. Пальцами повторяю линию, навсегда уничтожившую во мне гордыню и веру в собственное достоинство. Отныне и навсегда я – раб чувства вины, ничтожное подобие мужчины, погребённое под плитой невыполненных обещаний, не оправданных надежд, не удержавшее в руках поводья собственной жизни. Ведь я был и есть в ответе за неё.

Говорю мысленно: «Я всё знаю. Знаю, как плохо тебе было. Но теперь я рядом. И всегда буду рядом». Под моими пальцами деформация на её коже, и она кажется мне бесконечной. Я прижимаю к ней ладонь и мысленно отдаю моей израненной Еве свои силы и желание жить. Именно через это место, потому что здесь её пробоина, та трещина, через которую пыталась ускользнуть душа.

Уже почти рассвело. Поднимаюсь, натягиваю футболку и шорты, поправляю простынь, накрывая ею плечи моей спящей Евы, и выхожу на берег. Солнце вот-вот появится над линией горизонта, его розовый свет уже окрасил светлое небо и отражается в спокойной воде. Сажусь на холодный после ночи песок, складываю руки на согнутые колени и смотрю на море. По утрам оно особенное – тихое, смирное, и в его покое я нахожу своё утешение.

Ева подходит бесшумно, в последнее время я почти не слышу её. Садится рядом, не целуя, как обычно, даже не прикоснувшись. Это плохой знак. Я чувствую её отстраненность.

- Привет, - едва слышно.

- Привет, - улыбаюсь, но она мне не отвечает.

Я не пытаюсь её обнять, хотя очень хочется. Чувствую, что сейчас должен просто выслушать.

- Ты говори, когда меня слишком много, ладно? - просит.

- В каком смысле много?

Я ощущаю, как жар приливает к моим щекам, как сдавливает грудь. Негодую, но стараюсь молчать.

- Ты встаёшь так рано... чтобы побыть одному. Не нужно! Просто говори мне, что я мешаю. И я не буду.

В её голосе отчуждение и холодность. Он твёрдый, решительный, слова явно давно продуманы и отточены – ни одного лишнего, но я знаю, какая бездна скрывается за этой напускной уверенностью. Осознаю, что все эти мысли не её вина - мои поступки не позволяют ей верить, но у меня уже сдают нервы: нет сил так жить, но и по-другому невозможно. Есть только один выход: терпеть и, не сдаваясь, снова и снова пытаться приблизиться.

- Ева ты не мешаешь мне... – начинаю, стараясь сохранять спокойствие, но это сложно.

- Ты не можешь! Ты в принципе не можешь мне мешать, понимаешь?

Наверное, мой тон всё же слишком напорист и груб, потому что я вижу в линии её искривлённых губ с усилием сдерживаемый слёзы. Не выдерживаю и загребаю руками, прижимаю к себе:

- Господи, Ева...

Не могу, не умею словами, поэтому руки выручают чаще всего. Но объятия – временное решение проблемы, как достучаться до её сознания, как?

- Ева, я говорил тебя тысячу раз и повторю снова: не придумывай угрозы. Их нет! – говорю шёпотом, чтобы быть максимально мягким.

Она некоторое время молчит, зарывая ступни в песок, пряча в нём пальцы, затем вдруг выдаёт:

- Я знаю, что ты сделал для меня... – всё ещё пытается казаться сильной.

- Что?

- Ты разрушил свою семью, чтобы помочь мне!

Бедная, бедная моя девочка. Её голова уже измучила её, придумывая всё новые и новые страхи. Беру в руки её лицо и заставляю смотреть в глаза, хотя самому трудно видеть её:

- Нет не поэтому. Я ушёл от Мел, потому что не любил, и наша с ней семья была жалким, далёким подобием того, что когда-то было и теперь есть у меня с тобой!

Евины губы кривятся, она больше не может сдерживаться, и первая слеза собирается огромной каплей на её нижнем веке.

- Я ушёл, потому что понял: жить так дальше бессмысленно - ни она не делала меня счастливым, ни я её. Да я вообще никого не делаю счастливым!

- Меня делаешь, - вспыхивает, и слёзы дождём.

Ева с силой обнимает меня обеими руками, прижимает лицо к груди и повторяет:

- Меня делаешь!

И я млею, хотя знаю, как мало истины в её словах. Но она сама в это верит, и мне хорошо. Настолько глубинно, что я даже прикрываю глаза: ради таких моментов и стоит жить. Не успеваю опомниться, как уже целую её лицо и честно признаюсь:

- Я только пытаюсь.

И по привычке меня тут же несёт дальше:

- А ты не позволяешь, не хочешь впустить меня полностью!

Чувствую, как напрягаются её плечи:

- Я не буду спрашивать, не буду! Не прячься! - прошу её.

Но она уже другая, уже юркнула в свою раковину.

- Ева, мы всё исправим. Повторим то, что было, но должны делать это вместе!

Её губы касаются моей ключицы. Это место особенное для меня, но в данную секунду она об этом не помнит.

- Тебе нужно кое-что понять, Ева, - наседаю.

Беру её руку и прикладываю к её груди:

- Как много здесь всего?

- Очень много, - выдыхает.

Отрываю её ладонь, целую и прижимаю к своему сердцу:

- Здесь - столько же, тут твоё отражение, Ева. Просто знай: мне страшно жить без тебя. Так же сильно, как и тебе без меня. Мы больше, чем просто пара, ты ведь знаешь. У тебя нет конкуренток, Ева. Больше того: их никогда не было!

- Раньше у тебя была совсем другая жизнь! До меня...

- Да, в ней не было тебя.

- Ты был обеспечен, известен, успешен, а теперь...

- А теперь я засыпаю, обнимая тебя. И просыпаюсь, чтобы обнять крепче.

- Ты живёшь вдали от своей семьи!

- Я живу в самом центре своей семьи, и сейчас буду целовать её губы!

Целую, но она выворачивается:

- Твой сын растёт без тебя!

А это удар в солнечное сплетение.

- Да, это так. Но, похоже, я с этим смирился, потому что дети – не главное в жизни мужчины.

- Что главное?

- Женщина.

- Какая?

- Ты.

- Почему твой мак выглядит иначе?

- Потому что я вывел «нашу» татуировку.

Мне не хватает выдержки смотреть в её глаза. Силюсь, но у меня не получается: моим собственным зрачкам слишком больно, их будто обжигает её страданием, обидой. Сердцу моему больно, груди, мышцам, коже. Но я принуждаю себя: «Сделал – отвечай. Тяни, вытягивай. Вас обоих».

- Если вывел, откуда тогда эта? – спрашивает так тихо, что её вопрос я едва могу расслышать.

- Сделал новую.

- Зачем?

- Не смог жить без неё.

Теперь она плачет в моих руках. Беззвучно, бесшумно, только вздрагивает и быстро-быстро дышит.

Я прижимаюсь губами к линии роста волос на её лбу: знаю, как она любит, когда я ласкаю её именно в этом месте. Всегда расслабляется, отпускает напряжение, отдаётся, доверяет. И в этот душераздирающий момент я испытываю безмерное желание утешить, утолить сжигающую её боль из-за моего предательства, потому что отвернуться от того, кто тебя любит – это и есть предательство. Но парадокс в том, что я только теперь оказался

способен до конца осознать и прочувствовать, что именно сотворил с ней: не могло подобное произойти с Мел или любой другой из тех женщин, кого я успел познать в своей жизни. Именно с Евой закономерно должно было случиться именно то, что случилось, потому что только её я по-настоящему любил, ни чем и ни в чём не ограничиваясь. Она была одета в эту любовь в течение года: я укутывал её, заматывал, словно в шаль, оберегая от всего, что могло бы огорчить, обидеть, расстроить. И я оказался единственным человеком, кто сумел любить Еву так, как ей всегда было нужно, с самого её рождения: безусловно, безгранично, безутешно. Она не просто привязалась ко мне, она проросла в меня... или я в неё, не знаю. Но существовать отдельно от меня она не смогла. И не может до сих пор.

Закрываю глаза, прижимаю её тело к себе покрепче и пою... Чушь какую-то, несурезицу без музыки и без рифмы. Обрывки давно забытых песен, припевы в основном.

- Не пой! – выдыхает, но в её голосе я слышу смех.

Пусть он сквозь слёзы, но, всё же, это смех. Немного неуклюжей радости для моей Евы. Единственной женщины, которую я когда-либо любил, люблю или смог бы полюбить.

- Ты – мой Ооопиуум... - тяну нараспев. – Моя единственная любииимая... Моя Еееваааа - моя дееевочка...

Сегодня плохо, завтра хорошо. Тот же берег, тот же пляж, дом и песок. Но Ева другая: мягкая, счастливая, топящая меня в своей улыбке. Она на песке, я нависаю над ней, и моя правая неумомимая рука ласкает её нежное бедро. Я хочу целоваться в губы, но у неё сегодня игривое настроение – тянет меня за волосы в обратном направлении, не давая приблизиться. Я ей подыгрываю, но хочу доказать, что боль меня не остановит. И когда наши губы, наконец, соприкасаются, это уже не просто поцелуй, это – наша жизнь. И пальцы в моих волосах больше не тянут, они прижимают меня к ней, к моей Еве.

Я знаю, как заставить её дышать чаще, как вымолить «тот самый взгляд», и делаю это:

- Любимая...

Глава 42. Болезнь

Мы могли бы никогда об этом не узнать. И, наверное, в жизни так и случается: многие истины оказываются открытыми лишь по воле случая. Как это было у нас.

Итак, мы могли бы никогда об этом не узнать, если бы не болезнь.

Евина болезнь.

Мы в Ванкувере, приехали впервые за последний год. С тех пор как Мел согласилась привозить ко мне Дариуса сама, надобность в перелётах отпала.

Ева лежит в госпитале на обследовании. У неё обнаружили опухоль в почке, но нам повезло – стадия начальная и шансы на полное выздоровление максимальны.

Ева ни на что не жаловалась, жила как обычно. Так же с аппетитом ела, так же хорошо спала, так же радостно улыбалась по утрам. И вечерам. И во всё остальное время. Я только раз заметил, как она склонилась над столом, уперев руки в столешницу. Только один единственный раз. Но этого хватило, чтобы почувствовать, просто ощутить каждым фибром своей души, что моя девочка в опасности. Купил билеты. Собрал чемоданы. Схватил Еву за руку, и вот мы здесь.

Диагноз врезал по нашему хрустальному миру тяжёлой бейсбольной битой. Тесный кабинет врача, проводившего диагностику, завертелся, поплыл, растворился в пульсации страха в моих ушах, висках, груди. Больно слышать приговор, страшно смотреть в её глаза. Отчаянно сжимаю её руку своей, и в силу этого жеста вложено всё, что я хотел бы сказать словами, но в данную секунду не могу – ком в горле. Ева сжимает мою в ответ - она всё поняла: нельзя уходить навсегда, когда тебя любят так, как я люблю. Нельзя бросать свою половину в одиночестве, обрекая на ожидание собственного конца, потому что жизнь больше уже не будет жизнью.

Я вспомнил, Лера как-то рассказывала, что у неё с давних пор больные почки. Позвонил ей всего лишь спросить совета, а вышло так, что уже через сутки Алекс перевёз Еву в клинику в Штатах - туда же, где годы назад вылечил свою Леру. И я, конечно, рядом. Мне больше нигде не нужно быть, моё место там, где моя Ева.

Мы с другом стоим в больничном коридоре и делаем то, чего я никогда бы не мог себе вообразить – спорим о деньгах.

- Ну продашь ты свой дом в Доминикане, сколько выручишь? Копейки. А жить-то вам где-то нужно, когда всё закончится!

- Не известно, КАК ещё всё это закончится. Ева подавлена, как будто всё решила для себя. А без неё эти дома мне не нужны.

- Во-первых, никогда! Слышишь? Ни на секунду не переставай верить, что это - временная трудность. Испытание, беда, с которой вы вместе справитесь. Во-вторых, о каких домах ещё ты говоришь?

- О родительском. Доминиканский ничего не стоит, но родительский и Евин – растут в цене.

- Вот именно! Сейчас не время продавать. Это было бы глупейшим решением! Но не это главное: я бы никогда не продал родительский дом, если бы мог им распоряжаться. Но меня в шесть лет никто не спрашивал!

- Не продал бы? Не верю! Если бы в ситуации, подобной нашей, не дай Бог, оказалась твоя Лера, ты бы себя продал, не только свои дома! – спорю.

Алекс вздыхает и, помолчав, совершает последнюю попытку:

- Я понял тебя. Но просто послушай: я хочу помочь этой девочке. И не потому, что она твоя сестра... жена, любимая, нет, не поэтому. Я могу это сделать, и я хочу это сделать. Больше того: мне это ничего не стоит! Подумай, каким стрессом будет для неё новость, что всё, что у вас было, ушло на её лечение?

- Да, ты прав. Но придётся пережить. У меня ещё есть три ресторана в Ванкувере, голодать не будем.

- Голодать не будете, это так, но ресторанный бизнес сейчас не тот, что прежде. Сам знаешь. Моя команда выкупила два заведения у твоей бывшей жены – кандидаты на банкротство. Люди стали лениться, заказывают еду на дом, ты посмотри, компании доставки растут как грибы после дождя!

- Алекс, я не возьму твои деньги.

- Давай так: сейчас мы оставим этот вопрос. Мои фонды уже оплатили всё, что нужно, тебе ни о чём не надо беспокоиться. И чтобы ты не чувствовал себя должником, давай просто договоримся, что ты снимешь для меня хороший фильм. По книге моей жены, - подмигивает.

Не могу не улыбнуться:

- Алекс, я...

- Иди к своей женщине. Успокой, поддержи и не оставляй. Будь с ней. Придёт время, поговорим обо всём ещё раз. Да! Кстати... я свою версию пишу.

Мне кажется, или этот человеческий великан засмутился?

- Я знаю, - улыбаюсь. – Лера мне говорила.

- Ну вот... Я хочу хорошее кино, понимаешь? Очень хорошее! Не для рейтингов и продаж, а во имя смысла.

С этими словами он уходит, заглянув ещё раз к Еве. О чём они говорят, я не знаю: Алекс попросил несколько минут наедине. Этот парень не просто успешный бизнесмен - он умеет чувствовать людей, особенно женщин. Но не всех к себе подпускает, далеко не всех - в последнее время таких счастливчиков единицы. Люди любят сплетничать о нём, много говорят, много придумывают. Я никогда их не слушал, потому что имел редкую возможность знать его лично: это самый достойный человек и мужчина из всех, кого я встречал в жизни. И он целиком и полностью зависим от любимой женщины – Валерии, водрузил её на алтарь своей жизни, и, не боясь осуждения, молится. Об этом знают все. А он знает, кому молюсь я, поэтому, отложив дела и семейные заботы, приехал сюда.

Еве предложили лечение по «стандартной» схеме: химиотерапия и последующая операция по удалению опухоли.

- У меня выпадут волосы? – первое, что её интересует.

- Да, на время, - отвечает врач.

Её глаза наполняются слезами, и она бросает один короткий, но о многом говорящий взгляд. Я не успеваю ответить, вовремя найти те самые «правильные слова», и вместо меня это делает Алекс.

- Лера видела меня не только без волос, но и в крайней степени истощения и бессилия. Ты заметила, как она смотрит на меня теперь?

Ева кивает, аккуратно вытирая слёзы безымянным пальцем.

- Поверь, до болезни она ТАК никогда на меня не смотрела. Теперь я для неё не «красавчик Алекс» как прежде, а «дорогой Алекс», - он обнимает её за плечи, мягко поглаживая, успокаивая.

Они обмениваются взглядами, и я замечаю, как Ева на него смотрит: как на отца. И он видит в ней ребёнка, пусть не своего, но такого, которому нужна любовь и поддержка:

- Тебе не стоит об этом беспокоиться. Тебе вообще ни о чём не нужно сейчас переживать: Дамиен всё сделает как нужно, врачи тоже, это я тебе обещаю. А ты просто выдохни, расслабься и доверься нам, поняла?

Ева снова кивает, но теперь уже улыбается. Правда, сквозь слёзы.

- Эта болезнь отпускает, но только тех, кто по-настоящему хочет вырваться. Кого любят и кого держат. А тебя очень крепко держат, причём обеими руками и не только ими. Помнишь, что я тебе говорил?

- Да... - снова кивает.

И тут Алекс совершает жест, от которого у меня самого наворачиваются слёзы: кладёт свою ладонь Еве на затылок и, притянув к себе, целует в лоб. Долго и с чувством, как если бы целовал кого-нибудь из своих детей.

- Всё будет хорошо. Всё будет хорошо, – шёпотом повторяет мантру.

За все годы я ни разу не видел, чтобы мой отец, который всегда был и отцом Евы тоже, делал что-нибудь подобное. Видит Бог, ей это было нужно.

Пытаюсь взять себя в руки, но получается с трудом. Развернувшаяся в кабинете врача-онколога сцена, очевидно, чересчур эмоциональна даже для неё: миссис Таи улыбается, неуклюже скривив губы – улыбка сквозь слёзы.

Мы возвращаемся в Евин бокс и, наконец, остаёмся одни. Мне это необходимо – хочу уединиться, скрыться от чужих глаз, крепко обнять её и повторить, что всё будет хорошо.

Евина болезнь изменила меня. Впервые в жизни я подошёл к самому краю и заглянул в неё, в пустоту. И то, что увидел, мне не понравилось: это был ужас. Мой собственный панический, удушливый, болезненный страх остаться в этом мире, измерении, в этой быстротечной жизни одному. Без неё.

Да, я изменился: больше никогда не позволяю себе строгости и резкости, командного тона, излюбленного спасительного осаждения в моменты её истерик. Вся моя прошлая жизнь теперь кажется сном, в котором я почти не мог двигаться, да и соображал-то с трудом. И только когда под тяжестью отрезвляющей новости пелена спала, я понял главное: меня без неё не будет. Не способен я жить без неё, да и не хочу. Нет в моём существовании смысла.

Нелегко в этом признаваться, но, стоя у окна в мужском туалете госпиталя, я глотал слёзы, издавая при этом постыдные хлюпающие звуки, и думал: какого чёрта? Что это за дерьмо и когда оно кончится?

Смешно, годы идут, а реакция на острую боль всё та же: мысли о том, как убить себя быстро и максимально безболезненно в том случае, если Евы не станет. Но мне больше не девятнадцать: я отец и у меня обязательства, поэтому подобные мысли хоть и возникают (а кто им запретит?), но до реальности им, как мне до премьерского поста.

Да, в мужском больничном туалете пришлось дать эмоциям выход, потому что мозги уже плавилась, а сейчас, в Евином боксе, я улыбаюсь и уверенно ей сообщаю:

- Стадия ерундовая, мы вылечим тебя в два счета! И сбежим куда-нибудь развлекаться. Хочешь опять в Европу?

Вечером того же дня медсестра приглашает меня пройти в кабинет 202.

- Зачем? – спрашиваю уже на месте.

- Кровь сдавать. У вас какая группа?

- Четвёртая. А Еве нужна кровь?

- Не всем оперируемым пациентам она необходима, но мы всегда просим родственников принять участие в программе донорства. У вас вот, кстати, группа очень редкая. А резус какой?

- Не знаю.

Я действительно понятия об этом не имею.

- Это ничего, я всё равно буду образец брать. Гепатитом не болели?

Медсестра вручает мне анкету, куда я должен вписать все свои болезни и похождения, затем приглашает расположиться поудобнее в просторном полулежачем кресле, аккуратно проткнув мою вену иглой, набрав образец и подключив к аппарату забора крови.

Спустя короткое время я чувствую небольшое головокружение, прикрываю глаза, а перед ними...

А перед ними смешная, круглая, до слёз трогательная макушка с пробором посередине – в восемь лет Энни всегда заплетала Еве две косы: «Чтобы не ходила растрёпанная!», потому что из одной у неё всегда выбивались её непокорные пряди. Я прохожу мимо, и у меня зудят ладони, прямо пекут, страстно желая дёрнуть за одну тонкую косичку и сделать это посильнее. Хватаюсь, чувствую пальцами тугой жёсткий жгут, ощущаю каждую волну заплетённых волос. Но прежде, чем Ева успевает опомниться, совершаю один резкий рывок рукой: её голова скачет, словно мячик, в направлении моего вероломного выпада, чашка с горячим чаем опрокидывается на колени, и моя сводная - родная сестра взвизгивает то ли от боли, то ли от неожиданности, то ли от унижения.

Эпизод в туалете я уже пережил, но видно не до конца, и теперь гадкое мокрое и солёное вновь собирается на моих сомкнутых ресницах. Сейчас, двадцать лет спустя, мне хочется вырвать себе ту руку или хотя бы вовремя остановиться и отвести её в сторону. Но это не фильм, это моя, наша жизнь, и отмотать плёнку назад нельзя. Нельзя переснять кадр.

- Действительно, четвёртая, резус отрицательный, - доносится до сознания мягкий голос медсестры. – Вы так похожи, я думала – брат и сестра.

- Мы и есть брат и сестра, - сухо отвечаю.

- Да, но я думала родные...

Глава 43. Знание

Ева. Несколько недель спустя

Дамиен прижимает мою руку тыльной стороной к своим губам. Целует, а в глазах такая тоска, такая печаль, что мне его жалко. Всей душой жалею его.

- У нашей бабки был такой же диагноз, у отцовской матери.

- Да? Она вылечилась?

- Это было тридцать лет назад, и она была старухой. А ты - молодая и любимая. Медицина далеко шагнула в лечении этой болезни, но в твоём выздоровлении не это главное.

- Что же?

- То, что ты не можешь меня оставить. Не имеешь права. Я слишком сильно люблю тебя, слишком глубоко связались наши души, настолько, что остаться на Земле одному, без тебя, это равносильно смерти моего духа. Я не вынесу, не сумею. И даже не буду пытаться.

Он говорит это спокойно, так словно объясняет порядок расположения планет в солнечной системе. И я бы даже сказала, что на его лице почти нет эмоций, если бы не опущенные уголки губ и расширенные от страха перед перспективами глаза.

- Нас нет друг без друга, Ева. Все влюблённые - это одна душа, разделённая на две половины. Одна у меня, другая у тебя. А как можно жить без половины своей души?

- Как другие живут, - так же спокойно отвечаю.

- У других нет такой близости и такой зависимости. Им больно, но эта боль не убивает. А моя убьёт меня, и ты это знаешь, - снова целует мою руку.

Затем шёпотом:

- Ты когда-нибудь расскажешь мне? Что стряслось в тот чёртов год, что тогда произошло?

Он видит, как меняется моё лицо, как оно каменеет.

- Что ты так привязался ко мне с этим идиотским годом! Какая теперь уже разница? Что ты как дятел всё выдалбливаешь из меня этого червя? Я не вспоминаю о нём, потому что меня это убивает, ясно тебе?

- Ева, я должен знать, что сделал... Что именно сотворил! Я тону в чувстве вины и даже не представляю, в чём именно виноват! Знаю, что не должен был оставлять тебя, но мне нужно также понять, что с тобой произошло! Это не любопытство, это необходимость!

- Если я скажу, между нами будет поставлена точка. Это знание убьёт меня как женщину в твоих глазах. Убьёт всё.

- Ева! Ничто не может убить тебя в моих глазах! А тем более, как женщину! - в нём столько экспрессии, что от её нажима я почти сдаюсь. - Просто скажи! - умоляет взглядом.

А я смотрю и думаю: да какая уже теперь, к чёрту, разница? Сексуальность моя почилла на веки. Через парочку месяцев меня, возможно, вообще не станет, так что я теряю? Ну, хочет знать, хочет ещё больше боли носить в своём сердце, так пожалуйста - пусть получит!

- Был.

- Что с ним случилось?

- Она, кажется, разбила его... я теперь уже и не вспомню точно.

Мы долго лелеем тишину в палате, прислушиваясь к мыслям друг друга. Внезапно Дамиен признаётся:

- Это был мой подарок. Я подарил ей машину, которую она хотела, в тот день... в тот самый день, когда её беременность подтвердилась.

Мне смешно до одури и до изнеможения больно. Дамиен обнимает меня, утешая, успокаивая. Он долго ни о чём не спрашивает, а я жду так, как не ждала ещё ни одного вопроса. И вот, наконец, он решается:

- А почему ты спросила?

И я хочу ответить, но не могу – горло сжато в тиски сожалений, бесконечного отчаяния, страха, обиды на него, моего Дамиена, на жизнь и её витки, петли и кульбиты, на все «подарки», что она так щедро мне подарила.

Дамиен знает, что со мной творится нечто необычное, ощущает, что его ждёт некое «знание», от которого ему будет плохо. Я чувствую щекой, как нервно он сглатывает, слышу в сдавленном голосе предвкушение боли:

- Просто скажи, Ева. Просто скажи.

Откидываю его руки, обжигающие близостью, отравляющие болью, так уверенно расплзающейся по его телу, что я могу физически её ощущать. Подхожу к окну и, глядя на утопающий в первом декабрьском снегу сквер, наконец, открываю самую большую свою тайну, сбрасываю самую тяжёлую ношу:

- Твоей дочери было шесть внутриутробных месяцев. И она была невероятно красивой, настолько, что это было видно даже сквозь синяки на её крошечном, почти игрушечном тельце. Я назвала её Лав, потому что это было единственное подходящее ей имя.

Оборачиваюсь, желая увидеть его глаза в этот момент, когда он узнает, что сделал, что не защитил, не уберёт нас, но мне, увы, не видно его лица, потому что оно скрыто за вжатыми добела в суставах руками. Его плечи не подрагивают, нет, они трясутся в неукротимой агонии. Сколько раз в своём ненормальном детстве я мечтала увидеть его вот таким? Но он никогда не плакал, никогда: даже когда я раздолбала увесистым молотком все его модельные машины, сожгла рукотворного воздушного змея, над которым они с Роном корпели неделю, спустила с лестницы его двенадцатилетнее тело, не принимала таких искренних, сильных и уязвимых чувств. Он не пролил ни единой грёбаной слезы, когда разбился и был вынужден мочиться в специальные трусы, как старик. Но он не смог сдержать сшибающую с ног волну боли, когда узнал о смерти нашего ребёнка.

Он ведь даже не хотел девочку, только сына. Всегда твердил, как сильно мечтает научить его быть мужчиной, верить в себя и идти по жизни с гордо поднятой головой. Как отправится с ним вместе в морское путешествие искать затерянные корабли и клады, научит играть в бейсбол.

Дамиен ничего не говорил о девочках, но именно его крошка, единственная во всём мире, сумела сломать сильного, непоколебимого Дамиена, всегда готового сокрушить любого, но при этом не упасть самому.

Я никогда не видела его в такой боли и понятия не имею, почему она доставляет такое удовольствие, почему мне нравится смотреть на то, как он мучается, как корчится в конвульсиях сдерживаемых всю его сознательную жизнь рыданий. И я не представляю, откуда взялась во мне эта безграничная жестокость:

- Кольцо твоё почилло в ломбарде Восточного Ванкувера. Индус-ростовщик был хитёр и жаден: денег хватило только на кремацию, а похороны Лав я организовала сама. Она теперь

живёт у залива, где-то на красивом западном берегу.

Пусть годы спустя, но всё же он получил ответ на свой вопрос.

Знание раздавило моего Дамиена. Человека, прошедшего через многое, достигшего дна разочарований и несправедливости, отчаяния и безысходности.

И я добиваю его, испытывая невероятное, бесконечное облегчение, отпуская свою обиду за Меланию, за их сына и годы счастливого брака, за своё отнятое, вырванное с корнем право самой стать матерью:

- Меня сбила машина белого цвета. Дорогой Lexus класса люкс, по свидетельству очевидца, выскочил на тротуар и скрылся с места, не останавливаясь. На нём не было ни номерных знаков, ни каких-либо особенных отличительных признаков, поэтому найти его оказалось невозможным. Да и мало кому нужным, потому что, по мнению врачей, мне несказанно повезло, что я осталась в живых. Но знаешь, я почему-то теперь думаю, что водителю той машины очень хотелось моей жизни. Нет никакого интереса в соперничестве, если не с кем соперничать.

Мне не хочется больше смотреть в его сторону, а тем более прикасаться физически. Мои глаза смотрят на медленно падающий из серой небесной бездны снег, одевающий высоченные ели в белые одежды, покрывающий больничный сквер белым покрывалом чистоты и умиротворения. Я не чувствую больше боли, ни внутренней, ни внешней, ни физической, ни душевной.

- Ты никогда не думал, что был лишь трофеем в чьей-то игре? Знаешь, таким особенно ценным, потому что в нём много золота и его тяжелее всего завоевать, но в ряду всех остальных достижений пыль на нём лежит таким же точно толстым слоем.

Дамиен молчит, и в этом молчании я слышу очень многое: он всё знает, давно уже понял, просто понятия не имел, не осознавал до конца масштабы всех своих потерь.

- Я хочу, чтобы ты сейчас ушёл, - прошу его.

Но он не двигается с места, даже не пытается пошевелиться. Так и сидит, прижав руки к лицу, только трястись перестал.

- Уйди, я хочу побыть одна! Просто хочу быть одна! Это единственное, что мне нужно в этой грёбаной жизни! – в своих истеричных воплях я впервые слышу нотки не поддельной, не наигранной, не искусственно культивируемой, а самой настоящей живой ненависти. – Я не могу иметь детей! Я никогда не смогу родить ребёнка, потому что уже годы не женщина! Ты жил всё это время с куклой! С муляжом!

Дамиен убирает руки от своего лица, я вижу его покрасневшие от слёз глаза, вижу все его боли, большие и маленькие, но не вижу смирения. Нет в них ни капли согбенного принятия, согласия, отпущения, всепрощения.

В одно мгновение он оказывается рядом, сжимает своими огромными руками меня, всегда в разы меньше его и ростом, и весом, но теперь, измученная то ли болезнью, то ли её лечением, я кажусь себе ребёнком в его объятиях. И этому ребёнку очень нравится быть в бережных стенах защиты, в безопасности, в любви, потому что его влажные губы повторяют раз за разом в прижатое к ним ухо:

- Я люблю тебя, слышишь? Я так сильно люблю тебя! И вытащу, чего бы мне это ни стоило, клянусь, вытащу! Вот увидишь! Даже не пытайся сопротивляться, потому что я всё равно это сделаю! Потому что я люблю тебя! Так сильно, как никто ещё не любил на этой чёртовой планете! Ты мой Опиум, мой единственный смысл... Мой Опиум...

Дамиен

Как там говорят? Саднит в груди, печёт, ноет? Нееееет... Всё не то.

Никогда прежде я не стоял на коленях, теперь вот стою: не люди поставили - сам это сделал.

Так сильно боялся упасть, что в итоге столкнул себя сам в пропасть. На самое-самое дно.

Это даже не боль...

Боль можно пережить, можно справиться. А это...

Боже, как же я хотел её ребёнка, а он, оказывается, был у меня. Впервые это острое желание, острее всех прочих, пробило мой мозг в том возрасте, когда парни и не помышляют о подобном. Все мои сверстники «пили» жизнь, щедро проливая излишки, расплёскивая себя в удовольствиях, а я собирал по крупицам, бережно храня каждое мгновение своего года с Евой. Мои друзья меняли девчонок, боясь постоянных, а я думал о женитьбе, мечтал о детях. Они считали амурные победы, а я ломал голову, как быстрее встать на ноги, чтобы успеть заполучить мою Еву навсегда. Я строил планы и делал это слишком рано, настолько, что пугал даже Еву. Я спешил жить, и только теперь знаю ответ на вопрос «Почему?».

Она молчит, а мне трудно дышать. Если б кто сказал сейчас: Дамиен плачь, станет легче, я б его ударил.

Не станет. Чего ни сделай, что ни сотвори, ушедших дней не вернуть, уже свершившегося не исправить.

Она не могла не свихнуться, моя Ева, не могла. Я бы сам спятил, причём, в отличие от неё, окончательно и бесповоротно.

Как бы ни вжимал ладони в глаза, ни сдавливал череп пальцами, перед глазами картины: ОДНА, она всё время одна и внутри неё мой ребёнок. Я вижу мир её глазами, и в нём – только страх. Она ведь думала, что её ребёнок зачат от брата-близнеца. Ева, дерзкая и смелая на вид, но, на самом деле, бесконечно уязвимая и беззащитная, приняла решение в одиночку.

Шесть месяцев... Шесть месяцев... Шесть.

Я видел, что происходило с Мел в первые trimestры – она лежала пластом, не выходя из спальни - её рвало, и мне пришлось нанять медсестру, чтобы за ней было кому ухаживать в моё отсутствие. И в это же самое время Ева жила в камерке в Восточном Ванкувере, в районе для наркоманов и велфэрщииков, работала за минималку, обслуживая в баре жлобов, и в одиночку возвращалась по грязным улицам, кишущим маргиналами и бомжами.

Я видел, что происходило с Мел в первые trimestры – она лежала пластом, не выходя из спальни - её рвало, и мне пришлось нанять медсестру, чтобы за ней было кому ухаживать в моё отсутствие. И в это же самое время Ева жила в камерке в Восточном Ванкувере, в районе для наркоманов и велфэрщииков, работала за минималку, обслуживая в баре жлобов, и в одиночку возвращалась по грязным улицам, кишущим маргиналами и бомжами.

Господи...Она носила моего ребёнка. Моего, как она, вероятно, считала, очень больного ребёнка. И Ева сознательно приняла решение, несмотря ни на что дать ему жизнь. Не решилась убить, потому что чувствовала, что его нельзя убивать!

Ева... Ева... Ева...

Я сейчас сам свихнусь, Ева.

«Прости меня, если сможешь!» – мысленно прошу её, убрав от лица руки. Я вкладываю

в эту просьбу всё, чем живу и дышу сам и посылаю её в Космос - пусть она наберёт достаточно энергии и вернётся сюда, на Землю, к моей Еве. Пусть даст ей сил на всё: бороться за жизнь, за себя, за своё будущее, отпустить обиды, нанесённые нами, людьми: отцом с матерью, моей бывшей женой, тысячами встреченных на её пути безразличных незнакомцев и, наконец, самые главные – те, что принёс ей я. Я обидел сильнее всех: отказался от неё. Эгоистично сосредоточенный на благополучии своей жизни, я бросил её в одиночестве и сделал это в тот момент, когда больше всего был ей нужен.

Смотрю, неотрывно смотрю на её измученное тело и понимаю: его страдания ничто в сравнении с тем, насколько истерзана её душа.

Видеть её больно. Физически больно.

Я не знал и знал. Чувствовал. Нет во мне ни человечности, ни жертвенности, ни безотказной доброты и участия – я просто замаливал грехи. Каким-то образом понимал, что они есть, но только теперь выяснил, какие. Пазл сложился, мне ясно, по какой причине она молчала: берегла меня. Тянула этот груз в одиночку. Столько, мать Вашу, лет!

И... Господи, она считает себя неполноценной и поэтому вянет, намеренно, добровольно отдаёт себя на растерзание болезни.

Бог! Если ты есть, дай мне сил, помоги пережить! А я помогу ей.

Встаю и ... не иду, нет - перемещаюсь в пространстве, не чувствуя ног, не осознавая собственных движений. Это невидимая сила, с самого далёкого детства толкающая меня к ней, притягивающая с мощностью импульсивного магнита. У меня никогда не было шанса уклониться от столкновения – оно было неизбежным. Предначертанным.

Я закрываю её руками так, будто вокруг бомбёжка, а она – мой ребёнок. Накрываю рукой макушку и прижимаю к своей груди. Сам не знаю, почему это делаю. Просто живу в этом моменте всеми своими чувствами, а они рвут меня на части, грозя убить, но я не сдаюсь – мне нельзя, мне нужно спрятать, укрыть мою Еву.

Это всё поздно конечно. Не было меня рядом, когда жизнь отрывала от неё по куску. Ей было так больно, что она не вытерпела и сошла с ума.

А я теперь плачу. Чёрт возьми, плачу как ребёнок, и мне плевать на моё мужское достоинство. Нет его вовсе у меня.

Мне нужно сказать ей кое-что. Нечто очень важное. Только сделать это нужно правильно – слишком хрупкой стала душа моей Евы. Слишком уязвимой. Но я выберу момент и сделаю это, и тогда наша жизнь изменится.

А сейчас я хочу сказать ей только одно:

- Я люблю тебя, слышишь? Я так сильно люблю тебя! И вытащу, чего бы мне это не стоило, клянусь, вытащу!

Ева

С трудом в это верится, но в ту ночь у нас опять был секс. Горячий, живой, настоящий секс, такой же, каким мы занимались в нашей юности, в сладкой беспечной жизни, какую успели прожить в самый наш счастливый год. И даже сейчас, без сил, без красоты и надежды я верю, что ради одного того года стоило родиться и приходить в этот безумный мир. Стоило.

Цените всякое мгновение, наслаждайтесь каждой секундой настоящего. Дышите, пока можете.

Глава 44. Письма

Если до этого разговора Дамиен иногда уходил домой на ночь, то после всегда оставался, вцепился в меня мёртвой хваткой, не выпускал. Тяжело уйти, когда тебя так держат: днём глазами, ночью плотно зажав в руках. Он не признался в тот день, когда случился наш самый откровенный разговор, сделал это позже:

- Ты кое в чём ошибалась: я знал, о том, что твоё тело изменилось. Догадался.

- Как?!

- Ева, я был женат и прожил целый год с тобой, так что мне известны некоторые нюансы женской физиологии. Я перестал предохраняться практически сразу, потому что понял: в этом нет надобности.

- Понял?

- Ева, в нашей спальне не было пауз. Тех, которые случаются раз в месяц в каждой семье. И ты никогда не покупала ничего, что производится только для женской гигиены.

- Боже... - закрываю глаза рукой. – Ты всё это время знал!

- Я тоже физически давно уже не тот Дамиен, который приехал встречать тебя в аэропорт. Но это и неважно. Знаешь, почему? Потому что мы не влюбляемся в руки и ноги. Не влюбляемся в лицо, волосы, губы и глаза. Мы влюбляемся в душу, а она неизменна.

- Душа меняется даже больше, чем внешность, - спорю, не зная, куда девать чёртовы эмоции.

- Меняется наше восприятие мира, а не душа. Душа может либо расти, либо нет, но в сути своей она остаётся всё той же!

Я смотрю в его глаза и в их отражении вижу себя красивой, здоровой, молодой, потому что желанной. Он целует меня так, словно боготворит, будто каждая часть моего тела – священная реликвия, владеющая его жизненной силой. Я чувствую себя сексуальной, я снова ощущаю себя живой.

Его дыхание на моей шее - квинтэссенция моего счастья и благополучия. Я закрываю глаза и представляю, что мне девятнадцать. Что я молода, полноценна, что впереди необъятное будущее и тысячи возможностей, главная из которых - материнство. И я знаю, теперь знаю, что на такие темы не шутят.

Он дышит, и я дышу. Живу, пока он рядом. Им живу.

Дамиен подносит мою руку к своим губам, я чувствую их осторожные касания, тепло и влажность дыхания на своей ладони. Затем в темноту комнаты, словно крадучись, проникает его едва различимый шёпот:

- Я люблю твои пальцы. Каждый ноготок, особенно те, которые ты криво остригла. Я люблю каждую линию ладони, складку кожи на сгибах суставов. Я люблю твои совсем не тонкие запястья, и именно такие мне нравятся больше всего. Я люблю, как ты соединяешь большой и указательный пальцы в одно упрямое «о», когда психуешь, или сжимаешь ладони в маленькие кулаки, когда злишься. Я люблю, когда ты злишься, когда смеёшься, когда витаешь, погружённая в свои мысли, но ещё больше, когда упираешь свой кулачок в подбородок и пытаешься со мной флиртовать, даже не отдавая себе в этом отчёта. А если вдыхаю запах твоих волос - я живее всех живых.

Я слушаю его слова и словно со стороны наблюдаю за тем, как Дамиен оборачивает меня в кокон своего чувства. И мне в нём очень хорошо, спокойно, легко, даже, наверное, радостно, потому что я улыбаюсь. Конечно, я понимаю, зачем он всё это делает, почему стал теперь настолько мягким, по-особенному нежным, заботливым, не просто внимательным, а сосредоточенным на мне и только на мне. Дамиен сейчас даже сценарии свои не пишет, все его мысли о моём выздоровлении. Я буквально упиваюсь тем, как он выполняет данное обещание, во что бы то ни стало вытащить меня из лап болезни, а с тех пор, как я вручила ему свою тайну, мы странным образом стали ближе. И не просто ближе, а словно слились в одно: Дамиен теперь везде; нет в моей жизни ни единого уголка, где бы его не было.

Мы много говорим. Почти всегда говорим, даже когда молчим.

- Я писал тебе письма.

- Я помню.

- Я писал много писем, но тебе оправлял не все.

- Не все?

- Нет. Только те, которые могли заставить задуматься, а те, что бередили душу, сохранял неотправленными. Хочешь их прочесть?

- Зачем?

- Чтобы знать то, чего до сих пор не знала, о чём не догадывалась. Чтобы дать мне возможность сказать всё, что не успел, не смог. Позволить мне выговориться.

- Хорошо, я их прочту. Давай!

Дамиен раскрывает свой лэптоп, находит скрытую папку, спрятанную в глубине пяти других, зашифрованных системными названиями. Пока, наконец, не отыскивает документ с названием «Ошибка системы».

- Вот они, - разворачивает экран ко мне.

И я читаю строки, родившиеся в его голове годы назад:

«В написанных словах заключена особая магия. Не в сказанных, не в услышанных, а именно написанных. В словах образы, и ты можешь играть ими, сколько захочешь, перечитывая снова и снова, проговаривая, повторяя, переиначивая:

Я люблю тебя, Ева.

Ева, милая моя, родная, любимая...

Я никогда не смогу забыть тебя, пережить наш фатальный разрыв, выйти на новый уровень, сойти с поезда на попутной станции и пересесть на другой. Мне не найти ластик, имеющий достаточно волшебной силы, способной стереть из памяти то, кем я был, когда ты целовала меня, когда мы спали в одной постели и просыпались, глядя друг другу в глаза. Я не забуду, как ты выглядишь спящей, как сладко растягиваются твои губы, произнося «Дамиен» во сне. Моя память обречена вечно хранить звук твоего голоса, тепло твоих ладоней на моей груди, запах твоих волос. Я буду жить в неполноценности, лишённый твоей дерзости, иронии в твоих глазах и на твоём языке, твоих подначивающих улыбок и метких, как индейские копья, слов. Я – корабль после бури: всё ещё на плаву, но уже непригодный для дальних путешествий.

Потому что в моей жизни нет и не может быть тебя, моей Евы. Моей любимой так бесконечно нужной мне Евы. Моей, которая никогда не будет моей.

С любовью,

Твой Адам Дамиен Блэйд».

- Когда это было написано? - спрашиваю.

- В тот день, когда ты не рискнула подойти ко мне в кафе.

Мои глаза закрываются. Я горю в огне сожалений, разочарования в себе и силе своей души, в фатальности такой маленькой ошибки, незначительного шага, повернувшего жизнь острым, ранящим углом.

Почему я не подошла к нему тогда? Почему? Какого чёрта стояла у той стены?

Мысленно отрываю себя от кирпичной стены, делаю шаг в направлении столика, над которым склонился единственный в мире важный для меня человек, и теперь почему-то вижу, что его глаза закрыты, зажмурены в ожидании приговора.

- Ты сидел с закрытыми глазами? – вдруг решаюсь спросить.

- Да.

- Почему?

- Тяжело было смотреть на мир. На людей, на стены, столики и чашки. Тяжело было осознавать твои колебания и понимать, что решение уже принято – ты не подойдёшь. Не переступишь через себя.

Мои глаза возвращаются к экрану монитора, жадно хватают написанные строчки:

«Ева, ты - часть меня.

Ты - улыбка, рождённая в моём сердце.

Ты – моя нежность и дерзость, ты - ветер и буря, ты – боль и волшебство, единственное способное её излечить.

Прости меня, Ева. Прости за слабость, за малодушие, за раболепство перед условностями, называемыми долгом. Прости за всё.

Просто знай: каждый мой угасший день заканчивается мыслями о тебе, и каждый новый начинается.

Я люблю тебя. Всегда любил и всегда буду.

Твой Адам Дамиен Блэйд.»

- Это, когда я... приходила к тебе? И ты сказал, что ОНА беременна? – выдыхаю.

- Да, - сознаётся.

И я чувствую, как слёзы душат меня. Но Дамиен не даёт им воли – целует, обнимает, что-то шепчет, а я даже не слушаю, знаю – все его слова о любви и о том, как дорога я ему, насколько пустой и бессмысленной была бы его жизнь без меня. Я успокаиваюсь, дышу размереннее, а он всё не отнимает своих рук и жарко дышит, прижавшись губами к моему лбу.

Спустя время просит:

- Отпустишь меня ненадолго? Я должен решить несколько важных дел.

- Важных?

- Очень важных.

Глава 45. Сквозь тернии страхов к садам счастья

Дамиен

Я держу руки в карманах - от греха. Никогда в жизни не бил женщин, и впервые вот так до умопомрачения сильно хочется.

- Скажи, Мел, как далеко ты способна зайти в своих желаниях?

Мой голос – металл. Холодный, опасный.

- Очень далеко.

Закусываю губу до боли - мне нужно отвлечься, я не бью женщин. Не бью...

- Тогда, в школе... в последний наш год, кто отправил в полицию запись с Евиного телефона?

Её лицо становится серым. Она поджигает губы, отводит взгляд, но хорошо знает – от меня ей не скрыться. Решаю помочь:

- Вчера я прослушал запись из архива: на ней наш разговор за исключением фраз о тачке, которую вы продали. Несмотря на прошедшие годы, я слишком хорошо помню тот день и свой шок, - мне тяжело говорить сквозь стиснутые зубы. - Вы говорили о парне, который сулил хорошие деньги за угнанные машины. На записи этих фраз нет: кто-то их вырезал. Кто бы это мог быть?

- Я, - тихо сознаётся.

- И ты же убила Евиного ребёнка, - констатирую и сам прихожу в ужас от той ненависти и жажды мести, которыми пропитано каждое моё слово.

Не знаю, как смог произнести это вслух. Сейчас мне нужны силы, но я едва стою на ногах: меня будто кто-то душит, в ушах шум, в глазах темнеет, мысли путаны, хоть я и пытаюсь удержать ясность и холодность ума.

- О чём ты?

- О ребёнке! – всё, я больше не могу сдерживаться - ору.

В её глазах непонимание.

- Которого носила Ева, - уточняю, сквозь зубы. - Когда ты сбила её на своём грёбаном Лексусе! – снова ору.

В этот момент её глаза похожи на чёрные дыры.

- Что?

- Ты меня слышала!

- Слышала, но не могу поверить своим ушам! Это она тебе сказала?

- Да.

- Бред! Бред, какого я ещё в жизни не слышала!

Её голос теперь такой же жёсткий, как и мой. Она ждёт от меня слов, но мне больше нечего сказать, я хочу слушать.

- Никогда бы не подумала, что ты способен поверить в такую чушь, Дамиен!

- В тот вечер, когда твоя мать впервые пришла в наш дом, где ты была накануне?

- Господи... Дамиен, это было сто лет назад, как я могу помнить, что я делала сто лет назад? Твоя Ева что, выжила из ума? Или вы с ней вместе чокнулись?

- У всего есть предел, Мел. Есть рубеж, за который переступать нельзя, даже если это

очень поможет твоим интересам. Я не знаю... - мне тяжело говорить, грудь сдавило, - отдаёшь ли ты себе отчёт в том, что на самом деле сотворила? Можно устранить человека, но не память о нём! Теперь ты понимаешь, что я буду любить её любой? Хоть больной, хоть мёртвой, хоть сестрой, хоть нет, она всегда во мне! Она, а не ты! – и вот теперь это уже не ор, а вопли, ураган эмоций. Их так много во мне, что даже плевать на ноющую от боли ладонь – мне жизненно было необходимо кого-нибудь ударить, и этот удар пришёлся в стену.

- Понимаю, - шепчет с горечью.

Я ненавижу её. Я ненавижу эту суку и хочу схватить её за волосы и молотить головой о бетонную стену. Хочу растереть её в пыль.

Она это чувствует, и в её глазах страх. Да, ей страшно, поэтому она больше не орёт, шепчет:

- Я слышала, она больна?

Мне кажется, от злости я раскрошу собственные зубы:

- Да. Рак. И ещё один диагноз – шизофрения. А сегодня я выяснил, что её беременности было шесть месяцев, шесть! Она готовилась стать матерью, но ты лишила её этой возможности навсегда. Ты хотела убить её саму или ребёнка?

- Дамиен, я этого не делала! Ты верно сказал: есть предел! Я его не переступала, я сама мать!

Мы смотрим друг другу в глаза. Она выглядит искренней, но если не она, тогда кто? Несчастный случай? Совпадение?

- Я выясню. Добьюсь расследования. И если узнаю, что это была ты – мне плевать, что ты мать Дариуса! Клянусь тебе, у него больше не будет матери. Чего бы мне это не стоило!

Разворачиваюсь и, не чувствуя ног, иду к выходу.

- Ты в своём уме? – получаю вдогонку.

Хороший вопрос. В последнее время не уверен.

Глава 46. Знание 2

Ева

Я заметила, что Дамиен изменился. Во-первых, начал донимать меня сексом, и именно донимать, так что я всерьёз стала верить в собственную привлекательность даже при таких обстоятельствах. Во-вторых, если раньше он старался улыбаться (и это было легко заметно, потому что улыбка не касалась его глаз), то теперь он просто улыбается и часто вместе со своим знаменитым прищуром.

Дамиен совершает маленькие и большие жесты, которые собирают меня обратно, строят по кирпичику мою новую личность. Например, его ладонь на моём бедре, расслабленно поглаживающие пальцы, бесконечные поцелуи, ласковые слова и воспоминания не только из юности, но и о последних годах, прожитых вместе, где также случилось много хорошего.

- Помнишь, как я поскользнулся на собственноручно вымытом полу в столовой?

- Помню! – смеюсь.

Это действительно было до умопомрачения смешно: большой физически развитый мужчина в секси-майке и пляжных шортах, неуклюже растянувшийся на скользком кафеле с тряпкой в руках и стыдливым выражением лица. Да-да, всё самое смешное было на его лице!

- А почему ты вдруг вспомнил об этом?

- Не знаю... Просто вспомнилось! – хитро улыбается. – А как ты постирала моё водительское удостоверение, помнишь?

- Боже, теперь мне стыдно...

Да, стыдно, потому что мы были вынуждены идти пешком в офис местной администрации, чтобы заказать новое удостоверение. Дамиену пришлось с грехом пополам изъясняться на испанском, и уже одно это доводило нас почти до истерического веселья. Мало того, что он почти не знает языка, так в Доминикане ещё и сплошные диалекты. И в тот же самый день мы, вкусно отобедав в незнакомом ресторане, немного нетрезвые, но крайне довольные не смогли дойти до дома и занялись любовью прямо на берегу в укромном безлюдном месте, но всё же... это было нечто особенное! В тот день я, кажется, забыла обо всём на свете.

Сейчас, в больнице, Дамиен стал чаще меня разглядывать, причём так, будто впервые видит и оценивает с точки зрения секса. Стал совершать интимные жесты, которые раньше лежали за гранью допустимости. Он называет меня своей девочкой, а с некоторых пор что-то щёлкнуло в его голове, и он снова начал называть меня родной - как когда-то в юности.

Если раньше он убеждал меня (и себя заодно), что я смогу побороть болезнь, то теперь явно был в этом уверен, причём в той степени, когда нет ни единого сомнения. И мне вдруг стало комфортно в этом поле уверенности, спокойно даже. В одно прекрасное утро я проснулась и, увидев зарево просыпающегося дня, улыбнулась. И это была беззаботная улыбка человека, у которого вся жизнь впереди, который ничем не болен, и которого ещё ждёт очень много хорошего впереди. Я уверовала!

ЭТО случилось спустя три недели после моей операции. Врачи уверяли, что с медицинской точки зрения мои успехи выше ожидаемых, и настаивали на работе с

психологом. Но о каком психологе может идти речь, когда мне давно уже нужен психиатр? Хотя Дамиен считает иначе: он убеждён, что моя душевная болезнь больше никогда не вернётся и твердит, что я - самое сексуальное создание на планете. Конечно, я знаю, что всё это бред, но он повторяет его так часто, что... я почему-то уже верю.

Они вошли в мой бокс вдвоём: Дамиен и парень, глядя на которого, я сразу узнала себя. Он протянул мне руку, улыбаясь до ушей:

- Элайя!

Я ответила пожатием, машинально поправляя фэнси тюрбан из дорогущего шёлкового шарфа на своей голове. Этих шарфов у меня уже десятки, и всё благодаря неугомонной подруге Лурдес, которая считает, что даже в моих обстоятельствах главное, о чём я должна думать – мой внешний вид. Она же научила меня их повязывать, так что теперь я всегда при макияже и с тюрбаном на голове, как мусульманка.

Пока Дамиен включает свой большой ноутбук, расположившись на моём столе, Элайя разглядывает меня, а я – его. Думаю, моё сердце почувствовало и знало, о чём пойдёт речь, ещё до того, как они запустили запись:

- Включили? – неуверенно интересуется слабый старушечий голос. – Уже можно говорить?

- Да, вы уже можете начинать, - это голос Дамиена.

- Мне смотреть в камеру?

- Ведите себя естественно. Вы можете представить, что камера – ваша лучшая подруга...

Он не успевает договорить, как старуха вдруг оживает:

- Ни одной подруге, мой мальчик, нельзя доверять подобные тайны! А лучше этих подруг и вовсе не заводить! – выпаливает вполне бодренько.

Не могу удержаться и смеюсь. Дамиен, глядя на меня, тоже улыбается, а его голос с экрана ноутбука продолжает инструктировать старушку:

- Представьте вместо камеры человека, которому хотели бы рассказать эту историю со всеми подробностями. И поверьте, именно для него мы сейчас и снимаем её. Он будет на вас смотреть, он будет вас слушать.

Старуха распрямляет плечи:

- Почти всю свою жизнь я проработала медсестрой в Вестминстерском госпитале в отделении акушерства. Около тридцати лет назад мне довелось стать свидетелем ужасного деяния, - она на мгновение умолкает, затем со вздохом продолжает. – В тот день, в субботу утром, к нам привезли роженицу – жену владельца завода, женщину сорока двух лет. Это был её первый ребёнок, и вся наша смена была «буквально на ушах», чтобы всё прошло «без сучка, без задоринки». Но врачи не Боги, и её мальчик родился недоношенным, семимесячным, до двух килограммов весом. Его лёгкие не раскрылись, сердце остановилось – такие обычно не выживают. Отец впал в истерику: как же так? Долгожданная выхоленная, выхоженная беременность, диеты, врачи, процедуры, а ребёнок мёртв? А рядом с ними пара, сами ещё дети, и у них двойня: мальчик и девочка – здоровенькие, доношенные. Девочка родилась первой – три килограмма, а мальчик – два девятьсот. До сих пор их помню... – она умолкает на мгновение, чтобы прикоснуться пальцами к глазам. - И я знаю, о чём они договорились, уверена, что тот заводовладелец врачу деньги предлагал. Большие.

Старушка на видео медленно трёт трясущимися руками увлажнившиеся глаза, а я сижу, как мумия - ни вдохнуть, ни выдохнуть.

- Всю жизнь этот грех камнем в душе ношу, Слава Богу, теперь хоть освобожусь.

Поменяли детей, - продолжает высоким от слёз голосом бывшая медсестра, - сказали молодым, что один - мальчик который - умер, но вы, мол, не горюйте, вы и одного-то не вытянете, где уж двоих... - всхлипывает. – Они поплакали оба, а что делать? Ребёнка ангелы забрали! Только те ангелы, что забирали, просчитались – ночью неонатолог наш, руки золотые, сердце добрейшее, как сейчас помню, смена его закончилась, ему бы домой к жене молодой идти, а он всё над мальчишкой тем хлопотал – выходил! Является утром ко мне в отделение и говорит: «Я ему лёгкие раздул!». Не в первый раз он младенца с того света возвращал, святой человек. Его руками Бог не раз передумывал, оставлял ангелочков на земле. И вот вопрос: что делать? Богатенькие-то дома уже со здоровеньким сыночком рождение празднуют! В больнице им не с руки было оставаться! А утром в госпиталь вернулся врач и с лица побелел, когда узнал, что неонатолог недоношенного выходил. Но смолчал, а смена по документам приняла выхоженного за сына молодой пары. Так и отдали им его через месяц, как подросток и окреп. Они Адамом его назвали, а девочку Евой. Отблагодарить Бога захотели за чудо. За жизнь возвращённую. Я их всегда помнила. Всегда! Так любили друг друга, так любили! Только больно уж молоды были... Но в мой век все так женились! Чуть двадцать стукнет – и под венец, не то, что сейчас – после сорока рожают, вон больных-то теперь детей сколько! Ни ходить, ни говорить не могут! Бедные божьи создания, мучаются только...

Сложно описать то, что я сейчас чувствую. Это не шок, не злость, не ураганный шквал негодования. И даже сожаления ещё не успели накрыть своей удушающей волной. Несмотря на предчувствие надвигающегося открытия, мне не сразу удаётся осознать его во всей полноте и объёме.

Мой мир давно изменился, сузившись до фокуса на одном единственном человеке. И в это мгновение, в первые секунды после объявления душераздирающей правды, меня волнует только одно: как он? Что думает? Как ко всему отнесся?

Winter Aid - The Wisp Sings

Дамиен протягивает руку, чтобы остановить запись, и я не могу сдержаться, чтобы не спросить:

- Ты их видел?

Но он слишком долго медлит с ответом, и Элайя отвечает за него:

- Отец и, как мы теперь выяснили, виновник и зачинщик всей этой истории, не дожил до этого интересного момента, а жаль - он был любителем пощекотать себе нервы. Всю жизнь мать берёт, - усмехается, - переживал за её сердце, а в итоге умер первым – разбился на парашуте.

- А мать?

- Мы виделись, - Дамиен коротко кивает головой, но улыбка его неестественна, и я слишком хорошо его знаю, чтобы ей верить. Он сейчас переживает эмоциональный всплеск куда как мощнее моего, я вижу это в напряжении его рук, ног, молчаливости, нахмуренных бровях, и тонких губах, тех самых, которые всегда были настолько вызывающе полными, что каждая девчонка мечтала их поцеловать.

- Ты всё-таки нашёл её... - улыбаюсь.

На этот раз он просто кивает, понимаю – не может говорить.

- У мамы уже был инфаркт и риск следующего очень высок. Мы решили пока не говорить ей, но обязательно это сделаем. А пока хотим, чтобы она привыкла к Даму, узнала его. Возможно, это поможет сгладить шок.

- Да, это правильно. Такие новости не должны быть смертоносными, - соглашаюсь, глядя в глаза своему настоящему родному брату. И они карие, как мои, и нос такой же точно формы и брови, только на мужской манер, и волосы такого же оттенка. Ведь мы с ним – близнецы.

Он тоже внимательно меня разглядывает, исследует, изучает, загадочно улыбаясь. Здорово вот так, наверное, внезапно обнаружить, что у тебя есть не просто родственник, а родная сестра-близнец, с которой ты провёл целых девять месяцев бок о бок в утробе матери. Надо же, думаю, мы пили и ели с ним одно и то же, под один стук сердца засыпали и просыпались, и вот впервые встретились.

- Забавно за ними наблюдать, - вдруг снова начинает Элайя, а в глазах черти, - мать словно чувствует что-то, но сама понять не может, что именно. Каждый день спрашивает меня, когда опять приведу нового друга, - бросает короткий взгляд на Дамиена, но тут же возвращается ко мне.

- Постой, - вдруг вспоминаю о важном, - а как ты всё это выяснил? – смотрю на своего не брата, не мужа, но самого главного в моей жизни человека.

Дамиен на пару мгновений прикрывает глаза, сжав при этом ещё сильнее губы, но быстро собирается для полного адекватного ответа:

- Меня попросили сдать кровь. Определили группу и случайно обратили внимание на то, что у меня четвёртая, а у тебя – первая. У одних и тех же родителей не могут родиться дети с первой и четвёртой группой. У наших, как выяснилось, обоих была третья. У 75% их возможных детей могла бы быть третья, и только у 25% первая, как у тебя. Но никогда не четвёртая. Анализ моей крови выявил, что мы с тобой не можем быть братом и сестрой.

Дамиен как будто не может дышать:

- Поверить в это сложно, мои мозги едва не съехали от этой новости, - он качает головой, усмехается, затем нервно проводит ладонями по лицу, словно пытается снять напряжение. – В общем, я сделал ДНК тест с нашими образцами – мы не родственники, Ева.

Выдыхаю. Мы смотрим друг на друга, и в этом взгляде трагедия, понять которую способны только мы двое. Ну, может быть, родители поняли бы её хоть частично, будь они живы, но их нет, есть только мы со своей «необычной, извращённой» любовью, которая, как теперь выясняется, никогда не была ни тем и ни другим. И дочь наша была совершенно здоровой, анализы и обследования, пройденные УЗИ не лгали.

Моя реакция замедлена как, наверное, и сама способность мыслить. Я смотрю на бесконечно любимое лицо и будто впервые открываю для себя каждую его черту, точку, штрих, игру света на коже и в волосах. Ощущение, словно мы оба на сцене, и тяжёлый занавес, скрывавший доселе важные детали и подробности, пал, позволив увидеть картину целиком, во всём великолепии и буйстве красок.

Господи, Боже, как же отчаянно я люблю его... Фатально, трагично, отдав каждую свою клетку, вручив ему всякий свой атом. Меня давно уже нет, есть только Ева, целиком зависимая от Дамиена.

Что это? Удушье и слёзы? Сердечный приступ? Инфаркт? Да нет же! Я живее всех живых, хочу и буду жить, и самое первое, что мне нужно сказать ему:

- Я не хочу! Ничего этого не хочу!

- Ева... - не могу поверить, но, кажется, он понимает меня. Я вижу это в мягкости его взгляда, в его нежности, целиком адресованной мне.

- Будь моим братом-близнецом! Остайся им! Ты мне нужен! Дамиен... - рыдаю.

Спустя мгновение моё лицо уже спрятано на его груди, Дамиен обнимает меня, но так горько и такими горячими слезами я ещё не плакала. Но это, конечно, только кажется: много чего забылось, и хорошо, что память услужливо избавляет от боли, позволяя проживать полноценно такие трепетные моменты, как этот.

- Ну что ты! – его голос хрупок, и в этой хрупкости вся его уязвимость. - Я навсегда с тобой! Ты же знаешь! Мы вместе и это неизменно, - улыбается. - Самая стабильная и непреложная истина в истории мироздания!

Дамиен случайно задевает клавиатуру своего ноутбука, и я успеваю услышать ещё кусок записи:

- Я Адам, - его голос, - эту запись мы делаем для Евы. Она сейчас в больнице, сражается с раком, но обязательно одержит победу. Я в это верю и она тоже.

- Я Элайя, тот мальчик, которого вы отдали в семью судовладельцев - заводов у моих родителей никогда не было, они владели товарными судами, - голос, полный иронии, и с этого дня и он тоже мне знаком.

Руки старухи зажимают рот:

- Это не я, не я тебя им отдала!

- Не беспокойтесь, - снова Дамиен, - это видео не для разбирательств и не для полиции, оно для Евы и только.

- Разбираться уже не с кем, все основные действующие лица уже ушли со сцены: и потенциальные истцы, и вероятный ответчик, - опять усмешка.

Дамиен выключает компьютер, возвращается на мою постель и, не глядя, находит мою руку, сжимает её своей тёплой, сплетает наши пальцы так, что, кажется, их уже не расплести. Он смотрит в одну точку на стене, продолжая крепко держать меня.

- Ребята, я выйду на время, вы хотите побыть наедине? – предлагает неожиданно серьёзный Элайя. Оказывается, он всё-таки может им быть.

- Да, пожалуйста, - тихо соглашается Дамиен.

Как только дверь за Элайя закрывается, рука, сжимающая до этого мою, напрягается ещё сильнее. Дамиен, как и прежде, не смотрит на меня, но я вижу его профиль, и на лице его вулканический взрыв: сожмуренные глаза, сведённые брови и губы, эти несчастные губы, которые так усердно сегодня сжимают, что в них не осталось ни цвета, ни полноты. Дыхание, частое и шумное, выдаёт то, как мужчина, приученный сдерживать эмоции, борется сейчас с ними, призвав при этом все свои силы и ухищрения.

Я жду, пока он справится. Жду, пока найдёт в себе силы посмотреть мне в глаза. И вот, наконец, это происходит: он поворачивается. Его взгляд бездна, и ему не нужно слов, чтобы сказать мне то, что хотел бы. Да и нет таких слов, которые могли бы выразить смятение его чувств, все те вихри и волны, что переполняют его любящее сердце.

Нам не нужны слова – мы всегда умели говорить взглядами. И этот диалог двух людей, одурченных жизнью, поломавших один другого, но при этом понявших, осознавших никчёмность жизни друг без друга – самая главная беседа в нашей жизни.

Между точкой в родительском доме, где я рыдаю в подушку и думаю о том, насколько больно будет резать вены, потому что не хочу жить, разбитой Дамиеном дверью, за которой он скрылся на годы купаться в своей боли в одиночку, и этой больничной палатой пролегает гигантская впадина, до краёв наполненная страхами, болями, терзаниями, обидами, отчаянием и безысходностью. А ведь мы могли бы прожить все эти дни в объятиях друг друга. В моей жизни не было бы тошнотворного конъюнктурщика мужа-китайца, изредка

занимающегося сексом со мной по ночам, а после пишущего электронные письма своей невесте, ждущей удачного окончания его эмиграционной эпопеи. В жизни Дамиена не случилось бы Мелании, не было бы Дариуса, но были бы пятеро других мальчиков и девочек, по венам которых бежала бы наша с Дамиеном, такая, оказывается, безопасная для детей кровь. Не было бы аварий, наездов и прочих катастроф в нашей жизни: я была бы здоровой, красивой, полноценной, и сейчас мы, наверное, спорили бы с моим ненасытным мужем по поводу шестого ребёнка, на которого я, конечно же, всё равно бы согласилась.

Всё было бы именно так, а не иначе, не так ли?

Я смотрю на красивое лицо человека, который никогда не был моим братом, но всегда – любимым мужчиной:

- Ты около месяца уже знаешь об этом, ведь так?

- Да, - кивает. - С тех пор, как выяснил твою группу крови.

- Я почувствовала.

Мы некоторое время молчим, я прислушиваюсь к ощущениям: Дамиен держит мою руку в своей и большим пальцем скорее машинально, нежели осознанно поглаживает тыльную сторону моей ладони.

- О чём ты думаешь? – внезапно спрашивает.

- О сексе.

- Сейчас? О сексе?

- Судя по последним эпизодам и, особенно, учитывая, где они происходили и при каких обстоятельствах, ты, видимо, действительно очень ограничивал себя прежде.

- Боже, Ева... - Дамиен почти истерично смеётся, наклонив голову и закрыв глаза рукой. - Только ты способна думать о подобных вещах в такие моменты!

Его смех похож на выброс энергии – с чувством и от души. Он как гигантский молодой вулкан, который слишком долго сдерживался, и вот, наконец, его прорвало, и полилась раскалённая лава.

Пусть смеётся, пусть ему станет легче. И мне когда-нибудь станет легче. Наверное.

- Ева... - выдавливает сквозь смех, затем, успокоившись, косит в мою сторону своими бунтарскими глазами, - знаешь, а ты права! О чём ещё говорить, если не об этом. Особенно, – делает паузу, подняв палец кверху, - сейчас! Когда выйдем отсюда, я тебе покажу, в чём именно я себе отказывал!

И взгляд хитрющий. Сейчас, в лучах яркого солнечного света, редкий случай, когда можно видеть настоящий цвет его глаз – зелёный. И эта зелень обещает очень многое. Настолько, что где-то в недрах меня, в самой что ни на есть глубине, поднимается волна. Да что там! Это больше похоже на цунами. И мне не до смеха и не до шуток – я хочу его. Причём, как уже заведено, прямо здесь. И желательно прямо сейчас.

Дамиен мгновенно улавливает мой настрой:

- Дома! Дома я буду делать с тобой ужасные, грязные вещи. И ты будешь умолять меня остановиться... можешь, кстати, подумать над своим safe word, - в этот момент его глаза так натурально сощуриваются, будто он собирается съесть фунт своего любимого мороженого с арахисовым шоколадом.

- Что, - говорю, - у проституток своих научился?

Он мгновенно трезвеет, игривость и страстность сменяются раздражением:

- Ева! – почти кричит.

- На меня нельзя повышать голос: я тут больная лежу. И мы в госпитале, между прочим.

Скажи-ка лучше, а с НЕЙ ты был как со мной – ванильным или как с проститутками – диким?

Скорее всего, я дура, раз задаю такие вопросы. Но я в последнее время совершенно разучилась сдерживаться. Когда ты болен, а рядом есть близкий, во всём потакающий и сдувающий всякую пылинку с тебя человек, да ещё если он и любит настолько слепо, как Дамиен, ты становишься разбалованной и начинаешь дерзить.

Но с Дамиеном такие номера не проходят:

- Ева, - и это «Ева» произнесено как судебное постановление, – ты сейчас закрываешь эту тему и больше никогда её не поднимаешь!

Он резкий и жёсткий. Безапелляционный. Но я всё-таки в тысячу раз слабее его, причём во всех смыслах, поэтому он быстро смягчается:

- Я же не думаю о твоём придурочном «Хуане» с маленьким членом! Вот и ты не думай о том, о чём глупо думать.

И ещё через секунду, снова поменявшись в лице, искренне и заглядывая в самую глубь меня, с чувством признаётся:

- Ева, я чуть не сдох, когда отец сказал о твоей свадьбе!

Максимально приближает своё лицо к моему, но сохраняет дистанцию, чтобы иметь возможность чётко видеть глаза:

- Знаешь, как тяжело осознавать, что детство в прошлом, и Ева выходит замуж не понарошку, а по-взрослому? С печатями и спальней? Я даже не знаю, что было большее: первое или второе! В ту ночь я впервые попробовал героин, Ева.

- Помогло?

- Нет.

Возвращается в своё прежнее положение и отводит глаза.

- Ты хотел быть первым и последним, - вспоминаю вслух и чувствую, как слёзы ползут по моим щекам.

- И был бы, не случись того, что случилось, - отвечает, не поворачивая головы.

Да. А ещё у нас был бы большой дом у реки и чёрная плитка в ванной. И пятеро детей. И две собаки. И кот с колокольчиком на шее. Большой бассейн в виде восьмёрки и теплица, чтобы выращивать для детей безопасные овощи и ягоды.

Всё это было в его планах, чего в них не было, так это десяти лет имитации жизни, хитрого китайца и бесплодной Мел. Проституток и актрис-любовниц в тех планах тоже не было. А моя тайная трагическая беременность, несчастный случай и операция даже не могли прийти ему в голову.

Дамиен смотрит в окно, поэтому мне не видно его лица. Он всегда вот так прячется, когда не хочет показывать свои эмоции. Но я слишком давно и хорошо его знаю, чтобы понимать: ему больно. Он почти никогда не плачет внешне - за всю жизнь я видела его слёзы лишь дважды, но мне всегда известно, когда это происходит у него внутри.

Его рука всё ещё сжимает мою, невзирая на мой бестолковый выпад, и большой палец так же поглаживает мою ладонь.

Да, я до сих пор ревную его к тому, что уже осталось в прошлом.

И мне срочно нужно научиться жить сегодня, радоваться тому, что есть сейчас.

Глава 47. Последняя тайна

Дамиен

Иногда я спрашиваю себя: откуда в женщинах, в этих мягких и нежных созданиях, столько стервозности?

Мел выглядит так, будто только что вышла из салона красоты. Я видел её не лучшие времена и знаю, что под стильной одеждой, дорогой косметикой и атрибутами гламура, скрывается обычный человек. Слабая, иногда бледная, уставшая, изношенная несправедливостью жизни женщина. Обычная, такая же, как все остальные. У неё бывают срывы, моменты отчаяния и проблемы с желудком.

Но сейчас она – королева.

Вопрос: зачем? Чтобы Ева острее почувствовала свою болезнь и её неприглядность? Чтобы сделать больнее?

Машинально целую худую холодную Евину руку, жду её взгляда, чтобы сказать своим, что для меня она – самая красивая и самая совершенная женщина, но его нет, он весь поглощён вызывающим дефиле.

- Какого чёрта ты здесь делаешь? – спрашиваю у бывшей жены, которую до зуда хочется обозвать стервой и за волосы выволочь вон.

- Ева... - Мел смотрит на мою девочку не тем взглядом, какого я ожидал. – Твой муж, - и слово «муж» произнесено подчёркнуто громко и как будто даже с уважением, - не так давно обвинил меня в убийстве. Я пришла тебе сказать, что готова ответить за все свои поступки, но не за то, чего не совершала. Не хочу знать, что ты отдаёшь Богу душу, уверенная в том, что я убила твоего ребёнка!

- Мел! – ору, но меня никто не слышит.

- Это не так! Я этого не делала! – чеканит моя бывшая жена.

- Хорошо... - тихо соглашается Ева. – Я не хочу это обсуждать. Пожалуйста, уйди.

- Каждый человек должен обрести свой покой, а он – в знании. Поэтому я здесь. Между нами были недоразумения, но они далеко в прошлом, и я хочу, чтобы ты знала, что я не держу на тебя зла, - впервые за всё время Мел бросает на меня короткий взгляд, - и прошу простить мне мои выходки. Твоей вины нет в том, что он выбрал не меня, и я давно живу своей жизнью. Через полгода у меня свадьба и я, кстати, обоих приглашаю, - нахально улыбается. – И ты, Ева, потрудись привести себя к сентябрю в порядок!

- Мел! – снова ору.

- А ты молчи! – тычет в меня своим красным ногтем. - Она поняла, что я хотела сказать.

А теперь у меня есть вопросы к тебе, Дамиен.

Подходит к окну, развернувшись к нам спиной, и словно задумчиво спрашивает:

- Дам, ты помнишь историю Роузи?

- Смутно, - честно признаюсь.

- А я вот хорошо помню. Мы ведь с тобой были подозреваемыми номер один в их списке, пока Крис не подтвердил наше алиби.

- Да. Так и было, - припоминаю.

- В ту ночь, когда её убили, мы с тобой были одни, Криса не было дома, но он заявил

полиции, что был, чтобы помочь нам с алиби. А мы заодно автоматически подтверждали его. Только его никто ни в чём не подозревал.

Мел вздыхает:

- Ты всегда был слеп, Дам: Крис говорил мне, что ему нравилась Роузи, а Роузи нравился ты. И только ты...

Холод ползёт по моей спине:

- Дальше!

- Мой знакомый работает в полиции, в отделе расследований. Он помог выяснить кое-что. Во-первых, я вспомнила день, когда это произошло. Это был самый первый приезд моей матери, как ты помнишь. Ужин в нашем доме у реки. Во-вторых, у нас не оказалось спиртного, что было странным, но, тем не менее, Крис вызвался съездить в ближайший магазин.

Ничего из этого я не держал в голове, но когда Мел рассказывает, воспоминания появляются одно за другим.

- Он взял мою машину, - голос Мел спокоен, но я хорошо её изучил за всё время нашего брака, чтобы знать: у неё в душе буря.

- Хочешь сказать, это Крис?

В палате тишина, глаза Евы расширены. Мне неизвестны её мысли, но я чувствую её страх.

- Я не следователь. Я просто человек, сопоставляющий факты, и некоторые из них тебе известны, но не все.

- Какие неизвестны?

Мелания разворачивается к окну, чтобы я не мог видеть мимики, эмоций на её лице.

- Однажды, незадолго до исчезновения Роузи, я получила видео. На нём был записан ваш с ней секс.

Кровь приливает к моему лицу.

- Почему ты не сказала?

- Потому что не хотела. Мне было... сложно, но я пережила. Закрывает глаза. Я считала тебя ублюдком, но любила и поэтому молчала.

- Я не спал с ней после...

- Знаю, - обрывает.

Ева вскидывается:

- Избавьте меня от этого дерьма! Ударились в воспоминания? Валите в коридор!

- Ева, прости! – обхватываю её руками.

Конечно, я не уйду, конечно, никогда больше не оставлю её, ни на короткий срок, ни на длительный.

- Ева, - Мел разворачивается к нам лицом, и я его не узнаю – так много боли на нём ещё не видел. - Просто послушай, это важно.

Она снова отворачивается, смотрит недолго вниз, будто собирается с мыслями, с духом.

- Однажды, когда ты уже встречался с Евой, у меня сломался телефон, и я одолжила у Криса его, не спрашивая позволения. Вашу фотку заметила случайно, вы на ней целовались, и это меня поразило: с какой стати ей было храниться в сотовом моего брата? Я открыла альбом, и их там оказались сотни, Дам. Сотни! И среди прочего - видео с сексом, но не с Евой, это были те самые ролики с Роузи. Их было много, я получила только один и самый откровенный. Все они были сняты задолго до того, как мы стали встречаться. Я поняла, что

ты не обманывал меня, и ещё кое-что, нечто важное.

- Что?

Мел разворачивается и смотрит в глаза:

- Крису никогда не нравилась Роузи. Ему никогда не нужна была Ева, Дам. Ему нравился ты!

И это «ты» пробивает во мне дыру.

- Он всегда восхищался тобой, мечтал дружить, но ты его не замечал. Его желание стать к тебе ближе было похоже иногда на одержимость. И он действительно добился своего, но только с того момента, как мы стали жить вместе.

Это правда. Кристиан бывал в нашем доме даже чаще, чем я, но мне по большому счёту было на это наплевать. Мел права – я никогда его не замечал.

- Вы двое что-то сделали. Вы спровоцировали его.

Мы с Евой молчим.

- Твой ребёнок был от него? – на этот раз она обращается к Еве, тыча в меня пальцем.

Ева кивает, и я вижу, что сейчас из её глаз польётся всё, что осталось невыплаканным. Мел вздыхает и снова отворачивается к окну:

- Вот тебе и ответ, Дамиен. Угроза. Ваш ребёнок был угрозой нашему браку, и Кристиан мог принять это на свой счёт.

Мой мозг не в состоянии адекватно обработать услышанное. Информация не вмещается в оперативную память, а на жёсткий диск записывать нельзя.

- И ещё кое-что: после развода я, прежде чем продать дом, решила сделать ремонт. Строители нашли камеры в нашей спальне - три штуки, Дамиен. Три!

Я давлю пальцами на свои глаза: Боже, дай мне сил.

- Ева... - шепчу, - ты получала их?

- Да.

Твою ж мать... Как жить в этом мире дальше? Как?

Однако это ещё не конец! Мелания - моя первая жена, женщина, однажды ставшая частью моей жизни, добивает меня, метнув ядовитое копьё прямо в сердце:

- Но и я должна признаться кое в чём, - Мел с шумом выдыхает. - Где-то в это же самое время, может быть, месяцем или парой раньше, Ева звонила тебе. ТОГДА.

И Мелания произносит это «тогда» с особенной интонацией, вкладывая в него смысл, от осознания которого мне не больно, нет... меня с непреодолимой силой давит, сжимает в «ничто» она - ВИНА.

- И я взяла трубку, - заканчивает.

Господи, как же больно! Больно-больно-больно...

Бог! Дай сил выдержать, не сломаться!

Мой взгляд, само собой, не отрывается от Евы, а она тоже смотрит на меня, и я вижу, как усталое безразличие рассеивается в её глазах, уступая место влаге. Я не знаю, кому из нас хуже в это мгновение - ей, хранящей в памяти трагедию, раздавившую её психику, или мне, осознающему всю масштабность собственной ВИНЫ. Она давит меня, крушит, ломает, уничтожает достоинство, честь, гордость и просто мужчину:

Она звонила мне! Звонила! Всё-таки звонила!

В тот день, когда я узнал о дочери, с языка рвался банальный вопрос: «Почему не сказала? У меня ведь было право знать!». Но я изо всех сил прикусил его зубами, да так, что до крови пробил: уже нет ни смысла в этом вопросе, ни морального права его задавать.

Вопрос - претензия, напоминание о правах. Каких, к чёрту, правах?! Я ведь давал обещание, что всегда приму её звонок, сам отвечу: «Ты услышишь мой голос» - так ведь, кажется, сказал?

Глаза в глаза. Матерь Божья, что я за человек?

- Ты звонила? – мой голос трескается, как тонкий лёд.

- Да.

- Что хотела сказать? - тихонько вымаливаю.

Но Ева милосердна: резко поворачивает голову и взглядом, будто ядром, ударяет мою бывшую жену:

- Хватит рвать ему душу!

Откуда только силы взялись, столько экспрессии, ненависти и злости!

- Остановись! Это всё в прошлом! У тебя НЕТ права! – почти кричит.

- А речь не о правах: ПУСТЬ ОН ЗНАЕТ! – Мел повышает голос в ответ.

Мел смотрит на меня с ещё большей ненавистью, нежели Ева на неё:

- Она звонила, хотела поговорить с тобой, предупредила, что это важно и касается тебя, но я знала, о чем пойдёт речь. Не спрашивай, откуда! Почувствовала! Да! Я знала, что между вами было. Что ты так уставился? Конечно, знала: какая женщина не почувствует, если муж к ней не прикасается, всё ищет повод свалить на ночь, погонять на автобане?! Я догадалась... и припугнула её, что мы уедем. И она поверила.

- Не поверила, - тихонько отзывается Ева.

-Тогда почему?

- Тебе не понять.

- Ошибаешься. Ранить ты его не хотела, счастьем его мешать... так любила, что собой жертвовала. Только знай: я - не меньше!

- А я знаю...

В моей грудной клетке что-то происходит: чувство, будто гранитным валуном придавили - так тесно, что ни сердцу трепыхнуться, ни лёгким расправиться. Удар-удар-удар и опять длинная пауза, тошнота. Я не знаю, что это, но виду не подаю. Пройдёт, главное - вдохнуть хотя бы раз.

Смотрю в её глаза, она в мои, и в этом диалоге смысла больше, чем во всех сказанных в этой жизни друг другу словах. А в следующей, возможно, Всевышний будет к нам добрее.

Чувство, которое я испытываю, глядя в огромные в эту секунду глаза любимой женщины, самого важного для меня человека на Земле, оно удушающее. Смотрю и не отрываю глаз: моя голова на плахе, но мой палач не станет рубить. А я бы хотел, так отчаянно хотел бы, чтобы она это сделала – прикончила меня, потому что как же мне быть дальше? Жить в теле мужика и не быть им?

Ева отворачивается и смотрит в окно – пощадила, а в моих глазах расплывается вся эта рвущая душу сцена. Смысл блюсти мужское достоинство в мелочах? Если облажался в главном?

- И... Ева, прости меня ещё за свадебное фото ... это... было жестоко.

Пока я пытаюсь переждать боль в груди и эти странные трепыхания в сердце, Мелания не перестаёт фонтанировать откровенностью:

- Неприятно сознавать себя плохим человеком, но после того, как Дамиен бросил в лицо свои обвинения, со мной случилось именно это – осознание поступков. И я хочу, чтобы ты понимала, откуда яд... На той фотографии с нашей свадьбы красные лепестки – это

фотошоп, сообщаю на случай, если ты так и не поняла, что он никогда бы не допустил под нашими ногами...

Красные лепестки под нашими ногами на фото? Это ещё что за дерьмо? Господи... Мне кажется, сжать Еву крепче уже невозможно, но у меня каким-то чудом это снова получается, а пред глазами плывёт:

- Мел, замолчи! – пытаюсь её образумить, но это уже практически невозможно.

- Он никогда не любил меня, - выдаёт громким уверенным тоном, буровя Еву взглядом. – И я даже не знаю, что хуже: быть его нелюбимой женой или любимой, но не женой, - горько усмехается, после чего её лицо резко делается серьёзным. – Дамиен очень убедительно играл роль заботливого мужа, но верили этому фарсу только таблоиды и глупцы, я же всегда видела фальшь: поддельные улыбки, редкие безразличные взгляды, объятия, лишённые теплоты, скупые жесты, которые должны были быть по его разумению ласками. И даже вялый бесчувственный секс, - я прикрываю глаза рукой, осознавая масштабы руин, ставших следствием моих ошибочных решений, - в котором я никогда не была уверена в своей роли то ли жены, то ли резиновой Долли, как ты однажды меня назвала. И подозреваю, в постели, нас не всегда было двое...

На этот раз мне хватает смелости взглянуть бывшей супруге в глаза, ведь она безбожно права, а Мел продолжает свою болезненную исповедь, и теперь у меня даже нет права её останавливать:

- Да, в сексе было хуже всего: ко мне намертво приклеилось угрюмое и жестокое «недолюбленная». И ребёнок не появлялся не потому, что я настолько безнадежно бесплодна, Дамиен, а потому что ты не хотел детей. От меня не хотел, как я теперь понимаю. Редкие встречи супругов, Дамиен, не повышают шансов забеременеть...

На секунду задумывается, затем добавляет:

- Но вам хватило и одного раза.

Точка, поставленная в конце этой истины, настолько эмоциональна, что, кажется, даже воздух звенит в ставшей душной от откровений комнате.

- Как я уже говорила, мне было очевидно, что в ту ночь после похорон ты был с ней – только полная идиотка не догадалась бы. И знаешь, Дам, - нанизывает меня на свой взгляд, - я была уверена, что ты уже не вернёшься. Но ты вернулся...

Боль в моей груди становится нестерпимой настолько, что я не могу разжать рта, а мою бывшую не остановить:

- Он не прикасался ко мне с того дня и до самого рождения Дариуса, прикрылся уязвимостью беременности... хотя врач заверял нас обоих в обратном. Но один ребёнок всё равно погиб, невзирая даже на ТАКИЕ жертвы, - добавляет с горечью, а я пытаюсь дышать глубже. - Но и этого срока ему не хватило! Дариус родился, рос, а мы всё так и жили, как брат и сестра, верно, Дам? Целомудренно! – её лицо вытягивается. – Я уже и не верила, что он вернётся, но каким-то чудом оклемался – девять месяцев спустя, словно сам ребёнка родил! Что? Даже не заметил?

Да, она права, я не заметил. Я вообще много чего не замечал, когда засунул руку себе в грудь и вырвал собственное сердце, назвав нашу ночь с Евой ошибкой. Её глаза, боль в них, опустошение, выжженная земля – такой я запомнил её. Но горше всего был её приросший к дивану силуэт, который я, не удержавшись, обернулся и выхватил напоследок, выходя из кафе. Её не сгорбленная, но сломленная тонкая фигура будет ещё долго стоять перед моими глазами всякий раз, как я их закрою, она измучает меня в снах, изматывает

совестью, заставит написать ей с десятков писем, но я, убеждённый в правильности и неоспоримости принятого решения, ни одно из них ей не отправлю. Дамиен Блэйд вознамерился одним ударом разрубить связывавший нас все эти годы канат, и пока рубил, не заметил, как покалечил и Еву, и Мел зацепил. Это была моя агония, она длилась девять месяцев, и они, пожалуй, были даже мучительнее тех тёмных времён, когда мы только узнали о своём родстве, потому что теперь нас не разрывали обстоятельства, я делал это сам, и превзошёл сам себя в безжалостности.

- Но ты, Дамиен, продолжал бы и дальше делать вид, что всё прекрасно, и жить со мной, радуя публику и нашу спальню своими редкими визитами, если бы Ева не попала тогда в тюрьму...

И снова моя бывшая жена права: едва только мне удалось очнуться, заглушив совесть и здравый смысл, я повез жену в тёплые края, чтобы, так сказать, закрепить результат – фактически это был наш второй медовый месяц. И я даже был доволен, понятия не имея о том, что в это самое время происходило дома. Если бы только я остался в Ванкувере и никуда не поехал, если бы сердце перекричало разум и всё-таки заставило позвонить мнимой сестре, справиться, как она там...

- Знаете, может быть, это Крис виноват в смерти вашего ребёнка, а может быть и нет - пьяный подслеповатый китаец совершил случайный наезд, уже не узнать, да это и не важно, потому что вы ребёнка не заслужили. Оба! Если так сильны были ваши чувства, нужно было бороться за них, а что делали вы? Топтали!

Звонкая правда, закладывающая своим резонансом уши.

- По крайней мере, ты, Дамиен, давил и топтал, таская меня по местам вашей истории. Ты хоть можешь себе представить, как это больно? Или ты нас обоих считаешь дурами? Она ведь наверняка рассматривала эти тупые снимки в сети...

Боже, я чудовище. Слепое, жестокое, бесчувственное. И в эту секунду трагедия, единственной причиной которой являюсь я и только я, готова раздавить меня своим многотонным прессом. Но ужасно то, что Мел мне не жаль, моя душа воет, оплакивая Евино истерзанное сердце. Я не понимаю сам, что делаю - долго, как истукан, разглядывая её ухо, целуя его.

Мел

Душераздирающая картина. Наверное, это – именно то, зачем я сегодня пришла. Не исповедоваться, не обнажить перед ней свою душу и даже не расставить точки над *i*, а увидеть собственными глазами ЭТО. До боли простую картину, незначительный жест, решительно и неумолимо сокрушающий мою выдержку – я плачу... нет! Я рыдаю. Душой. Последние сомнения и надежды мрут в агонии от этого зрелища: мужчина, пять лет называвшийся моим мужем, смотрит обезумевшими глазами на женское ухо, наполовину спрятанное под пёстрым шёлковым тюрбаном, и когда целует его, мягко прижимаясь губами, прикрывает глаза даже не от удовольствия, а от эйфории обладания женщиной в его руках, я вижу её – его НЕЖНОСТЬ.

Всепоглощающую нежность чувства, которое мне не дано было с ним познать. Так вот она какая, его любовь. И в эту секунду я решаю, что найду свою «нежность» во что бы то ни стало. Я найду её, а ОН – никогда мне не принадлежал и никогда меня не заслуживал. Он не был мне предназначен, любя её вот такую... болезненную, бледную, сломленную, с потухшим взглядом, съедаемую раком и помешательством, он её ЛЮБИТ! И теперь,

кажется, даже больше, чем тогда в юности.

И не только он: перед глазами лицо моего четырёхлетнего Дариуса и его вчерашнее заявление о том, что Ева любит его больше, чем я. Хуже того, подозреваю, что и он привязался к ней. И сейчас, глядя на рвущий мне душу поцелуй в ухо (как тривиально, да?), меня не покидает странное и страшное ощущение, будто я не вымучила своего сына в бесконечных подсадках и гормональных инъекциях, а украла его... у НИХ.

Дамиен

Мел вылетает из комнаты, зажимая рот рукой.

Мои руки держат моё сломленное создание стальной хваткой. Никто не вырвет у меня её болезненное ослабленное тело, но как удержать душу?

Ева не Мел. Она не сможет забыть, не думать, не сумеет не чувствовать. Я знаю весь тот ужас, который могли сделать с ней те записи, лепестки на свадебном фото, снимки в сети. Внезапно вижу мир её глазами, реальность, из которой она убежала: мой дорогой дом, славу, успех, не сходящую со страниц журналов жену, наши постановочные снимки и снятые папарацци, рождение ребёнка, гламур, шик, постановочный секс... Ева в тот момент была в эпицентре своего одиночества и боли. Меня не было рядом, я наслаждался жизнью, одержав триумфальную победу в войне со своим сердцем. И знать не знал, что в день, когда тёща нахваливала мой дом и меня самого, томно подмигивая мутными глазами, моего ребёнка убили. И чужой человек, случайный прохожий, дал моей Еве шанс пожить ещё. Только он не знал, что жить она уже не может.

- Прости меня! Пожалуйста, прости! – прошу её.

Я не знаю сам, за что конкретно прошу прощения, но ясно одно – центральная фигура во всей трагедии – Дамиен Блэйд. Не стоит теперь удивляться, что Ева так много болеет. Не стоит. Она пережила то, чего я не смог бы.

Наконец, понимаю: вот она, самая большая трещина в её душе - у меня есть ребёнок, а у неё - нет. Детали встают на свои места в моём грандиозном трёхмерном ребусе: я вижу детскую и Дариуса в Евиных руках, и то, как она теперь его любит, лишь подтверждает факт, который я всегда знал – её расползающийся от боли рассудок искал способы зацепиться, найти на жизненном склоне выступ и опереться на него. Ева в первую очередь женщина, она жаждала взять в руки своё нерождённое дитя и пришла в мой дом, чтобы увидеть и поддержать моего. Она неосознанно хотела быть матерью моему сыну... Сыну, рождённому для меня её соперницей.

Я мужчина и не имею права показывать слабость, но скрыть боль уже невозможно. С трудом отлепляю руку от Евиной спины, тщательно тру ею своё лицо. Набираю в грудь воздуха, насильно улыбаюсь, заглядывая в её заплаканные глаза, и говорю то, что должен, обязан сказать:

- Ева, у нас будут с тобой свои дети. И даже не один, если только ты захочешь.

- Я не из тех, кто пригоден на роль усыновителя, - морщится.

- А я не это тебе предлагаю.

- Что же?

- Ева, нам повезло - мы живём в век техник и технологий. У нас есть твои клетки, мы можем добыть мои, - подмигиваю, - а дальше - дело специалистов. И суррогатной матери.

Теперь я серьёзен, потому что говорю не просто о важных вещах, а о своих планах.

- Осталось главное - твоё выздоровление. Соберись, сделай это как можно быстрее, и

уже скоро возьмёшь на руки своего ребёнка. Своего настоящего родного ребёнка.

Ева смотрит на меня внезапно увлажнившимися глазами:

- И ты готов пройти через всё это ради того, чтобы у меня был ребёнок?

- У нас, Ева. У НАС! Я хочу детей от любимой не меньше, чем ты. И всегда хотел, ты об этом знаешь.

Ева рыдает. Всклипывает в свои раскрытые ладони, и моё сердце сжимается, глядя на это. Я знаю, как много нас обоих ещё ждёт. С каким страхом мы будем ждать первые месяцы и годы результатов её скрининга, но ещё я знаю, что с момента окончания лечения не будем откладывать наш проект ни на один день.

Как можно откладывать своих детей? Как?

- У нас будут дети, Ева. Будут!

бесконечном сериале. А в героини он хочет только меня, что и докажет прямо сейчас.

Для начала долго и с чувством поцелует. Затем стащит свою майку с моего тела, пройдёт ладонями, пальцами, лаская, пробуждая. Изнежит губами, ублажит языком и насытится сам. Потом соизволит, наконец, заметить, что мои бёдра давно уже разведены и ждут его - это он любит больше всего, что неизменно отражается в самодовольном сощуренном взгляде.

В комнате уже светло, небо за окном тёмно-синее – день будет ясным, и солнце вот-вот появится над водами залива.

Дамиен всегда смотрит в мои глаза, совершая своё первое касание, а за ним и первый толчок. И в этом взгляде всё, что у нас есть, что было, и что ещё будет.

Этот мужчина любит меня, и этого не изменить.

Этот мужчина жаждет лишь моей близости и заботы, и так будет всегда.

Этот мужчина бережёт и защищает меня, ведёт нас по самому светлому пути, и помешать ему невозможно.

После бурного одновременного финиша Дамиен ложится на спину, запрокинув за голову руки, и всегда произносит одну и ту же фразу:

- Иди ко мне!

Это означает, что я должна залезть на него и улечься сверху, прижавшись щекой к его щеке, грудью к груди, животом к животу, своими бёдрами к его бёдрам. Иногда мы целуемся, иногда шепчемся о планах на день.

Взбираюсь и лежу, прилипнув к мужу, как когда-то давно в юности на сказочном пляже в Италии. Мне нравится осознавать под собой его разгорячённое тело, которое теперь так и тянет назвать родным, наблюдать за тем, как интимно соприкасается кожа наших животов, уплотняясь от встречи запыхавшегося дыхания. И всякий раз я вспоминаю Лигурийский пляж, звёздный песок и самый сладкий, волшебный, сшибающий с ног мою разумность голос: «Мы один живот!».

Ева и Дамиен и теперь любят друг друга, и эта любовь повсюду: в простынях, в воздухе, в улыбках детей, в словах и взглядах, обращённых на самое важное во Вселенной лицо, глаза, губы, просто силуэт любимого человека в однообразной массе всех прочих.

Внезапно мою ладонь находит и сжимает в своей его рука, а я перестаю дышать, наблюдая за ростом волны, поднимающейся из глубин моей растрёпанной и такой ранимой души, поскольку знаю, что последует дальше: мягкие, горячие, ещё влажные после жадных целований губы нежно касаются моего мизинца - «За то, что ушёл от тебя»; задерживаются ненадолго и вот уже плотнее прижимаются к безымянному - «За то, что не подошёл в кафе»; за ним следует средний - «За то, что отверг тебя в первый раз»; «За то, что отверг во второй»; и когда его рот плотно и максимально долго вжимается в мой большой палец - «За то, что не защитил, не уберёг», на моих глазах уже слёзы.

Дамиен не любитель много говорить, единственное исключение - пора моей душевной болезни, когда он выполнял миссию по моему возвращению в мир здоровых людей. Свои «Прости» он произнёс только раз, целуя каждый мой палец на левой руке, и сделал это задолго до того, как мы узнали о своём «неродстве» - в пору нашей странной, но максимально полной жизни в уединении в Доминикане. Это был особенный, непохожий на все другие день: мы гуляли больше обычного, обедали в лучшем во всей округе ресторане, а ужинали в море едой, приготовленной Дамиеном, и она оказалась в тысячу раз вкуснее ресторанной. На мне было простое белое платье, Дамиен тоже надел с самого утра всё

белое, и в таком виде мы вышли в плавание на нашей небольшой яхте. И там, в оранжево-розовых лучах заходящего солнца, он и совершил этот жест – высказал просьбу о прощении, повергнув мою непутёвую сущность в пучину слёз. Дамиен обнимал меня, утешал, говорил, как сильно любит, и что отныне и навсегда мы вместе, он рядом, а я обижалась на то, что «напомнил», что влез в мою рану и ковыряется в ней. И только годы спустя до меня дошло, что же на самом деле произошло в тот день.

Дамиен

- Да? – отзывается, уже целуя мою ладонь.

Набираю воздуха и решаюсь, наконец, спросить:

- Тогда в море, что это было?

- Где? Когда? В каком ещё море?

- Ты знаешь!

- Нет, не знаю! Понятия не имею, о чём ты! – смеётся.

- В Доминикане, когда мы вышли на яхте в море: розовый вечер, ты впервые сделал это, то же, что и сейчас, и произнёс те слова... Что это было?

- Ты знаешь, – шепчет.

- Дамиен!

- Ну, ты ведь, действительно, знаешь! – старается придерживаться шутливого тона, но я уже чувствую трещинки сентиментальности в его голосе.

- Может, и знаю, но хочу услышать от тебя!

Чувствую, как он нервно сглатывает – борется с эмоциями:

- Это было наше с тобой обручение, Ева. Мы по-настоящему стали мужем и женой в тот день, и если Бог есть, он благословил нас именно тогда.

В нём больше нет игривости, весёлости, лёгкости. В каждом слове, произнесённом звуке – океан пережитой нами обоими боли.

В моих глазах потоп, и Дамиен, конечно, об этом знает, поэтому его губы уже на моих веках, однако от этой нежности слёзы становятся ещё обильнее и ещё упорнее.

- Я люблю тебя! – шепчет у самого уха, целуя. – Я так сильно люблю тебя!

- За что? – умудряюсь выдать внезапно родившийся в моей голове вопрос.

- За то, что ты у меня есть!

Вечность спустя, но, судя по часам, минуты через две, Дамиен снова заносит руки над головой, с по-детски ждущей улыбкой демонстрируя мне свои мышцы – результат упорного труда.

Возраст стал проявлять себя, и мой муж вдруг кинулся «поддерживать форму», втиснув питание в собственноручно придуманные диетические рамки и начав посещать спортзал:

- Чтобы иметь то, что раньше было подарено природой, теперь приходится вкалывать! - пояснил себя, смеясь.

Ну и, конечно, я должна оценить его выставленные напоказ усилия: провожу пальцами по волнам эффектно напряжённых в этом положении мышц со словами:

- Ну, прямо Аполлон!

И Дамиен расплывается в улыбке до ушей, довольный, что я оценила его усилия. Однако следует признать, мне и не нужно подыгрывать: его тело действительно красиво, а сейчас, когда отчётливее прорисовался пресс и рельеф рук, особенно. Не знаю, под влиянием каких желаний и побуждений, но я целую его подмышку.

- А! Щекотно! - жалуется, смеясь, и вынимает из-под своей головы руки, опуская их на мою спину и ягодицы.

- Мне нравится, как ты пахнешь после секса... - заявляю ему.

- Потом? - кривится и улыбается одновременно.

- Мужчиной... - тяну.

- А во все остальное время женщиной, что ли?

- Нет, продуктами парфюмерной индустрии!

Дамиен заходится в игривом смехе, а я прислушиваюсь к расслабляющим ласкам его пальцев на моей пояснице, плавно перетекающим к ягодицам.

- С кем ты был после меня? Ну, кроме проституток был кто-то? – леплю ему в лоб.

Чувствую, как мгновенно портится его настроение – аж воздух звенит, как пальцы, хоть и не прекращают своих ласк, но определённо теряют нежность. Однако я знаю, что ответ на свой вопрос получу в любом случае: со времён моей болезни Дамиен совершенно перестал меня осаждать. По моим ощущениям в его отношении появилось больше уважения, но на самом деле это бережность. Теперь он считает, что если мне плохо, или я переживаю о чём-либо, его долг успокоить, а если задаю вопросы, значит, мне необходимы ответы на них. Ну и я, конечно, этим пользуюсь:

- Ну, так что? – давлю.

- Ева, были, но не те, о которых ты спрашиваешь.

- Расскажи о них. Какие они? Что тебя привлекло?

- Скорее, их во мне.

- Что это?

- Член! - выдаёт, не смущаясь. - Это было единственное, что я мог дать, и единственное, что им было от меня нужно. Всё остальное - душа, сердце, личность находилось в невменяемом состоянии. Очень долгое время, - добавляет с тяжестью в голосе.

- Пока на горизонте снова не появилась она?

Он молчит, думает.

- Ева, Мел тут ни при чём.

- И, тем не менее, она единственная из всех...

Он не даёт закончить:

- Ева, она тебе не соперница! И никогда не была! Вы никогда не состязались, и я не был трофеем, как ты однажды предположила! Нет! Я уже говорил тебе, что мне тяжело было нащупать почву под ногами, женщины перестали быть женщинами, все превратились в кукол. Только с Мел было когда-то серьёзно, я её знал, она меня... мне не нужно было привыкать и прислушиваться к своим чувствам, я знал из какого угла в какой она пройдёт утром и как именно станет шуметь на кухне. Понимаешь?

Мне сложно это понять. У меня не наблюдалось никакой связи с Вейраном. Внезапно Дамиен продолжает свою мысль:

- Ты ведь знаешь, каково это - жить с нелюбимым и каждый день убеждать себя в обратном. Ева, я за одно вот такое утро с тобой отдам все те свои пять лет прошлой жизни.

- В кафе ты говорил другое и выглядел вполне искренне.

- Ева, ты была не менее убедительна в желании иметь «своих» детей. И только теперь я знаю, что ты лгала. И я лгал. И в этой лжи мы едва не захлебнулись оба.

- Мел всегда любила тебя, и даже сейчас я вижу, как она на тебя смотрит, - не унимаюсь.

- Пусть смотрит.

В этот момент я ощущаю, как его ладонь по-хозяйски плотно вжимается в мою талию.

- Она может только смотреть, а ты - ещё и трогать, пользоваться, трепать нервы, жить рядом, любить и требовать ответной любви в любое время суток, ну и всячески демонстрировать своё право собственности!

Его голос становится мягким, даже елеиным, Дамиен берёт мою руку и укладывает на свою полу-эрекцию:

- Скажи моё имя! - просит.

И я, довольная его ответом, пропеваю полущёпотом-полуголосом, именно так, как ему нравится:

- Даа-ми-ееен!

И полуживое под моей ладонью в момент становится живым, твёрдым и готовым к повторному использованию.

- Вот! Видишь? Только один голос в пространстве Вселенной имеет такое воздействие на меня! – признаётся, смеясь.

- А за её пределами?

- Не проверял! И не собираюсь!

Дамиен никогда не играет с моей ревностью, и я за это ему благодарна. Внезапно он поднимается с постели и направляется в душ. Это один из моих любимых моментов, потому что я получаю возможность полюбоваться на его широченные плечи, красивую спину, стройные ноги и... аппетитную задницу! Недаром же спортом занялся!

Мой мужчина, мой!

Мой самый близкий и родной человек.

Моя любовь и самое любящее меня сердце.

Мой Дамиен.

- Ну, ты идёшь? – разворачивается и спрашивает с игривой улыбкой, гордо демонстрируя мне свою не убиваемую эрекцию.

Из душа всегда выхожу первой: Дамиен моет вначале меня, больше дурачась, конечно, а после занимается собой. И вот теперь, окончательно проснувшись, можно с головой окунуться в утренние хлопоты и заботы.

Надеваю беспроводные наушники с музыкой и иду на кухню варить кашу, разогревать приготовленные Дамиеном накануне вечером ланчи и укладывать их в портативные боксы в количестве пяти штук. Затем завариваю чай в чашки и дублирую его же в две термо кружки, и ещё в три поильника наливаю воду.

Детям в этом году исполнилось по пять лет, поэтому этот сентябрь – наш первый «взрослый» месяц: мы пошли в школу – киндergarten класс. Занятия начинаются в восемь пятьдесят, так что расслабляться нельзя.

Вначале вхожу в детскую к Альбе – ей дольше всех собираться.

- Зайка, - целую её в щёку, с чувством прижимаясь губами, - пора просыпаться!

Мои глаза сами собой закрываются от удовольствия – нет в природе запаха слаще, чем запах твоего ребёнка. Целую её лицо, плечико, макушку и слышу глухое:

- Я не зайка, я единорог! Белый с розовой гривой!

- Открывай глазки, единорожек!

Альба сворачивается калачиком, расплывшись в улыбке: эта игра «имитация животных или сказочного персонажа» не проходит уже который год. Но меня это нисколько не

беспокоит – мои дети самые умные и красивые во всём мире!

- Полежи со мной чуть-чуть! – просит.

Вот поэтому мне приходится вставать так рано: дел с утра невпроворот!

Мы недолго лежим, обнявшись, решаем, что сегодня надеть – трикотажное платье с карманами-кошками или наряд принцессы Эльзы, привезённый папой из Европы месяц назад.

- Принцесское! – решает в итоге моя дочь и вскакивает, чтобы поскорее найти задуманное в своём стенном шкафу.

У неё много платьев, и не только их – гораздо больше, чем нужно одной девочке. Или даже двум, или даже трём.

У Альбы длинные волосы. Не просто длинные, они давно ниже поясицы, поэтому на утренние причёсывания нам необходимо минут двадцать-тридцать, в зависимости от того, что решим плести. Честно сказать, это утомительно и достаточно сложно – пряди слишком длинные, и я бы укоротила их сантиметров на пятнадцать или хотя бы на десять, но Дамиен в этом вопросе непреклонен:

- Ни в коем случае! Волосы у девочки чем длиннее, тем красивее!

Альба отправляется в столовую завтракать, а я – в детскую к мальчикам. Они уже не спят и уже дерутся:

- Джордан! Элайя! – прикрикиваю. – Прекратите драться! Джордан отпусти его!.. Элайя! Зачем ты его укусил? О Боже! Сейчас отец услышит, я защищать не стану!

- Он первый! Он на меня крысу бросил!

- Ну и что? Она же игрушечная! Съела тебя, что ли?

- А он сказал на меня плохое слово!

- Какое?

- Я... я... не помню! Но оно было очень плохое!

Внезапно в комнате раздаётся хлопок: это Дамиен призывает потомство к порядку. Причём без слов: одно многоговорящее выражение лица и сыновья натягивают джинсы и майки. Молча.

- Торжественно поздравляю вас, молодые люди: планшеты на сегодня отменяются! – ставит в известность.

Лица моих сыновей – воплощение Вселенской трагедии. Ну вот, теперь они рыдают. Но не в голос, пока отец в комнате.

- Ведите себя разумно, внимайте словам и просьбам родителей, слушайте маму, в конце концов! Посмотрим, как вы будете вести себя завтра. Всё в ваших руках, парни!

Но завтра, скорее всего, будет то же самое.

Я пытаюсь вымолить у мужа прощение для детей, упрашивая глазами, но он безапелляционно мотает головой – «нет!».

Вообще, Дамиен, всегда мечтавший о сыне, невыносимо строг с ними. Со всеми тремя! Дариус вот уже полгода как живёт с нами – у Мел напряжённый график, она снова замужем за режиссёром и продюсирует эротический фильм о миллиардере и его помощнице.

Мел хорошая мама, наверное, просто сейчас она очень занята, и Дариусу у нас теплее и в прямом смысле сытнее.

Самой большой неожиданностью для меня стали Дамиен и его дочь. Магия их связи проявилась ещё в госпитале, когда он взял кроху в свои руки: Альба неотрывно смотрела ему в глаза своими тёмными, только-только увидевшими мир, и этим миром было лицо её отца.

Мальчишки орали, не открывая глаз – у обоих случилась аллергическая реакция: они были похожи на маленьких опухших поросят. Два дня спустя отёк спал, глазки открылись, но дурной характер так и остался: столько шума и безобразия, сколько производят эти двое, не производит никто в Ванкувере! С ними везде проблемы: и на детской площадке, и в школе, и в кинотеатре, и в приёмной врача. Не знаю, как бы справлялась с ними без Дамиена, но мне, Слава Богу, не пришлось: он все последние пять лет был неотрывно рядом. И только полгода назад решился, наконец, вернуться в профессию и выполнить данное Алексу обещание – снять фильм по книге Валерии. Я её не читала, в последние годы было не до книг, дойти бы до кровати.

Наконец, вся моя семья завтракает за высоким столом–островом посередине нашей кухни-столовой. Мы убрали перегородку, которая была здесь раньше, чтобы и во время готовки можно было любоваться на залив, а не только за коротким завтраком, обедом, ужином.

Дариус в наушниках, хотя знает, что отец этого не одобряет. Но в отличие от малышей, у Дариуса привилегии – старшинство в семье, поэтому Дамиен помалкивает, не одёргивает при остальных.

- Мне пришло письмо, - начинает издали мой муж. - Тебя перевели из основного состава в запасной. Я расстроен.

Дариус пожимает плечами:

- Там новенький пришёл, он старше меня, и его поставили в ворота.

- Дело ведь не в возрасте, ты и сам это знаешь. Не хочешь играть?

- Нет.

- А чего ты хочешь?

- Пап, спорт – это не моё, ты же и сам видишь: тренировки каждый день, а толку нет.

Дамиен вздыхает, потому что это правда. И моему мужу, привыкшему быть лучшим из лучших, самым амбициозным из всех, ужас как страшно и тяжело принять эту правду.

- Нужно стараться! Делать всё, что в твоих силах, чтобы быть лучше!

- А зачем?

Альба разливает сок, я вскакиваю, чтобы принести бумажные полотенца, но Дариус быстрее:

- Мам, я принесу!

Улыбаюсь ему и ласково треплю по голове. Дамиен протяжно вздыхает: да, Дариус - не Дамиен. И Дариус ни в коем случае не хуже, он просто другой. Он мягче, теплее, ласковее. Но его внутренний мужской стержень, стремление жить по своему уму, не подчиняясь нормам и ожиданиям других – важная черта, унаследованная от отца. Он умный и сильный, но не любит играть в сокер. В бейсбол тоже. И футбол. И баскетбол. Дариус любит рисовать, слушать музыку, обучаться игре на гитаре. И помогать людям.

Дамиен устраняет сотворённое дочерью безобразие принесёнными полотенцами, обнаруживает пятно на «принцессном» платье и голосом, о существовании которого я не подозревала ещё каких-нибудь пять лет назад, выдаёт:

- Котёнок мой, ты посмотри, как здесь мокро! Давай поскорее доедай кашку, и я помогу тебе переодеться...

Далее следуют поцелуи в лобик, щёчку, опять в лобик и так далее.

Этот человек напоминает мне пластилин play dough, в который играет моя не по годам мудрая дочь. Она одна в нашей семье умеет выпрашивать у отца бесчисленные «прощения»

для мальчиков. И это единственное, в чём она «обошла» меня, что и не удивительно: я ведь не могу залезть к отцу на руки и протяжно пропеть:

- Папочка! Любименький мой! Ну выпусти, пожалуйста, парней из комнат! Мне без них скууууучно!

И он плавится. Растекается, как мороженое на солнце. Нет, не мороженое – сладкая-сладкая патока. И соглашается.

Как-то раз Альба сообщила утром, что ей приснилась розовая река, и в той реке плавал папа. Дамиен очень внимательно её слушал, смотрел, потом неожиданно обнял, прикрыв глаза, а днём упал с декорации, объясняя актёрам смысл снимаемого эпизода. Остался цел, но повредил руку, и когда мы дома меняли повязку, промывая под краном рану, Альба заметила:

- Розовая река!

Дамиен здоровой рукой притянул её голову к своему животу, и от вида их прижатых друг к другу фигур в моём сердце защемило от понимания чего-то глубинного, важного, того, что не даётся просто так и не дарится всем.

Иногда, когда боевые действия принимают угрожающие масштабы, нам приходится «разводить» мальчишек по разным комнатам. Но бывают и периоды добровольного затишья: новые игрушки, планшеты или просмотр мультфильмов. Если хочешь покоя, включи детям мультики, другого пути нет! Однако злоупотреблять нельзя: Канадский институт здоровья не позволяет проводить детям у любого рода экрана больше двух часов в день.

Да, наша с Дамиеном мечта о большой семье всё-таки стала реальностью, хотя в чудеса мы никогда не верили. Теперь у нас четверо детей: старший Дариус и тройняшки: Джордан, Элайя и Альба.

Их выносила и дала жизнь не я, но зародились они от соединения моих клеток с клетками Дамиена в лаборатории Vancouver Fertility Clinic. Мы не планировали троих, рассчитывали на одного и обговорили с суррогатной матерью вариант вынашивания двойни в том случае, если после подсадки приживутся два эмбриона, а не один из пяти, как это чаще всего бывает. Прижились три. Причём с первой же попытки. Как выяснилось, наши с Дамиеном клетки оказались не только способными давать здоровое потомство, но ещё и производить необыкновенно «живучие» эмбрионы, умеющие не просто цепляться за жизнь, а не отдавать её ни под каким предлогом.

Были и трудности: врачи настаивали на удалении одного, и мы даже почти согласились, пока не упёрлись в дилемму: кого из троих?

Продали родительский дом, чтобы оплатить вынашивание и роды тройни.

Алекс, друг Дамиена и отец моей любимой подруги (хотя она у меня всего одна), негодовал по этому поводу, расценив наш поступок глупым – отчий дом слишком ценен, чтобы расплачиваться им в клинике. Конечно, Алекс мог бы помочь с оплатой ещё ста тысяч подсадок и вынашиваний, но нам было важно сделать это самим.

И, кроме того, для нас с Дамиеном в том доме не было никакой ценности, он стал олицетворением прошлого, о котором мы хотели бы забыть, поэтому расстались с ним без единого сожаления - в нашей новой жизни плохие воспоминания не нужны.

Дети, все трое, родились здоровыми, красивыми и похожими на нас с Дамиеном. Во время родов и мы, биологические родители, и наши друзья – Лурдес и Алекс ждали появления на свет младенцев в специальной комнате. И только нам с Дамиеном позволили зайти в родильный бокс во время кульминации процесса.

Увидев моё лицо после того, как всё закончилось, Лурдес многозначительно подняла свои идеальные брови и подытожила все предшествующие мои боли, страхи и переживания по поводу того, что выполняю эту природно-женскую обязанность не я, фундаментальной фразой:

- Ну! Я же говорила, что ты НИ-ЧЕ-ГО не потеряла!

Да, увиденное максимально приблизило и меня к этой мысли. Даже Дамиен прошептал на ухо:

- Знаешь, а я рад, что этот кошмар сейчас проживаешь не ты. Я бы не выдержал!

Но если бы мне дали шанс выбирать, я бы всё-таки прошла через этот монументальный процесс сама: хочется узнать, прочувствовать, каково это, когда из тебя после девяти месяцев ожидания, многих часов самого главного в жизни труда, боли и мучений вынимают твоё чадо и кладут его на твою грудь. А ты плачешь от счастья и удовлетворения собой.

Наших детей не клали на грудь суррогатной матери – завернули в пледики и вручили нам. И мы плакали с Дамиеном вместе, но он почему-то в этот важный и трогательный момент не любовался нашими с ним детьми, а целовал мои губы.

Если бы меня спросили, что я люблю больше всего в своей теперешней жизни, я бы ответила - поздние вечера. Когда суета сует достаточно устанет за день, чтобы спокойно послушать вечернюю сказку, задать осмысленные вопросы и получить на них содержательные ответы. Когда после поцелуев в спящие макушки я направляюсь в спальню к мужу и, всякий раз, предвкушение рождает улыбку и щекочет нежные внутренности моего живота. Потому что он всегда ждёт меня, всегда нетерпеливый, свежесбривший и пахнущий гелем, который я для него покупаю. И на нём всегда нет белья: это прямой намёк на то, что филонить нет смысла.

Мы никогда не говорим о моей неполноценности (хотя муж и вовсе запрещает мне использовать это слово), но однажды Дамиен потерял осторожность и сказал, что ему повезло - у меня не бывает «технических профилактик». Я не знала, как реагировать. Мне до сих пор сложно принимать себя такой, но он, мой муж, мой Дамиен, сделал это давным-давно, и, видя в его глазах безграничную любовь, а часто и восхищение, я ощущаю именно её - полноценность.

Пока дети заканчивают свой завтрак, я выхожу на террасу. Стою, вытянув руки, и держусь ими за стальные перила стеклянной конструкции борта. Солнце уже встало, разлив своё золото на серой глянцевой поверхности спокойного в это сентябрьское утро залива. Солнце – не частое явление в наших краях, поэтому в такие дни, как сегодня, хочется быть ближе к нему, подставить лицо лучам, закрыв на время глаза.

Как только мои веки опускаются, сознание стремительно возвращается в прошедшую ночь: белый Мустанг несёт меня по ночному хайвею, я упиваюсь скоростью, адреналином и гипнотизирующей красотой задних фар чёрного Мустанга Дамиена. Он всегда впереди: как бы муж не объяснял мне премудрости и тонкости гонки, не учил чувствовать машину, правильно выжимать сцепление и газ, насколько ни была бы моя модификация новее, резвее, мощнее, мне его не обойти. Никогда. Я всегда позади, всегда за ним, всегда спешу за его огнями.

Шесть вертикальных алых полос – по три с каждой стороны, приковывают мой взор, погружая в состояние, похожее на транс. Это не просто огни задних фар его машины, это мой маяк, ориентир, которого мне нужно держаться. Дорога слишком опасна и непредсказуема, я не доверяю ни ей, ни людям, её построившим. Я верю Дамиену, и он

прокладывает для нас обоих путь, минуя развилки и съезды на другие уровни автобана, набирая скорость и сбрасывая её, меняя полосы. Он даёт мне возможность разогнаться и попробовать на вкус скорость, удовольствие от игр с ней и управления моим резвым белым конём, но только на тех участках, которые сочтёт безопасными.

В этом движении у меня нет свободы, я лишь следую за ним, ориентируясь на шесть его красных огней, но весь смысл в том, что мне она и не нужна: моё счастье в её отсутствии. Я променяла свою свободу на любовь: Евы Блэйд давно уже нет, есть вторая половина Дамиена Блэйда.

Голос Дамиена ударяет меня в сердце, вырвавшись из сотового, прикрепленного к панели приборов:

- Ну как? Чувствуешь её?

И в этом голосе столько «свободы», что нам хватит обоим. Настолько живым мой муж бывает только в двух случаях: за рулём и в постели. Но дорога – то место, которое единственное превращает его в мальчишку, жаждущего поделиться своим искрящимся экстазом со мной, его неотделимой частью. И я принимаю его подарок:

- Дааа! Дааамииееен!!!

Он прибавляет ещё, вынуждая меня интенсивнее вжимать ступню в педаль газа.

Невероятные ощущения. Непередаваемые. Неповторимые.

Перерождение личности. Заполнение эмоциями до отказа. Выход на новый уровень.

Внимание, напряжённое до предела, максимальная острота зрения, выверенность каждого движения и приближающиеся красные шесть полос, потому что я нагоняю свой маяк. На этой скорости, кажется, даже мысль имеет воздействие на рёв мотора моего Мустанга:

- Боже, Даааамииееен! – выдыхаю со стоном.

И он отвечает изменённым голосом, неся свой заряд и мне:

- Это оно, Ева! То, о чём я тебе говорил!

Да, он долгое время пытался мне объяснить, что чувствует за рулём своего гоночного Мустанга, почему скорость даёт ему силы и как именно лечит его душевные раны, пока, в конце концов, не потратил целое состояние на новую модель своего любимца для меня. Он заказал её в эксклюзивном цвете – белом. Это был подарок на пятую годовщину нашей свадьбы, сопровождаемый словами: «Теперь ты узнаешь, что ЭТО!».

И я узнаю трижды в месяц: десятого, двадцатого и тридцатого числа. Каждую ночь, выпадающую на эти даты, мы выезжаем на пустынный автобан и гоняем с трёх до четырёх утра – именно в этот час автобан мегаполиса бывает совершенно пустым. И этого времени нам хватает для полного сброса накопившейся усталости, замотанности детскими проблемами и рабочими вопросами. Вначале Дамиен предполагал соревноваться со мной, нивелировав свой опыт техническим превосходством и мощностью моей машины, но его талант и любовь к скорости оказались всё же сильнее – я так и не смогла его обойти. Ни разу. А может быть, и не хотела.

Спустя время открываю глаза, чтобы полюбоваться никогда не надоедающим морем, его просторными водами, виднеющейся вдалеке кромкой острова Ванкувер, горной грядой справа или суетой на знаменитом Ванкуверском мосту «Львиные ворота» слева. Кажется, я люблю свой город. Теперь люблю.

Этот человек настолько дорог мне, что я способна узнать его без слов и образов. Самой первой ощущаю радиацию тепла, исходящую от его большого тела, затем нос улавливает

запах терпкой туалетной воды – мой выбор, влажное дыхание в изгибе моей шеи. Он не просто присутствует, он есть.

Мой муж, мой Дамиен.

Сколько раз он делал это, а эффект всё тот же: губы касаются кожи на шее, и в эту точку словно вонзается поток благостной энергии, растекающейся вибрациями, волнами с такой силой, что мои ноги подгибаются в коленях. Но я не боюсь упасть – знаю: он подхватит. Всегда.

Наконец, Дамиен прижимается ко мне грудью, протягивает свои руки под моими, заставляя отпустить поручень и, расслабившись, просто лежать на нём: спина на его груди, руки на его руках. Этот жест вошёл в число его немногих привычек уже давно: всякий раз, как он видит меня на террасе с вытянутыми руками, бросает то, чем был занят, и выходит, чтобы встать за моей спиной. Я знаю об этом и неосознанно жду его даже тогда, когда уверена – он не видит меня. Жду, потому что эти руки, поддерживающие мои, и грудь, отдающая мне свою силу – напоминание о его клятве быть всегда мне опорой. И он считает, что об этом нужно напоминать – чем чаще, тем лучше.

Как Алекс напоминает своей Валерии о том, что любит всю свою жизнь только её, и только она по-настоящему имеет в его жизни значение. Даже не дети, а только она – в этом он однажды признался Дамиену.

- Ты спала всего два часа сегодня. Ложись отдыхать сразу, как мы уедем, - нежно приказывает мне мой супруг.

- Ты спал столько же! – спору.

- Я крепче! – настаивает.

- Ну и что?! Без тебя я не усну!

Дамиен смеётся: я это слышу и чувствую, почти лёжа спиной на его груди. От его смеха мне делается так хорошо... Непередаваемо сладко.

- Окей, - и в голосе ирония. – Развезу детей по школам, заскочу на Коттонвуд – что-то у них выручка упала, нужно проверить. Вернусь и залезу к тебе под бочок, - нежно целует меня в висок.

- Ты помнишь, что сегодня у нас гости? – спрашиваю.

- Помню, конечно!

- Нужно готовить ужин. Поможешь?

- Ты ни о чём не беспокойся. Лера сказала, что привезёт сладкое и кое-что из еды, и дала мне задание побаловать её чем-нибудь из меню моих ресторанов, но я приготовлю сам. Выбираю между лазаньей и уткой, ты как считаешь?

- Утка выходит у тебя лучше!

- Окей, значит утка! Заодно и мясо на Коттонвуд выберу, сегодня как раз у них поставщик.

- Соня с Эштоном тоже приедут?

- Только Соня с детьми, Эштон в отъезде.

- Значит, Амаэль и Айви сегодня будут здесь! - улыбаюсь.

Любоваться на эту парочку можно до бесконечности. Столько трепетности и нежности в детской дружбе мне ещё не встречалось. Они словно существуют отдельно от всего прочего мира, их головы всегда рядом, всегда вместе.

- У них всё будет не так как у нас, - Дамиен вдруг становится серьёзным, - им повезло с семьёй.

Амаэль и Айви ещё совсем дети, но уже сейчас яснее ясного видно, что тяга, существующая между ними - не просто дружба. Так тянутся только родственные души, однажды предначертанные кем-то одна другой. Именно так, как это было когда-то у нас с Дамиеном. С самого детства, с самого начала между нами были искры и непреодолимое взаимное притяжение.

- Ты начала читать Лерину книгу?

- Нет ещё. Смотрела отзывы в сети, люди пишут, что она не простая. Никак не решусь...

- Не бойся тяжести, без неё не бывает настоящих историй. А эта книга - о самой сильной, сложной и красивой паре, какие мне встречались.

Спустя мгновение добавляет:

- Ну, кроме нашей, конечно!

С этими словами муж опускает руки, разворачивает меня к себе и целует в губы. Я купаюсь в его любви, плаваю в ней, как в океане. И каждая волна поднимает меня так высоко, что, кажется, можно коснуться неба, дотянуться до звёзд и снять себе самую счастливую.

Его любовь в его поцелуях. Они не просто быстрые «чмоки» или постельные поедания, они - цветы, распускающиеся на моей коже. Благоухающие сладким приторным ароматом гиацинты цветут на мне вечером и ночью, а утром и днём - нежные чайные розы с множеством многослойных лепестков и утончённым запахом.

Дамиену нравится меня целовать: его поцелуи - потребность для него самого, ласки, дающие выход переполняющим его чувствам. Каждое касание нежных, но уверенных и настойчивых губ воспринимается мной как благословение. Он говорит, что не целует меня, а «молится своему божееству», не обнимает, а «преклоняется». Но это, вообще-то, не его слова! Их придумал Алекс для своей Валерии, а Дамиен повторяет для меня. Но какая разница? Суть-то от этого не меняется!

Мы ценим каждую минуту, которая у нас есть, проживаем её во всей возможной полноте и никогда не жалеем о сделанном или не сделанном. Наши руки всегда одна в другой, головы рядом, а губы никогда не успевают забыть мягкость и вкус друг друга. Мы ВМЕСТЕ, как и хотели всегда.

Время поджигает: детям пора в школу. Дамиен в неоновой футболке, чёрных шортах, солнечных очках и бейсболке задом наперёд, обвешанный тремя детскими рюкзаками и ланч-боксами, хлопает в ладоши громогласно провозглашая:

- По коням!

И мальчишки бросаются в гараж, изо всех сил стараясь обогнать один другого. Альба грациозно вкладывает свою маленькую руку в большую и надёжную отцовскую, Дариус забрасывает огромный рюкзак на плечо, напялив бейсболку так же, как и отец, задом наперёд, и я узнаю в очертаниях его спины и рук восемнадцатилетнего Дамиена – дерзкого, амбициозного, местами самовлюблённого гонщика.

Муж подходит ко мне, чтобы поцеловать и обнять на прощание, хотя отбывает максимум на час-два, а я бреду следом за ними в гараж, чтобы как обычно проводить взглядом наш большой семейный SUV и попросить у Бога защиты. И я не знаю, кому доверяю больше: Господу или уверенным рукам моего улыбающегося мужа. Дамиен изображает что-то вроде воздушного поцелуя и выезжает с нашей площадки на дорогу.

Сложно передать то чувство наполненности, которое я ощущаю, глядя на него. На обычные передвижения по нашему дому, простые жесты, слова, адресованные детям или

мне.

Мой Дамиен.

Мой целиком, без остатка и теперь уже навсегда. Я это знаю, он это знает, и мы оба всё друг о друге знаем.

Когда радуешься всем своим существом настолько простым вещам, как взмах его рук, раздвигающих после ночи шторы в столовой, понимаешь: вот оно – настоящее счастье.

Когда сияешь, глядя на то, как одна его ладонь треплет волосы вашего бедокура-сына, а вторая не просто лежит на твоём бедре, нет, она – портал вашего единения, контакт не только кожи, но двух преданных друг другу душ, понимаешь: вот оно - счастье. Счастье в мгновении.

Когда физически ощущаешь его взгляд на себе и, поднимая глаза, вдруг встречаешь невесомую улыбку и видишь в этой невесомости бесконечную глубину его чувства, понимаешь: вот оно - счастье.

Мой мужчина – лодка, и я - единственный в ней путешественник. В нашей реке жизни будут пороги и водовороты, тихие заводи и крутые берега, но мы проплывём свой длинный путь до конца. Лодка будет нести меня, а я снова и снова собирать её из обломков и щепок, заделывать пробоины, покрывать новой краской и просто любить.

Лера права: люди должны знать о том, какой может быть любовь: необъятной, непреодолимой, необъяснимо меняющей тебя. Всепрощающей, вдохновляющей, поднимающей с колен. Исцеляющей от любой боли: и душевной, и физической. Несокрушимой. Неистребимой. Раздвигающей границы, наделяющей силой, дающей жизнь. Она может быть прекрасной и уродливой, правильной и неправильной в одно и то же время. Но важно вот что: любовь - это самое прекрасное чувство, подаренное нам Богом. Его главное нам испытание и самый ценный дар.

Беру в руки подаренную Лерой книгу, провожу ладонью по обложке, вдыхаю запах новой бумаги и раскрываю на первой странице, чтобы прочесть уже, наконец, самую сильную историю любви.

МОНОГАМИЯ. Часть 1...